

"Река ведет к Истоку"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

ПРОЛОГ, в котором Нина отказывается от очень заманчивого предложения

Двадцать лет назад

Часы мерно отстукивали секунды, одну за одной.

Всеми позабытые свечки на торте давно расплылись цветными парафиновыми лужицами, и Нина отстраненно подумала: как же их оттуда выковыривать и не испортится ли от этого торт? Да и имеет ли теперь этот торт хоть какое-то значение?

Кольцо лежало на столе: массивное, тяжелое даже на вид — крупный зеленый камень, оправленный в серебро. Серебро почернело от времени, поэтому украшение смотрелось мрачно, даже зловеще. Впрочем, в темноте все кажется немного зловещим.

А ведь они и не заметили, что все это время сидели в темноте. По крайней мере ошарашенная новостями Нина не заметила. Гость пришел на закате, но когда был этот закат? Сколько часов назад? И сколько осталось до рассвета?

Девушка поднялась со стула, щелкнула выключателем.

В комнате стало немного светлее. Уютнее не стало: сразу бросились в глаза пожелтевшие обои, старенькая клеенка на столе, ободранная и покосившаяся дверца книжного шкафа, из-за которой выглядывали потрепанные обложки любовных романов. Галкиных, конечно.

Сама Нина такое не читала. Пролистала пару книг из любопытства, но быстро усвоила, что все они написаны по одному шаблону, и забросила. А вот старшая сестра читала запоем. Приходила с работы и падала в круговорот чужих чувств и эмоций. Галка верила в любовь, ждала ее, искала — и не находила.

До сегодняшнего дня.

Сложно не влюбиться, когда с последним закатным лучом в дверях возникает прекрасный мужчина в странной одежде и говорит, что пришел забрать одну из девушек в волшебный мир. Кому же не захочется оставить все это старое, серое, затхлое — и отправиться в сказку следом за галантным кавалером? Стать волшебницей, сильной и влиятельной, жить долго и счастливо и умереть со своим избранником в один день, предварительно наплодив детей и понянчив внуков!

Судя по Галкиному лицу, она уже в красках представила эту идиллическую картину и готова была в любой момент бросить реальный мир и отправиться в волшебное путешествие...

...но тут выяснилось, что пришелец явился не за ней.

И это известие не обрадовало никого.

Галка даже не заметила, что в комнате зажегся свет. Она не сводила глаз с мужчины, принесшего кольцо. Тот отвечал мягкой улыбкой.

Нина с каждой минутой все больше чувствовала себя лишней. А еще — одинокой, чужой, всеми забытой. Маленькой девочкой в растянутом свитере, которая сегодня зачем-то надела нарядную блузку. Но ведь это был ее день. Ее праздник!

Восемнадцать лет, торт и свечи. А потом прозвучал звонок в дверь — и пришел этот... прекрасный принц, чтоб его.

Незванный гость и Галка по-прежнему смотрели друг на друга. Кольцо лежало между ними — такое доступное, близкое. Протяни руку, возьми, надень на палец — и все изменится. Начнется новая жизнь.

Новая жизнь в новом мире.

Не для Нины.

Галка, конечно, будет против. Точнее, сделает вид, что против. Начнет сопротивляться, возмущаться, попытается переубедить. Но потом смирится и согласится.

Да, именно так все и произойдет.

— Я могу отказаться от кольца? — спросила Нина. От волнения голос показался хриплым и будто чужим.

Мужчина всем телом развернулся к Нине. Удивления в его взгляде не было. Скорее вежливая заинтересованность.

— Так могу или нет? — повторила девушка.

— Теоретически — можете. — Голос колдуна звучал приятно. Бархатный такой, обволакивающий, очаровывающий. За обладателем такого голоса хотелось немедленно идти на край света, не собрав чемодан, забыв погасить свет в ванной и не выдернув шнур утюга из розетки.

«Чары! — напомнила себе Нина. — Это просто чары. Специально на таких дурочек рассчитаны. И Галка должна это понимать!»

Но та, похоже, не понимала.

Кажется, она даже не расслышала вопроса сестры. Сидела, уставившись в одну точку, как заколдованная.

— Что вы с ней сделали? — спросила Нина.

— Ничего особенного. Слегка усыпил, чтобы у нас появилась возможность поговорить без помех. Итак, клисса, вы хотите отказаться от наследства?

Нина кивнула.

— В ее пользу, если я правильно понимаю? — Мужчина указал взглядом на Галку.

Нина снова кивнула.

— Могу я поинтересоваться почему?

— Мне кажется, она это заслужила. Она меня воспитала. Заменяла мне всю родню. Работала на двух работах, чтобы как-то прокормить и одеть. Она столько времени потеряла ради меня. И если я сейчас просто уйду, оставив ее здесь... Я попаду в сказку, а она останется в реальности, да еще и совсем одна... Это... ну... нечестно, понимаете? Тем более она старшая. По закону наследство должно достаться ей.

— У нас разные законы. А ваша прабабушка довольно однозначно сказала, что завещает силу младшей в роду. Стало быть — вам.

— А я не приму! Не нужна мне такая сила! — Голос дрогнул, но собеседник этого вроде бы не заметил. Покачался на стуле, что-то обдумывая, и спокойно произнес:

— Хорошо, спорить и уговаривать не стану. Но должен предупредить, что, отказавшись от камня, вы больше никогда не сможете претендовать на него вновь. Если ваша сестра умрет, не оставив наследника, ее сила будет изъята в общий фонд Истока.

— Я понимаю.

— И еще одно условие. Галине вы объясните все это сами. Объясните, поможете собраться, попроситесь — и сделаете все это очень быстро. Я и так основательно задержался тут с вами.

Нина кивнула в третий раз.

Вот и все, дело сделано. Она остается дома. А Галка...

...в конце концов, она действительно заслужила немного чуда.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой снова появляется таинственный гость и некоторое время все идет по плану

Алина злилась. Злилась от души и с полной самоотдачей: швырялась одеждой, диванными подушками и даже книжками. Книжками, впрочем, всего один раз, да и то аккуратно, почти бережно. До дыр зачитанный «Гарри Поттер», шелестнув страницами, грохнулся на диван. И на этом буйная стадия протеста закончилась.

— Успокоилась? — поинтересовалась Нина.

— Нет, — сверкнула густо подведенными глазами племянница. — Я теперь совершеннолетняя! Что захочу, то и буду делать. Хочу гулять с друзьями — и пойду!

— Если бы вы гуляли! Опять ведь в карты станете резаться весь вечер. Но иди, если хочешь. Тольконими мой браслет, я тебе его брать не разрешала. И посуду помой.

— Не обязана я в собственный день рождения мыть посуду!

— А есть из нее обязана? — хмыкнула Нина. — Был уговор: я готовлю, а ты убираешь. Так что марш на кухню. Раньше закончишь — раньше пойдешь к своим ненаглядным друзьям.

— Но я только что ногти накрасила! — ухватилась за последний аргумент Алина.

— Тогда жди, пока высохнут. — Нина философски пожала плечами. И украдкой глянула в окно.

Солнце уже почти скрылось за горизонтом. Еще немножко — и закат разгорится в полную силу, заливая комнату алым и розовым.

Пожалуй, возможность любоваться из окна прекрасными закатами была единственным достоинством этой квартиры. Спустись этажом ниже — и все перекроет бесконечная вереница гаражей. Сдвинься вбок — и вместо разноцветного зарева увидишь лишь торец соседнего дома.

Солнце опускалось все ниже и ниже, небо на глазах преображалось, расцвечиваясь миллионами оттенков, которые смешивались, наслаивались друг на друга, отражались в реке, бликовали в соседских окнах, подсвечивали крыши гаражей.

Нина сама не заметила, как засмотрелась. Всегда засматривалась.

Алина тем временем выскользнула из комнаты, неслышно обулась и уже потянулась за ключами... И тут в дверь позвонили.

В отличие от тихого писка домофона, квартирный звонок обладал убийственной громкостью. Все, кому доводилось услышать его пронзительное дребезжание, подпрыгивали на месте,

роняли предметы, хватались за сердце, затыкали уши или выражали свой испуг другими, менее радикальными методами.

Алина проявила чудеса стойкости и просто вздрогнула. Даже ключи не выронила.

— Нин, тут в дверь звонят, — обреченно крикнула она, понимая, что побег не удался. С другой стороны, если тетя отвлечется на гостей, то...

Тетя на гостей отвлекаться не собиралась. Даже не обернулась — продолжала внимательно изучать закат, будто надеялась высмотреть в нем что-нибудь интересное.

Звонок задребезжал снова.

— Да иду я! — обреченно буркнула Алина, распахивая дверь.

На пороге стоял мужчина.

В принципе в нем не было ничего необычного, мужчина как мужчина. Среднего роста, поджарый, с темными волосами, собранными в хвост. Если бы Алину остановили на улице, показали этого человека и попросили сказать, чем он занимается, она бы, наверное, предположила, что он какой-нибудь художник или музыкант. Пальцы у него были как у пианиста — длинные и подвижные. И тяжелая серьга с золотистым камнем в левом ухе. И шелковая черная рубашка с длинными рукавами. И еще сапоги (летом!). Кому же в голову придет в таком виде разгуливать, если не художнику или музыканту?

Но в тот момент Алина ничего такого не подумала. Гораздо больше ее удивил сам факт: незнакомый мужчина, стоящий на пороге их квартиры. Причем этот мужчина не предлагал купить пылесос, подключить Интернет по супервыгодному тарифу или вступить в пенсионный фонд. И даже религиозных брошюр у него не наблюдалось.

Странно-странно!

— Здравсьте. А... вы, наверное, к тетя Нине? — на всякий случай уточнила Алина, пропуская гостя в квартиру. Было в его взгляде нечто такое, из-за чего девушка сразу решила: лучше впустить, не дожидаясь, пока попросят.

— Нет, клисса, я к вам. Хотя и с тетей повидаюсь с огромным удовольствием. Если она, конечно, дома.

Мужчина улыбнулся, хотя Алине показалось, что оскалился. Косые закатные лучи, неведомо как проникшие в коридор, исчертили лицо резкими тенями, сделав его похожим на демоническую маску.

— Нин, иди сюда, — неуверенно позвала девушка. И немножко отступила вглубь квартиры. На всякий случай.

— Ну чего ты вопишь? — Тетя наконец-то оторвалась от созерцания заката и вышла в коридор. — Только что распиналась, какая она взрослая, а стоило увидеть чужого дядю, так сразу побежала за меня прятаться.

— Я не прячусь, — буркнула Алина. — Просто... ну...

— Испугалась, — улыбнулась тетя. И добавила доверительным шепотом на весь коридор: — Это

нормально, я, когда его впервые увидела, тоже испугалась. А вот мать твоя сразу же втрескалась без памяти. Ни к чему хорошему это не привело, так что не вздумай вдохновляться ее примером.

Мужчина фыркнул.

Алина пристально взгляделась в него, но так и не поняла, во что там можно втрескаться. Возможно, незнакомец и был красив, но какой-то чужой красотой — резкой, хищной и холодной. Кроме того, по возрасту он ей в отцы годился.

От последней мысли девушка ойкнула и отступила еще немножко, совсем вжавшись в стенку.

Да нет, не может такого быть! Возраст, конечно, подходит. И волосы у него такие же черные, как у нее. И глаза тоже карие. И еще нос — прямой и довольно длинный, почти такой, какой Алина каждый день видела в зеркале.

Сразу стало понятно, почему внешне мужчина ей не понравился. Она сама себе тоже не слишком нравилась и всегда жалела, что не похожа на Нину или маму, которую видела только на старых фотках. Они выглядели совсем по-другому: сероглазые, светло-русые, с такими милыми ямочками на щеках.

Но ведь от кого-то Алина должна была унаследовать этот злополучный нос!

— Только не говорите, что вы мой отец! — выпалила она, удивляясь собственной наглости. Но лучше уж сразу спросить, чем потом терзаться вопросами.

— Что? — переспросил гость. Выглядел он при этом удивленно и немного обескураженно: — С чего вы взяли, клисса? Разве тетя вам не сказала, что ваши родители умерли?

Алина почувствовала, что начинает краснеть. Щеки пылали так, что хотелось закрыть их ладонями и немедленно сбежать в другую комнату. А лучше вообще в ванную. Закрыться там и сунуть голову под холодный душ.

Но незнакомец явно ждал ответа на свой вопрос, поэтому девушка собралась с силами и выдавила:

— Мало ли что она мне сказала. Лет до семи она вообще пыталась убедить меня, что их убил злой волшебник. Я, конечно, люблю сказки, но не настолько же!

— Какой еще злой волшебник, женщина? — Гость укоризненно посмотрел на Нину. — Я же тебе объяснял, что это был несчастный случай. Неконтролируемый выброс силы при изготовлении арфактума. Такое случалось и с более опытными специалистами. Никто не виноват.

— Так не бывает, — надулась тетя. — Всегда кто-нибудь да виноват. И вообще, одни беды от вашей магии.

— А от вашей технологии, можно подумать, бед нет! Только что на перекрестке машина кошку сбила. Да и вообще, я пока до вас добрался, чуть не свихнулся. Что за дрянью в воздухе воняет? Это же не бензин, к бензину я привык.

— Ничего особенного, просто сегодня ветер с завода. Повоняет и перестанет. По официальным данным, превышения допустимой концентрации по диоксиду серы не зафиксировано.

Последнюю фразу Нина произнесла нарочито чужим голосом, передразнивая дикторшу из телевизора. Гость на это никак не среагировал. Видимо, телевизор он не смотрел. Если вообще знал, что это такое.

Алина нервно сглотнула. Только сейчас, с непонятным запозданием, до нее начал доходить весь смысл диалога. Ее тетя и мужчина в шелковой рубашке говорили про магию. Причем так, словно она была реальной. И не похоже, чтобы кто-то из них при этом шутил.

А еще оба они смотрели на Алину.

Кажется, ей только что задали какой-то вопрос. Или нет? А если нет, то почему так смотрели?

— В чем дело-то? — не выдержала девушка.

— Она совсем не похожа на мать, — признал наконец, мужчина. Обращался он вроде бы к Нине, но слова произносил куда-то в пространство.

— В вашу породу пошла. Такая же самоуверенная нахалка.

— Женщина, ты вообще в курсе, что сейчас оскорбила целую ветвь древнего рода? — полыхнул глазами гость. — За это по закону можно и плетью схлопотать!

— У нас разные законы, — нисколько не смутилась тетушка. — А чей род древнее — я бы еще поспорила.

— У тебя вообще нет рода, ты от него отреклась!

— Я вам не мешаю? — не выдержала Алина. — А то меня друзья ждут. Я гулять хочу.

— Перехочешь! — в один голос гаркнули взрослые.

После чего недовольно уставились друг на друга.

— Что? — развел руками мужчина. — Я имею столько же прав на ее воспитание, сколько и ты.

— Тогда сам с ней и объясняйся. Нашел тоже буфер обмена!

— Что? Какой еще буфер?

— Промежуточное хранилище данных в системе, — машинально пробормотала Алина. Накануне она как раз сдавала информатику, и знания из головы выветриться еще не успели.

— Ты бы на экзамене так бодро отвечала, троечница! — прокомментировала Нина, которая, собственно, этот экзамен и принимала. И действительно поставила племяннице тройку.

— Так! — резко выдохнул гость. — Глубокоуважаемая клисса, гулять вы сегодня не пойдете. Вместо этого мы с вами поговорим в каком-нибудь тихом и укромном месте, подальше от этой неугомонной женщины. Я расскажу вам про родителей, отвечу на все вопросы и вручу наследство. Собственно, за этим я и прибыл. И времени у нас не так много, только до рассвета. А разговор предстоит долгий.

Алина осторожно покосилась на тетю. Та демонстративно пожала плечами. Делай, мол, что угодно, ты же взрослая.

Быть взрослой действительно очень хотелось. Но без тетиной поддержки стало неудобно и даже страшновато. Тем более что она-то явно понимала, что здесь происходит. А вот сама Алина — пока еще нет.

— Хорошо, мы поговорим, — решила девушка. — Но на первый вопрос вы ответите прямо здесь и сейчас. Вы вообще кто?

— Сложно объяснить так сразу. — Мужчина, кажется, слегка смутился. — Ну, допустим, курьер. Перевозчик. Это мое основное занятие — перевозить из одного мира в другой вещи, документы, людей. Но с вашим семейством все немного сложнее. Видите ли, клисса, так сложилось, что я еще и ваш родственник... дядя... по отцовской линии.

— Но точно-точно не отец? — подозрительно сощурилась Алина.

Вопрос глупейший, но опыт, полученный из сотен книг и сериалов, требовал прояснять такие вещи сразу и как можно более однозначно. Даже если один раз подозрение уже опровергли.

— Нет, я... гм... не был настолько близок с вашей матерью, — ответил новоявленный дядюшка.

Тетя глубокомысленно хмыкнула, но промолчала.

— И как вас зовут, дорогой дядя? Я же должна к вам как-то обращаться?

— Пока не примете наследство, я для вас глубокоуважаемый магос, и никак иначе.

— Но имя-то у вас есть? И, кстати, фамилия. У меня же мамина фамилия! А какая настоящая?

— Глубокоуважаемая клисса, давайте...

— И что значит «клизса»?

— ...давайте все же уединимся где-нибудь. И буду очень признателен, если в этом доме найдется, чем промочить горло.

— Хорошо. — Алина направилась в сторону кухни, попутно посылая друзьям сообщение, чтобы не ждали. — Вам чай или...

— Только не кофе!

Нина подкараулила колдуна на выходе из кухни.

Алина осталась внутри, осмысливать услышанное и обдумывать предложенное. В том, что она примет наследство, Нина не сомневалась. Голова девчонки была с детства битком набита сказками и магией, она бы побежала за добрым дяденькой-волшебником на край света, даже если бы для этого пришлось под покровом ночи удирать из дома через окно.

Такие жертвы, конечно, не требовались. Нина и не думала удерживать племянницу. Но отпустить ее без присмотра тоже не собиралась.

Ей самой никакая магия не светила, вопрос с наследством решился давно и бесповоротно. Но разве нельзя обойтись без магии?

— Надо поговорить! — Нина схватила колдуна за рукав и бесцеремонно втащила в свою комнату.

— Хватит меня лапать, женщина! — брезгливо высвобождаясь, буркнул тот. — Еще раз так сделаешь — руку отрублю.

— В первый раз ты вел себя повежливее!

— Это было до того, как ты выставила себя полной дурой и отказалась от камня.

— Ладно-ладно, — покорно согласилась Нина. В конце концов, сейчас от этого высокородного хама зависела ее судьба. А выяснить отношения можно и позже. — Простите за недозволенные жесты, глубокоуважаемый магос. Но нам действительно нужно поговорить.

— Выкладывай, что там у тебя, — великодушно разрешил колдун.

— Она согласилась? — первым делом уточнила Нина. А то мало ли, вдруг семейная дурь прорезалась.

— Да. И еще спросила, можно ли взять с собой велосипед. Или хотя бы ролики. Представляю, как она по нашей брусчатке поедет на роликах... Там же шею свернуть — раз плюнуть. А я не смогу приглядывать за ней постоянно.

— Об этом я и хотела поговорить. Насчет «приглядывать». Возьмите меня с собой!

Колдун посмотрел на Нину как на полную идиотку. Наверное, так моряк, уходящий в одиночную кругосветку, смотрел бы на пожилую маму, которая в последний момент решила броситься ему на шею с воплем: «Я поеду с тобой! А то кто ж тебе там суп-то варить будет?!» И все это перед телекамерами, фанатками и президентом.

— С ума сошла? — Мысли колдуна наконец-то оформились в слова. — Ты пустая. Ты отреклась. Твое место — здесь.

— Неужели у вас там совсем нет обычных людей? Да в жизни не поверю! А как же все эти наследники, клиссы, которые еще не владеют магией? Или те, которым просто не хватило наследства? Вот вам с братом, допустим, повезло: одному достался камень от матери, второму от отца. А если бы родился еще и третий брат, что тогда? Где бы он жил? А если бы ваши родители были до сих пор живы? Тогда вы, глубокоуважаемый магос, не стали бы магосом, верно? И я же верно понимаю, что маги — аристократия, правящая верхушка. Но кем вы правите? Слуги у вас есть? А преступники? Бомжи? Дети? Камень можно получить только после совершеннолетия, а как жить до этого?

— Хватит, достаточно, — оборвал колдун. — Я понял, что ты имеешь в виду. Да, у нас есть обычные люди, и их гораздо больше, чем магов. Но все они родились в Истоке. Я не могу просто так привезти человека из внешнего мира, это запрещено.

— Значит, увезти можете, а привезти — нет? А кто говорил, что законы существуют, чтобы их нарушать? Или нарушать можно только тогда, когда этого хочется лично вам? Так ничего, сейчас тоже захочется! С вас должок, помните?

— Помню, — мрачно кивнул колдун. — Я должен тебе и не отрекаюсь от своих слов. Но пойми ты, женщина, это не от меня зависит! В Истоке и так перенаселение. Полный запрет на мигрантов из других миров. Исключение только для наследников, потому что магические

законы важнее человеческих. Если тебя засекут на границе, то просто вышвырнут в ближайший мир. Заметь, в ближайший, а не в родной. Ну и мне тоже не поздоровится. В последний раз дело ограничилось штрафом, но...

— В последний? — ухватилась за фразу Нина. — Значит, ты так уже делал, и не раз?

— Делал.

— Тогда в чем проблема?

Колдун задумчиво потеревил сережку.

— Проблема в том, что будет дальше. Окажешься ты в Истоке — и? Что станешь делать?

— Что угодно! — Уж это-то Нина продумала давно. — В том месте, где новичков учат обращаться с камнями, наверняка полно обычной, немагической работы. Я могу убирать, готовить, стирать. Стены красить... И заодно за Алинкой присмотрю.

— В школе... — Длинные пальцы колдуна снова коснулись сережки. — Нет, так не пойдет. Даже если я раздобуду фальшивые документы и сумею тебя туда устроить, девочка узнает и не сможет удержать язык за зубами. Разболтает ненароком, выдаст и тебя, и меня. Представляешь, чем это кончится?

Нина пожала плечами.

Чем кончится... Да уж ясно, что ничем хорошим.

Но остаться одной и оставить Алину без присмотра все равно во много раз хуже. Так что выбора-то особо нет.

— Если только... — продолжал раздумывать колдун. Нина его не торопила. — Можно, конечно, сменить тебе облик, чтоб девчонка не опознала. Тогда все пойдет проще. Но и ты не вздумай перед ней раскрываться.

— Но она же все равно увидит, что я еду с вами...

— Не увидит, — усмехнулся колдун. Улыбка у него была недобрая. — Не волнуйся, женщина, я обещал выполнить любую твою просьбу — и я ее выполню. Но это — больно.

Нина пожала плечами. Больно так больно. В кресле у стоматолога регулярно терпит, потерпит и сейчас.

В дверь истошно забарабанили, и в комнату, не дожидаясь разрешения войти, ворвался темноволосый ураган: в одной руке стопка книжек, в другой — ролики.

— Нин, тебе же все уже рассказали, да? Ну, то есть ты в курсе, что я уезжаю? Можно я возьму с собой Геймана, а то я его не дочитала. Ты потом себе еще купишь. И... это... ну, я же теперь как минимум три года не вернусь, и... тетя Нина...

Девчонка вдруг всхлинула, подскочила к тете, обняла ее прямо с книжками и роликами в руках и заревела в голос. Временами сквозь всхлипы и рыдания прорывалось неразборчивое «Я буду скучать!» и «Прости, что не помыла посуду...».

— Ну все, хватит рыдать мне на новую блузку, — велела Нина, когда поток слез немного

иссяк. — Сейчас лето, до рассвета совсем недолго. Иди, собирай вещи.

Племянница умчалась, прекратив реветь так же внезапно, как и начала. Хорошо быть подростком: и бегать можно сколько угодно, и голова после рыданий не болит.

— Любит она тебя, — задумчиво произнес колдун.

— Конечно, я же ее воспитала. И, между прочим, воспитала не так уж плохо.

— И планируешь продолжать воспитывать, только теперь исподтишка.

— Планирую, — спокойно признала Нина.

— Ну вот что с тобой делать? Ладно уж, собирай вещи.

Нина с улыбкой вытащила из-под кровати большой зеленый чемодан. Собрала она его еще накануне.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой достопочтенный магос размышляет о женщинах, а над рекой сгущается туман

Не то чтобы Ракун не любил женщин... Женщин он как раз таки любил, из-за чего по молодости регулярно страдал. Потом, конечно, научился замечать следы и правильно выбирать объект для очередной интрижки. Но с этим семейством все с самого начала пошло наперекосяк.

Сначала одна сестра передала свое наследство другой, потом эта другая ухитрилась влюбиться в того, кто это наследство принес.

Что скрывать, Галина была девицей красивой и неглупой, и Ракун охотно за ней поухаживал пару недель. Еще столько же ушло на объяснения, почему он не собирается жениться на иммигрантке из другого мира! Да, волею судьбы стала магиссой, но это же не отменяет отсутствия полноценного образования, навыков светской жизни... общего культурного контекста, в конце концов.

Пришлось сплавить девицу брату — тот всегда был менее привередлив. И вроде как все у них сложилось неплохо, даже ребенка завели... А потом глупо и внезапно погибли при взрыве в лаборатории. И Ракун остался с новорожденной племянницей (еще одна девица, как нарочно!).

Никакого желания заниматься воспитанием он не испытывал, поэтому сплавил малявку ее безродной тетушке во внешний мир. А тетушка ухитрилась под шумок еще и клятву с него стребовать. И ведь не забыла об этом, зараза. Как клещ вцепилась в шанс отправиться к Истоку.

Нарушать клятву Ракун не рискнул. Он, конечно, небезгрешен, но и не полный отморозок, чтобы шутить с магическими законами.

В итоге, пока новоявленная клисса бурно прощалась с тетушкой, магос готовил заклинание.

Чары бытовые и не очень сложные, но строго запрещенные к применению на живых существах. Теоретически даже букет цветов, запакованный таким образом, мог в итоге превратиться в лужицу непонятного зеленого пюре. Что уж говорить о более высокоразвитых организмах типа кошек, рыбок и комаров.

Тем не менее иногда Ракун использовал это средство и для запаковки людей. Чаще всего, конечно, доставалось преступникам — чтобы не брыкались при перевозе через границу, но попадались и те, которые шли на риск добровольно. Хотя не все из них в полной мере осознавали опасность. Например, одна симпатичная девица, которую едва не застала в постели Ракуна другая, чуть менее симпатичная, но чуть более влиятельная магисса, просто заорала: «Сделай что-нибудь, иначе она меня убьет!»

Магос подумал — и сделал.

Девица после снятия чар в достаточно категоричной форме высказала, где она желает видеть любовника, в какой позе и насколько долго. В общем-то это единственный случай, когда девушка ушла от него первой. От влиятельной магиссы он сбежал сам, не выдержав ее закидонов.

Алина наконец-то закончила прощаться с тетушкой в дверях квартиры и с грохотом поволокла чемодан вниз по лестнице. Ракун слегка задержался, дожидаясь, пока девчонка скроется из виду, и обернулся к Нине:

— Готова?

— Вроде бы да... — Женщина неловко одернула юбку. — Совсем забыла спросить: у вас такое носят? Ну, такой длины? Если слишком коротко, то я могу переодеться.

«Слишком коротко» напрочь закрывало колени. Ракун усмехнулся:

— Женщина, у нас же не глухое средневековье!

— Откуда я знаю, что там у вас... Может, вовсе голыми по улицам гуляете!

— Гуляем, — подтвердил магос, с удовольствием наблюдая за реакцией собеседницы. — Дважды в год, на равноденствия. Традиция такая.

Нина нервно сглотнула и, кажется, слегка покраснела, но уточнять и переспрашивать не рискнула.

— Эй, вы где там застряли? — донесся снизу голос Алины. — Целуетесь, что ли?

— У, нахалка малолетняя, — замахнулась в пустоту Нина.

Ракун перехватил ее руку и ловко уколол в палец иголкой. Что-то они действительно заболтались. А время-то поджимает.

Чары начали действовать почти сразу. Игла запульсировала в руках магоса, налилась ярким светом, словно раскалилась добела. Но потеплела совсем немного — ровно до температуры человеческого тела. И вдруг стала раздаваться в стороны, увеличиваться в размерах. Вскоре в руках Ракуна оказалась миниатюрная женская фигурка размером чуть больше пальца. Сходство с оригиналом было поразительным.

Магос полюбовался на результат своей работы и небрежно закинул фигурку в карман, где та глухо звякнула о такой же маленький чемоданчик.

На коврике у двери, где только что стояла Нина, одиноко лежала связка ключей. Ракун подобрал их, тщательно запер квартиру. Мало ли что! И поспешил вниз, пока племянница не

успела что-нибудь натворить.

Почему-то он не сомневался, что, оставшись без присмотра, девчонка непременно попадет в неприятности даже в своем собственном дворе. Или это просто паранойя ее тетушки передалась?

Как оказалось, чутье сработало правильно и вовремя. Даже с небольшим опозданием: магос успел спуститься только до площадки между первым и вторым этажами, где и застыл возле открытого окна, с любопытством поглядывая наружу.

Вмешиваться не хотелось. Гораздо интереснее показалось понаблюдать, как Алина будет себя вести. Галина бы на ее месте...

Тьфу, никакой фантазии на имена у людей! Алина, Галина... А если в семье появится еще одна девчонка — они ее Полиной назовут? Или просто Линой?

Ракун хмыкнул в такт собственным мыслям и продолжил украдкой следить за племянницей.

Ничего необычного она не делала, просто топталась с чемоданом возле подъезда. Чемодан был здоровенный и очень приметный — розовый, да еще и обклеенный яркими картинками. Видимо, именно он и привлек внимание. А может, коротенькие шорты Алины. Уж она-то точно не заморачивалась вопросом, какая одежда считается приличной в чужом мире.

— Эй, детка, куда собралась? — развязно поинтересовался у девушки небритый мужик в помятом спортивном костюме. Это явно выходило за пределы местной нормы общения.

Да и само появление людей на улице в такое время тоже выходило за пределы нормы, причем не только местной. Во всех мирах перед рассветом разумные существа обычно спят, а не шляют по улицам, обдавая перегаром встречных девушек. Если они, конечно, не студенты. Или не контрабандисты.

Мужик не был ни студентом, ни контрабандистом. В тех обычно человеческое все-таки превалирует над звериным, а тут все явно обстояло наоборот. Пока Алина, неловко переминаясь с ноги на ногу, думала, что ответить, он вцепился в ее чемодан и попробовал сдвинуть его в сторону. Девушка немедленно потянула на себя.

— Да зачем тебе это барахло? — удивился мужик. — Что там у тебя? Трусики-бусики да пляжное полотенчко? Так скажи своему хахалю, он тебе новое купит. Есть хахаль-то?

Алина помотала головой.

— Да ладно? Такая краля — и свободная? А хочешь, я тебя займу? Ну чего смутилась? Я же вижу, что хочешь! Те, которые не хотят, так не одеваются!

Ракун поморщился и с трудом подавил желание вернуться в квартиру, найти там какое-нибудь одеяло и замотать в него мелкую дурицу, чтобы больше не сверкала прелестями по всем углам, приманивая таких вот типов.

Типа, впрочем, чемодан почему-то интересовал больше, чем стройные девичьи ножки.

Некоторое время Ракун с любопытством наблюдал за перетягиванием розовой громадины. Если б курил — еще и закурил бы демонстративно, уж больно занятная была картинка.

Алина несколько раз нервно оглянулась на двери подъезда, но то ли стеснялась звать на помощь, то ли просто хотела доказать, что сама в состоянии справиться с проблемой. Пока получалось не очень.

— Отпустите, — робко попросила она, изо всех сил дергая чемодан на себя.

— А ты мне что взамен? — щербато ухмыльнулся мужик. — Поцелуешь, может?

— Перебьетесь.

— Да ладно, что ты недотрогу-то корчишь! Один поцелуй, а! Тебе понравится!

И мужик, выпустив чемодан, неожиданно ловко перехватил запястье Алины. Ракун ожидал, что девчонка сейчас завизжит, но та дернулась, убедилась, что вырваться из захвата не получается, и свободной рукой саданула противника открытой ладонью по уху. Мужик отпрянул от неожиданности, затряс головой, но жертву в покое не оставил. Наоборот, набычился, сплюнул и злобно прошипел:

— Ну, ты допрыгалась, дрянь!

В его руке блеснуло стальное острие. Даже не ножик, а так, заточка какая-то. Но Алине и этого хватило, чтобы испуганно ойкнуть, выпустить чемодан и попятиться.

Ракун насторожился. Не то чтобы в его присутствии девчонке грозило что-то серьезное, но рисковать не хотелось. Да и время поджимало.

Проще всего, конечно, было бы разобраться с мужиком, не сходя с места. Но открытое применение магии во внешних мирах не поощрялось, да и сил требовало не в пример больше, чем в Истоке. А силы скоро понадобятся. Поэтому магос, не тратя времени на спуск по лестнице, сиганул в окно.

Назвать серьезной высотой полтора местных этажа было сложно, но ноги все равно неприятно загудели. Хотя приземлился Ракун удачно: аккуратно перед дворовым хамом. И сразу же саданул того кулаком в челюсть.

Может, недостаточно изящно, зато эффективно. Особенно если самую малость усилить удар заклинанием.

Мужика снесло с места и впечатало спиной в припаркованную возле подъезда машину. Боковое стекло разлетелось вдребезги. Взыла сигнализация.

— Ой, — только и пробормотала Алина, обнимая чемодан, как величайшее из сокровищ. — Наконец-то! А теперь пойдёмте отсюда побыстрее, пока Васька не проснулся. А то это его машина.

— Могла бы и поблагодарить, — хмыкнул Ракун и направился к выходу из двора. Девчонка бросилась следом.

— А вы могли бы не триндеть с тетей, а помочь мне спустить чемодан по лестнице. Тогда этот тип вообще не стал бы ко мне цепляться.

— Логично, — нехотя признал магос.

Племянница зыркнула на него слегка обиженно.

Наверное, в ее словах содержался намек, что и сейчас самое время помочь несчастной хрупкой девушке и забрать у нее эту гигантскую розовую штуку, но Ракун намек проигнорировал. Сама набрала кучу вещей — сама пусть их и тащит, не маленькая. Тем более что чемодан на колесиках. Правда, весь местный асфальт — в трещинах и выбоинах, но это мелочи. Главное, что он здесь вообще есть, да и идти недалеко. А вот когда придется спускаться к реке...

Спуск с прогулочной части набережной к воде был довольно крутой, покрытый засохшей, пожелтевшей травой. Алина уже ни на что не намекала, только злобно пыхтела, увязая каблуками в рыхлой земле и пытаясь не уронить свое сокровище.

Вообще-то неподалеку находилась нормальная дорога: бетонные ступеньки с поручнями и даже пандус для колясок, и девушка не могла об этом не знать. Но Ракуну не хотелось тратить время на лишний крюк, хоть и небольшой. А племянница семенила за ним как привязанная. Видимо, думала, что если хоть ненадолго потеряет его из виду, то волшебная сказка кончится, не успев толком начаться. Или боялась снова нарваться на какого-нибудь алкаша.

— Почему ты меня сразу на помощь не позвала? Тогда, возле подъезда, — поинтересовался магос, когда девушка наконец-то перебралась на узкую бетонную дорожку, идущую над самой рекой.

— Вижу я, как вы помогаете, — фыркнула Алина.

— Тогда еще не видела. Так почему?

— А как вы это себе представляете? Орать на весь двор: «Достопочтенный магос, не соблаговолите ли помочь»?

— Да хоть бы и так!

— Вот еще! Звучит по дурачки. И я же знала, что стоит пикнуть — Нина сразу прибежит, еще раньше вас. Отдубасит этого типа скалкой, а потом сама его будет жалеть и зеленкой мазать. Да и вообще... люди услышат, смеяться станут. Или подумают, что я с ума сошла.

— Ты этих людей, может, никогда больше не увидишь. Какая разница, что они подумают?

Девушка пожала плечами. Видимо, для нее разница имелась, и ощутимая.

— Ты просто не любишь просить о помощи? — догадался Ракун.

— Типа того. — Алина поежилась. Кажется, ей стало неловко. Или просто холодно. Ночь выдалась теплой, но перед самым рассветом заметно посвежело.

Магос посмотрел на часы, затем на восток. Небо уже начало светлеть, еще немного — и солнце выкатится из-за горизонта огромным раскаленным шаром. Они подошли как раз вовремя!

Реку начал затягивать туман. Сначала отдельные белесые клочки совершенно хаотично возникали то тут, то там, затем они разрастались вширь, сливались с соседними — и вскоре все пространство от берега до берега скрылось в сплошной пелене, так что даже воды видно не было. Казалось, что у края набережной плещется огромное облако.

Алина глазела, раскрыв рот, и Ракун не мог ее в этом винить. Уж на что он привык к магии, а

первое время постоянно норовил потыкать в рассветный туман пальцем. Что уж говорить о девчонке из внешнего мира, которая такого чуда никогда в жизни не видела.

— Как будто на самолете летишь, только иллюминатор открыт, — придумала сравнение девчонка из внешнего мира.

Ракун фыркнул, выхватил у нее чемодан, уменьшил его до размеров грецкого ореха и забросил в карман, к Нине и ее вещам.

— А... Сразу нельзя было так сделать? — воскликнула Алина.

— Ты не просила.

— Но вы же видели, что мне неудобно его тащить, что он тяжелый!

— И что? Может, у тебя хобби — тяжелые предметы таскать. Я знаю, у вас такое есть. «Кроссфит» называется.

Племянница обиженно надулась, но не смогла удержаться от любопытства:

— Но почему вы у меня его именно сейчас отобрали? Ведь явно же не по доброте душевной!

— В лодку с такой машиной залезать неудобно.

— В какую лод...

Договорить девчонка не успела, Ракун схватил ее в охапку и шагнул вперед, прямо в туман. Ровно в тот момент, когда край солнечного диска показался из-за горизонта.

Алина ойкнула от неожиданности, но в целом повела себя достойно: не визжала, не брыкалась, не пыталась вырваться, поэтому приземление прошло удачно. Лодка лишь слегка качнулась на волнах, принимая пассажиров.

Это хорошо, а то ведь могла и взбрыкнуть. С ней бывало.

Ракун опустил девушку на скамью и занялся подготовкой к путешествию. Сложнейший магический ритуал давно уже стал для него рутинной, а вот Алина смотрела во все глаза. Хотя она, конечно, видела только внешнюю сторону дела.

Вот небольшая деревянная лодочка стоит в пелене тумана — а вот она уже быстро движется сквозь него без помощи весел, паруса или мотора.

— Мы плывем против течения, — удивленно заметила девушка.

— Нет, по течению.

— Да нет же! Я эту реку каждый день из окна вижу, я знаю, куда она течет!

— Ты уверена, что речь именно об этой реке?

Алина внимательно посмотрела на магоса. В вопросе чувствовался подвох. Набережная-то родная. И речка, стало быть, тоже... Или уже нет? Рассмотреть берега за плотным туманом было невозможно, оставалось только догадываться, как они выглядят.

— Не понимаю, — созналась девушка. — Это Волга или нет? Объясните.

— Просишь?

— Да, прошу.

— Хорошо. Если вкратце, то некоторые реки в некоторых мирах — части Великой реки. Дважды в день, на рассвете и на закате, они сливаются с ней в единое целое. На закате река течет к Устью, на рассвете — к Истоку. Туда нам и надо. Это самый быстрый способ путешествия, когда требуется забраться дальше соседнего витка.

— Исток Волги где-то в Подмосковье... — блеснула эрудицией Алина. — Мы плывем в Москву?

— Нет, конечно. Забудь уже про Волгу, мы были там несколько миров назад. Исток Великой реки — это место, где тебе предстоит жить, пока не научишься управляться со своим наследством.

— Пока не стану колдуньей?

— Не колдуньей, а магиссой. И — нет. Магиссой ты станешь, когда официально вступишь в права наследования. А Исток не покинешь, пока не перестанешь представлять опасность для окружающих. Потому что необученная хозяйка камня — это, как у вас говорят, обезьяна с гранатой.

— А мама быстро научилась?

— Да, — улыбнулся Ракурн. — Она была очень талантливой.

— А она... — Алина замялась.

— Ну, спрашивай, чего уж.

— Если она была такой талантливой, то разве могла погибнуть из-за собственной ошибки? Может, ее все-таки убил злой волшебник?

Если бы имелся шанс свалить все на злого волшебника, Ракурн достал бы его хоть в Устье. Достал — и долго с наслаждением бил. А потом голыми руками разорвал бы на кусочки, отнес получившуюся кучу мяса в ботанический сад и скормил плотоядным водорослям. По крайней мере именно так магос думал семнадцать лет назад.

Но девчонке он выдал чуть смягченную версию:

— Если бы имелся шанс свалить все на злого волшебника, это обязательно сделали бы. Его бы нашли и посадили в тюрьму. Но это был несчастный случай. Просто несчастный случай.

Алина украдкой шмыгнула носом, но прекращать расспросы и не подумала:

— А что именно случилось? Я поняла, что-то с артефактом, но...

— Не с артефактом. Артефакт — это такая уникальная штука, единственная в своем роде. Их при раскопках находят, и потом ученые над ними трясутся, дышать боятся. Так что к артефактам твою маму еще лет десять не допустили бы. А она работала с артефактами. Точнее, брат работал, а она ему помогала. Артефакт — это... ну, любой предмет, заряженный

магией.

— Типа волшебной палочки?

— Ну да, и палочки в том числе. Хотя ими редко пользуются, разве что дома или чисто для показухи. Длинные они, в карман не спрячешь, с собой таскать неудобно. Лучше вот... — Ракун расстегнул ворот рубашки и вытащил наружу горсть мелких безделушек, болтавшихся на крепком шнурке.

Выглядели безделушки по-разному: одни напоминали ювелирные украшения, другие — разноцветные бусины, а некоторые вообще походили на древесные щепки и обрывки ткани. А может, ими и были.

Алина с любопытством потянулась к подвескам, но магос, предупредительно цокнув языком, вернул их на место и снова застегнул рубашку.

— Ну так вот, твоих родителей убил выброс силы при изготовлении арфактума. Ошибка в заклинании. Такое случается даже при самой простой работе. А при обработке камней — так вообще регулярно.

— Разве их как-то обрабатывают? — Девушка сразу же достала из кармана маленькую плоскую коробочку, но открыть не решилась, просто потрясла. Внутри глухо стукнулись друг о друга кольцо и кулон. Ее наследство. — Это тоже арфактумы?

— В некотором роде. Но обычно их так не называют. Считается, что камень — это... ну, просто камень. Он вроде как сам по себе, — сумбурно объяснил Ракун.

На самом деле камни были далеко не сами по себе, существовала сложная классификация и целый курс семинаров, ей посвященный, но будущий почтенный магос традиционно все прогулял. Кажется, именно тогда он познакомился с той рыженькой. Или она появилась позже?

Алине до рыженькой дела не было, зато про арфактумы она слушала с интересом и явно ждала продолжения лекции. Тем более что, кроме разговоров, заняться в малюсенькой лодке все равно оказалось нечем.

— В общем, камни, — продолжил Ракун. — Можно их, конечно, просто так в кулаке носить, но это неудобно. Поэтому с помощью определенной магии их заключают в оправу. Тебе, например, повезло, что кольцо женское и почти наверняка придется впору. А могло бы оказаться мужским, и ты не смогла бы его носить. Пришлось бы ужимать. Или вот более подходящий пример: у тебя целых два камня от обоих родителей. Может, ты захочешь вставить их в один предмет для удобства. Или вообще оба камня сплавить в один.

— А так можно?

— Можно. И разделить один на несколько частей можно. Но так почти никогда не поступают.

— Почему?

— Очень дорогое удовольствие. И большой риск. Высокая вероятность, что при любом воздействии камень рассыплется в пыль. Или расколется на большее количество частей, чем запланировано. Или просто взорвется. Взрывать они особенно любят.

Алина задумчиво поглядела на коробочку и, судя по взгляду, крепко решила никак камни не обрабатывать. Во избежание. Зато сразу же придумала новый вопрос:

— А родилась я, получается, в этом вашем Истоке?

— Да.

— И первый год жила там? Ну, пока мама с папой были живы...

— Да.

— Тогда как я оказалась у Нины?

— Я перевез.

— Зачем? Почему не оставили в Истоке, если сейчас все равно везете обратно? То есть я рада, что везете... Но мне кажется, если бы я там выросла, все выглядело бы намного проще. Ведь сейчас я, получается, совсем ничего не знаю. Это же не школу сменить и даже не из города в город переехать — это другой мир! Как вы вообще определили, в каком мире мне расти?

— Подбросил монетку, — ухмыльнулся магос.

— Я серьезно! — насупилась девчонка.

— Я тоже.

Подбрасыванию монетки, впрочем, предшествовал совершенно безумный день. Ракур даже на берег сойти толком не успел, а его уже окружили люди в серой форме и сурово поинтересовались, где он провел последние сутки.

Последние сутки Ракур нежилась в постели со страстной и весьма раскрепощенной женой крупного магната в роскошном особняке в одном из соседних витков. За упоминание об этом можно было огрести немало проблем, причем не только от магната. С другой стороны, совсем уж откровенно врать тоже не стоило: мало ли с какой целью ведут допрос. Поэтому магос предпочел полуправду и уклончиво ответил:

— У женщины. А в чем проблема?

— Кто она и подтвердит ли ваши слова? — проигнорировали вопрос милиты.

Кажется, адюльтер оказался ни при чем, и выгораживать жену магната не требовалось. Скорее уж в алиби нуждался сам Ракур.

Стражи порядка были настроены серьезно. Видимо, под стать неизвестному преступлению. Магос мысленно прикинул, в чем его могут обвинить, но так ничего путного и не придумал. Грешков-то у него хватало, даже весьма крупные проступки водились. За часть из них действительно могли арестовать средь бела дня.

С другой стороны, обвинить его, похоже, пытались в чем-то совсем уж постороннем. И вариантов поведения приходило в голову всего два: или публично раскрыть интрижку с магнатшей, или признаться в отсутствии алиби. Ни одно из решений Ракуна не устроило, поэтому он выбрал третье.

— Конечно, она подтвердит все, что надо. Связаться с ней? Или отвезти вас? Это несколько витков вниз по течению.

— Сами доберемся. А вас, достопочтенный магос, убедительно просим не покидать пределы Истока до нашего письменного разрешения.

Ракун понятиво кивнул. Не покидать так не покидать. Ему и не надо. Есть гораздо более простой способ передать информацию. Не слишком легальный, зато быстрый и надежный.

Пальцы привычно коснулись сережки, отстучали по камню замысловатую дробь.

«Если спросят, вчера весь день был у тебя, у нас роман. Это важно. Взамен проси что хочешь».

Если все делать правильно, посланное сообщение на несколько минут возникало на внутренней стороне широкого браслета, дожидалось, чтобы его прочитали, а затем исчезало. Конечно, отправить послание таким образом можно было не на любой браслет, а только на особым образом зачарованный, да еще и связанный непосредственно с Ракуном.

Обычно магос дарил такие арфактумы девушкам как сувенир и экстренное средство связи.

К сожалению, после расставания девушки имели привычку подарки выбрасывать или отключать.

К счастью, Ракун не сомневался, что одна из носительниц браслета сделает для него все необходимое. Потому что добрая, потому что заботливая. И такая, боги ее храни, дурища!

Кто ж знал, что дурища не только просьбу выполнит, но и об ответной услуге не забудет!

Тогда магос уж точно об этом не думал.

Только посмотрел вслед удаляющимся милитам и не удержался, спросил снова:

— Да что случилось-то?

— Возвращайтесь домой. Там все узнаете, — ответил главный.

В этом не было ничего необычного, милиты вообще редко что-то объясняли. В основном спрашивали. Но выражение лица у ответившего на этот раз показалось почти человеческим, поэтому Ракун отважился на еще одну попытку:

— А прямо сейчас нельзя? А то я уже волноваться начинаю.

— Можно, — внезапно смилостивился милит, — но дома вам было бы комфортнее. Дело в том, что ваш брат и его жена погибли этой ночью при взрыве в лаборатории. Примите мои соболезнования.

Земля под ногами покачнулось. Такое частенько случалось после долгого плавания, но сейчас Ракун точно знал, что причина не в этом. Мир просто качался сам по себе.

— Вы в порядке? — с неожиданным участием спросил милит.

— Нет, — честно ответил Ракун.

И подумал, что лучше бы было, наверное, действительно выслушать новость дома. А сейчас до

этого самого дома предстояло еще как-то добраться. Желательно быстро. И не свалившись по пути с этого качающегося мира.

Из воспоминаний Ракуна выдернул легкий толчок, словно что-то мягко ударило лодку в левый борт.

Алина, кажется, ничего не заметила, продолжала пялиться в туман. Что она пыталась там рассмотреть — непонятно. Из белого марева изредка выплывали ветки деревьев, силуэты животных или очертания прибрежных замков, но невозможно было даже понять, реальность это или игра воображения.

Магос прикинул расстояние: до Истока осталась всего пара витков. Скорость течения слегка увеличилась, как обычно в этих местах, но на окружающие пейзажи это никак не повлияло.

В общем, все как всегда, ничего нового или необычного.

Может, просто рыба в воде плещется, о нее и стукнулись?

Рыба в Великой реке действительно водилась, и иногда довольно крупная. Но от лодок местная живность предпочитала держаться подальше и вряд ли рискнула бы идти на таран. Особенно два раза подряд.

От второго толчка лодка дрогнула гораздо ощутимее.

— Что случилось? — удивилась Алина, хватаясь за борта.

— Держись крепче, — вместо ответа посоветовал Ракун.

Сам он, напротив, выпрямился во весь рост и повел вокруг правой рукой, пытаясь определить источник проблемы. Пальцы левой привычно теребили сережку.

Рыбы ожидаемо оказались ни при чем. Удар шел с берега, мимо которого они сейчас проплывали, и имел явно магическое происхождение. Значит, люди, больше некому. Но кто и зачем? В лодке же, для разнообразия, ни денег, ни важных документов. Разве что кто-то охотится за самим Ракуном?

Додумать магосу не дали, третий удар был такой силы, что легкая лодочка едва не перевернулась. Ракун, не удержавшись на ногах, рухнул за борт, напоследок забористо выругавшись. За что и поплатился — вода хлынула в рот и нос, заставив раскашляться и нахлебаться еще больше.

А затем что-то резко захлестнуло его лодыжку и потянуло ко дну.

Во время толчка Алина взвизгнула от неожиданности, но сумела удержаться в лодке, которая вдруг резко выровнялась на волнах и стрелой помчалась к берегу. Всерьез испугаться девушка не успела: сама она была в полном порядке, да и магос явно не тонул, а вполне уверенно бултыхался в мутной воде. Ничего, сам выплывет, не маленький.

Гораздо интереснее показалось смотреть по сторонам. Туман резко поредел, из белой пелены выплыли заросли рогоза, в которые лодка и влетела, не сбавляя хода. И почти сразу ткнулась носом в илистый берег.

Алина взвизгнула повторно — в этот раз не от толчка, а от удивления. Из зарослей выступили люди. Выглядели они весьма недобро. Солнце било им в спину, мешая разглядеть лица, но каждый из четверых вызывал у девушки примерно те же чувства, что и тот алкаш возле подъезда. Только тогда и подъезд был знакомый, и город родной, и даже алкаш свой, местный.

Сейчас же Алина даже примерно не представляла, где находится, но дом явно остался очень и очень далеко. А недобрые люди, напротив, оказались как-то слишком уж близко.

Девушка запоздало сообразила, что лодка причалила к берегу не по своей воле. И вряд ли ее отправил туда колдун, он в этот момент занимался другим — пытался не захлебнуться.

Алина обернулась, ища глазами своего спутника, но речная гладь оказалась совершенно пуста, разве что посередине расплывались круги, как от брошенного в воду камня. Дядюшки видно не было.

Не утонул же он там, в самом деле?!

— Мм... глубокоуважаемый магос... — позвала девушка, удивляясь, как жалобно и тонко звучит ее голос.

Незнакомцы дружно загоготали.

— Не о том беспокоишься, клисса, — наконец высказался один из них, на вид самый мелкий. Впрочем, даже этот мелкий смотрелся гораздо крупнее Алины. — О себе надо волноваться, не об этом полосатом паршивце.

— Почему полосатом? — машинально удивилась девушка.

В ответ загоготали повторно.

Не волноваться не получалось. Причем за себя Алина, как ни странно, действительно почти не беспокоилась. Разве что в фоновом режиме, как во время катания на экстремальном, но совершенно безопасном аттракционе.

Потому что по плану аттракцион должен был завершиться появлением магоса, который непременно спас бы прекрасную деву и набил обидчикам морды.

Только вот магос запаздывал. Круги на воде расплывались и таяли, а вместе с ними таяла и надежда на чудесное спасение.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой Ракун тонет, Нина психует, а у Алины чешется рука

Неведомая сила упрямо и мощно тянула вниз, Ракун рвался вверх. Вода, и без того мутная от ила, бурлила и колыхалась, затрудняя обзор. Магос понятия не имел, с чем столкнулся.

Воображение рисовало гигантского осьминога, опыт кричал про магическое лассо, легкие горели от недостатка кислорода, руки судорожно шарили по карманам в поисках подходящего арфактума, но попадались только бесполезные.

Теоретически положение безвыходным не было. Подумаешь, столкнули с лодки и утащили под воду. Случалось и хуже. Но тогда Ракун был один и мог действовать без оглядки на окружающих. А сейчас где-то на поверхности осталась совершенно незащитная девчонка, а в кармане штанов — ее дурная тетушка. Которая явно не обрадуется, если через пару часов

очнется под водой на полпути к месту назначения и в гордом одиночестве.

Рука наконец-то нащупала необходимое — тонкую рыбу чешуйку величиной чуть больше ногтя.

Предпоследняя! Надо обязательно пополнить запас, но это позже...

А сейчас осталось только зажать ее зубами и осторожно вдохнуть, что Ракун и сделал. Магически преобразованный воздух, хлынувший в легкие, пах тиной и болотом, зато позволял пробыть под водой не пару минут, а несколько часов. Назло тем, кто подстроил крушение и сейчас, несомненно, ждал магоса наверху, живого или мертвого, в зависимости от того, чем же его зацепили.

Зацепившее нечто тем временем увлекало Ракуна все глубже. Теперь магос не сопротивлялся, наоборот, позволил утащить себя на самое дно, благо до него было не так уж и далеко. Муть в воде слегка развеялась, и стало понятно, что дали сбой и опыт, и воображение. Ногу магоса плотно опутывала жвачка — плотоядная водоросль, распространенная в некоторых ближайших мирах.

Но не в этом!

Значит, подбросили специально. К счастью, не слишком большой комок, иначе проклятое растение добралось бы не только до сапог, но и до самих ног. И немедленно начало бы их пожирать, предварительно обездвигив жертву парализующим ядом. Хорошо, что не полез вслепую руками отдирать, остался бы без пальцев!

Кожаные сапоги тоже годились в пищу злобной водоросли, и сейчас она медленно вгрызалась в голенища. Торопиться растению было некуда. А вот Ракун предпочел бы поспешить. Кто его знает, что там на берегу происходит!

Проще и быстрее всего — снять сапоги и выплыть босиком, но этот вариант магос оставил на самый крайний случай. Сапоги почти новые, удобные, с потайными карманами и всякими приятными усовершенствованиями (сейчас, к сожалению, бесполезными).

Еще можно было надеть перчатки (найти бы их еще!) и срезать приставучую водоросль ножом (найти бы его еще!). Но прожорливая тварь запросто могла покуситься и на перчатки, а они в разы тоньше сапог.

Или...

Магос не удержался и хмыкнул сквозь сжатые зубы. Да, это, пожалуй, вариант! Главное — сделать все достаточно быстро.

Миры в среднем течении реки в основном технологические. Конечно, натуральные материалы использовали и там, но ярко-розовый чемодан Алины совершенно точно из твердого пластика. Пластик жвачка, к счастью, не ела.

Ракун вытащил из кармана фигурку, чуть не выронив при этом остальные, еще раз перебрал в голове варианты, ничего умнее не придумал и вернул чемодану нормальный размер. После чего сразу же понял, что ошибся. Это оказался не тот чемодан. Не розовый, а зеленый. Впрочем, тоже пластиковый.

Но отматывать назад было поздно, и Ракун решительно рванул молнию, открывая основное

отделение.

Наружу наперегонки рванулись два лифчика, пижама и хлопковые трусики. Магос прижал всплывающие вещи ногой и для верности потряс ею над чемоданом. Водоросль задумчиво колыхнулась, принимаясь к новым предметам.

На самом деле Ракун не был уверен, что у злобной травы есть нос или глаза, но в пространстве она ориентировалась достаточно бодро. Вот и сейчас жвачка ухватила стебельком трусики и немедленно к ним присосалась. Распробовала! А потом обнаружила, что чемодан полон более вкусных вещей, чем сапоги, и начала заинтересованно переползать внутрь. Медленно, листик за листиком, зато сама.

Дождавшись, пока она окончательно скроется в недрах чемодана, магос резко его захлопнул, запер и снова уменьшил. Не пропадать же добру!

Главное — потом не забыть вытащить в спокойной обстановке, прежде чем отдавать Нине.

Эта склочная женщина его за такое, конечно, убьет. Но лучше уж она, чем злобная трава, подкинутая какими-то уродами.

Кстати, об уродах... Магос выдохнул сквозь сжатые зубы и рванул к поверхности. Ну-ка посмотрим, кто решил расправиться с ним таким бездарным способом.

Выныривал он осторожно, едва-едва приподнимая голову над водой. Как выяснилось, можно было не скрываться — вокруг трепетал стеблями прибрежный рогоз, намертво закрывая обзор. Пришлось наплевать на предосторожности, подплыть к самому берегу и выпрямиться в полный рост. Очень тихо, чтобы случайный плеск или шелест не выдал его присутствия.

Но многочисленные предосторожности оказались бессмысленными: берег, открывшийся перед Ракуном, был абсолютно пуст.

Магос обернулся к реке, но там тоже никого не обнаружилось, только болталась на мелководье пустая лодка.

Кто бы ни подстроил все это, ему требовался не сам Ракун, а его юная племянница. И этот кто-то ее забрал.

Ракун уныло бродил по берегу, расшвыривая лезущие под ноги ветки.

На влажной земле виднелись следы четырех человек, чуть дальше от берега к ним добавлялись отпечатки сапог пятого, оттиски лошадиных копыт и тележных колес. Магос честно отследил похитителей до ближайшей дороги и даже прошел по ней несколько шагов, но затем повернул обратно. Догонять конных пешком — бесполезное занятие.

И даже на помощь позвать некого, потому что для этого надо сначала добраться до Истока.

Он бросил беглый взгляд на реку. Та, как ей и положено, текла к устью. Придется дожидаться нового рассвета. Почти сутки. Почти сутки наедине с Алинкиной теткой, которую в любом случае уже пора расколдовывать, а то ведь помрет ненароком.

Ракун вытащил из кармана статуэтку и положил на берег. Ладно хоть посторонних нет, никто не помешает.

Заклинание сработало быстро: спустя мгновение на земле лежала уже вполне живая и невредимая женщина. По крайней мере внешне все выглядело нормально. А вот что там внутри...

Магос отступил на несколько шагов назад и приготовился при необходимости бежать как к Нине, так и от нее.

— Раз... два... три...

Считать вслух было не обязательно. Считать вообще было не обязательно, но очень уж не хотелось ждать в тишине. Да и по данным каких-то там исследований распаковка проходит менее болезненно, если жертва заклятия ощущает присутствие рядом других людей. Желательно, конечно, близких, но сойдут и просто живые.

Нина эти исследования явно не читала, поэтому на счет «четыре» вздрогнула, напряглась, выгнулась дугой и дико, нечеловечески заорала. Спазм вскоре закончился, но боль осталась. Женщина вслепую шарилась руками по земле, с корнем выдирала траву, сучила ногами, дергалась и хрипло выла. На ее лицо Ракун старался не смотреть.

На счет «девятнадцать» ее отпустило окончательно. Нина затихла, потом со стоном перевернулась на живот, с трудом встала на четвереньки и раскашлялась. Затем — сочно, со вкусом выругалась. И только после этого наконец-то подняла голову. Мутные глаза в звездочках полопавшихся сосудов смотрели прямо на магоса.

— Садист и психопат! — прорычала женщина.

— Я предупреждал, что будет больно, — пожал плечами Ракун, подходя ближе и наклоняясь, чтобы помочь женщине встать. Но она оттолкнула его руку и довольно ловко отскочила в сторону.

— Больно? За горячую сковородку голой рукой схватиться — больно. Утюг на ногу уронить — больно. Зубы драть без анестезии — больно! А то, что сейчас произошло, — это я даже не знаю, какое слово. Это как живого человека наизнанку вывернуть.

Губы у нее дрожали.

Ракун, напротив, улыбнулся. Ругается — значит, жива и вменяема. Все помнит и, по-видимому, осознает. Одной проблемой меньше.

Вторая проблема, впрочем, никуда не делась. Выплеснув гнев, Нина нерешительно переступила с ноги на ногу (каблуки воткнулись в землю по самую подошву), огляделась и удивленно спросила:

— А где Алинка?

— Там, — махнул рукой магос.

В правильном направлении, кстати, махнул. Но расколдованной оно чем-то не понравилось, и она прозорливо уточнила:

— Там — это за кустами? Или в ближайшем городе? Или где? Мы вообще прибыли на место?

— Не совсем, — не стал скрывать Ракун.

— Поэтому ты выглядишь так, будто только что вылез из болота? Что случилось? Ничего не хочешь мне рассказать?

Теперь настала очередь магоса переминаясь с ноги на ногу.

— Сядь, — наконец велел он.

Нина огляделась вокруг, не нашла ни стула, ни даже туристической пенки и демонстративно осталась стоять, уставившись на Ракуна, как милит на пойманного контрабандиста. По крайней мере ощущения были очень похожими.

Но, в отличие от милитов, Нине Ракун врать не рискнул.

Рассказал все.

Почти все. Про засунутую в чемодан водоросль все-таки промолчал.

— Так, ладно... Надо успокоиться, надо успокоиться... — бормотала Нина.

Возможно, успокоиться действительно надо было, но у нее никак не получалось. Вот бегать туда-сюда по берегу, нервно жамкая юбку, — да, вполне.

Ракун, наоборот, спокойно сидел на поваленном бревне, смотрел на реку и улыбался.

— Какого черта? — набросилась на него Нина. — У тебя племянница пропала! Что в этом смешного?

— Ничего. Я же не смеюсь, — развел руками магос.

— Но улыбаешься!

Ракун вздохнул и усилием воли придал лицу серьезное выражение, более соответствующее ситуации. Хотя через несколько минут губы снова невольно растянулись в улыбке.

Когда-то в далеком детстве эта привычка казалась полезной. Когда ты мелкий, тощий, нескладный, не можешь сам за себя постоять и вынужден каждый день терпеть насмешки более удачливых и богатых сверстников, единственное, что остается, — это улыбаться. Чем больнее бьют — тем шире улыбка. Всем назло.

Годы прошли, а привычка осталась. Теперь она бесила окружающих еще больше. Ракун улыбался и милитам, и клиентам, и мужьям любовниц, явившимся в самый неподходящий момент. И тому гаду с кнутом, чтоб ему побыстрее сдохнуть. Улыбался даже на похоронах брата и Галины. Слышал осуждающий шепот за спиной, сжимал кулаки — и улыбался.

Отвратительная привычка.

Объяснять все это Нине магос не стал. Она была явно не в том состоянии, чтобы слушать его откровения. А он не имел ни малейшего желания ими делиться.

— Надо что-то делать! — снова начала Нина. — Нельзя просто так сидеть и ждать у моря погоды!

— Это река.

— Да мне без разницы! Мы не можем торчать здесь бесконечно.

— Не бесконечно, а до рассвета. Так что сядь и заткнись. Мне надо подумать.

— Ты уже час думаешь, а Алинку в это время увозят все дальше. Надо идти за похитителями! Не хочешь помогать — я сама пойду!

— Куда ты пойдешь, женщина? Пешком догонять лошадей? А дальше что сделаешь, если вдруг догонишь на свою голову? Пальцем им погрозишь? К совести воззовешь?

Нина пристыжено замолчала. Ненадолго. Спустя несколько минут мельтешение продолжилось:

— Зачем они это сделали? Чего они хотят? Денег? У меня нет денег! У тебя есть деньги? Должны быть, ты же колдун, местная элита! Или им просто понравилась девочка? Она же еще совсем маленькая! У вас тут есть работорговля? А детская проституция?

— Ей восемнадцать. По местным меркам она уже несколько лет как не ребенок, — уточнил Ракун.

— Как это несколько лет? У вас ведь совершеннолетие в восемнадцать!

— У нас — да. Но мы не у нас.

— Тогда где?

— В соседнем мире. Один виток вниз по течению.

— Не понимаю я эти ваши обозначения, — неожиданно мирно вздохнула Нина.

— Я могу объяснить. Если ты наконец-то угомонишься и спокойно слушаешь.

Женщина покорно прекратила метаться по побережью и подошла поближе.

Ракун нашел ровный участок земли, подхватил ветку и одним движением нарисовал длинную спираль.

— Исток — здесь. — Кончик ветки уткнулся в центр спирали. И почти сразу же двинулся вниз, пересекая витки один за другим. — Эта линия — река. В конце реки — устье, но оно далеко и нам сейчас не нужно. Так вот, миры расположены вдоль спирали. Ну, типа бусинок на ниточке. Тем, которые находятся на берегу, повезло, до них можно добраться по воде. На закате — туда, на рассвете — обратно. Быстро и просто. Из остальных выход есть только в соседние участки спирали и только по земле. Долго, сложно, опасно, зато в любое время суток.

— То есть мы сейчас здесь, правильно? — Нина ткнула пальцем в пересечение реки и ближайшего к центру витка. Ракун кивнул. — А откуда ты нас забрал?

— Двадцать третий виток. Столько рисовать — терпения не хватит. Доберемся домой — посмотришь по карте.

— А всего их сколько?

— Около сотни. Не помню точно. За семидесятые не забирался.

— А сколько миров в одном витке?

— По-разному. В этом — пять. В следующем — девять. Дальше — больше. Еще есть вопросы? А то я чувствую себя как на экзамене.

— Просто пытаюсь представить себе масштаб в целом. Я знала про наш мир, про ваш, но никогда не задумывалась, что вокруг еще столько всего! А ее не могли перевезти в другой виток?

— Вряд ли. Хотя, конечно, всякое бывает. Не волнуйся, доберемся домой — сразу двинем к милитам. Найдут ее, вот увидишь. — Магос пытался говорить мягко, не заставляя Нину лишней раз нервничать, но, похоже, от его желания здесь мало что зависело: она прекрасно заводилась сама. Но хоть не ревела, и то хорошо.

Зато в который уже раз спрашивала:

— Почему мы сами не можем поискать Алинку?

— Как ты это представляешь? Хоть раз пыталась найти человека в чужом мире?

— Ты же меня как-то нашел! Ну, в самый первый раз.

— У меня был твой камень, с его помощью всегда можно найти законного владельца. Сейчас это не сработает, оба камня у нее.

— А какие-нибудь поисковые заклинания? Ты же маг! Должен уметь делать всякие волшебные штуки!

— Не знаю я подходящих заклинаний!

— Но почему? Такие полезные мог бы и выучить!

— Микрохирургия тоже полезная. Ты ее знаешь? А латынь? А устройство телефона? А карту канализационных систем наизусть? — Ракун дождался, пока Нина покачает головой, и продолжил: — Поняла теперь? Никто не может знать все! Каждый делает свою работу! Искать людей — работа милитов. И завтра они ею займутся.

— Но почему мы не можем связаться с ними прямо сейчас?

— Да потому, что они в другом мире, глупая ты женщина!

— Но ведь ты посылал мне сообщения из одного мира в другой? Браслет, помнишь?

— Помню. Хороший арфактум, ручная работа. Но, извини, дарить такие украшения стражам порядка мне пока не приходилось. Так что все, уймись! Я сказал: ждем до рассвета. Других вариантов нет.

Вместо того чтобы смириться со своей участью, Нина снова заметалась по побережью, словно пыталась ухватить за хвост убегающую мысль. Но вдруг застыла на месте и резко развернулась к Ракуну:

— А можно вычислить, где обладатель браслета?

— Теоретически — можно, но я не знаю как. Да и зачем? Я и так вижу, что ты здесь.

— Нет же! Браслет был на Алинке! Кажется. Ну, то есть она точно надевала его вечером. Я сказала снять, но она же упрямая... Мы можем ей что-нибудь написать?

— Да, но что это даст?

— Что угодно! Хоть моральную поддержку. И... ты сумеешь определить, получила ли она сообщение? И получила ли его именно она?

— Да. — Ракун начал понимать. — Если послание дойдет до адресата, значит, она точно жива и в сознании. Если нет, то... Ну, может, у нее просто браслет сперли. Или она сама его сняла. Тоже бывает.

— Не рассуждай, а колдуй!

— Тогда заткнись. Дай сосредоточиться. — Магос прикрыл глаза и коснулся сережки кончиками пальцев. — Что пишем-то?

Повозка наехала колесом на камень, подпрыгнула, и Алина подпрыгнула вместе с ней, приложившись затылком о дощатое дно. Именно это и привело ее в чувство.

Некоторое время девушка лежала смирно, пытаясь понять, что происходит. Вокруг было темно, все скрипело и дрожало, голова раскалывалась, а руки и ноги неприятно ныли и почему-то не хотели двигаться.

Алина попыталась пошевелить пальцами — получилось с трудом. Ощущение было такое, словно вместо воздуха ее окружал толстый слой резины. Невидимая, но прочная оболочка затрудняла движение, мешала сменить позу или хотя бы вдохнуть полной грудью. Явно какая-то магия.

Девушка невольно фыркнула. Еще вчера она бы все отдала за такое приключение. Даже когда задувала свечи на именинном торге, загадала: «Пусть случится что-нибудь необычное! И чтоб матан пересдавать не пришлось». Ну вот, случилось. Теперь уж явно не до матана.

Мысль о том, что это просто сон или игра воображения, мелькнула и тут же исчезла. Во сне происходящее воспринималось совсем по-другому: сумбурно, путано и нелогично. А сейчас Алина помнила все, что случилось. Как плыли в лодке, как колдун вдруг выпал из нее, а саму девушку неизвестные люди вытащили на берег и...

Дальше память пасовала.

Кажется, один из них на нее дунул. Просто дунул.

Дыхание оказалось противным, чисткой зубов незнакомец себя явно не утруждал. Но вместо того, чтобы высказать этому противнику гигиены все, что пришло в голову, Алина вдруг зевнула и отключилась.

А сейчас, значит, включилась обратно и обнаружила, что ее куда-то везут.

Повозка была сколочена кое-как, в щели пробивался свет, но рассмотреть окружающий пейзаж не получалось. Снаружи могли находиться и лес, и степь, и город.

Хотя нет, точно не город. Города — они громкие, а здесь тихо.

Расслышать получилось разве что отголоски еле слышной беседы, но разобрать слова не представлялось возможности из-за скрипа колес и цокота копыт. По крайней мере девушке показалось, что это именно копыта.

Интересно, специально ради нее конный эскорт выделили, или здесь просто средневековье? Магос вроде цивилизацию обещал.

Алина попробовала повернуться к ближайшей щели, но голова не сдвинулась и на сантиметр. Невозможность пошевелиться почему-то злила больше, чем сам факт похищения. Еще и рука начала дико чесаться. Запястье зудело, как будто его выбрала для обеда целая стая комаров.

Девушка с трудом шевельнула рукой, пытаясь потереть ее о бортик. Тихонько звякнуло. Наручники, что ли? А, нет, браслет. Точно, любимый браслет Нины, над которым она вечно тряслась. И чесалось как раз под ним. Видимо, попало что-то...

Браслет был Алине великоват, и обычно она снимала его, даже не расстегивая. Сейчас это оказалось как никогда кстати. Дождавшись, когда повозка подпрыгнет на очередной кочке, девушка дернулась изо всех сил, тряхнула рукой — и металлическая полоска, легко соскользнув с запястья, грохнулась неподалеку.

На внутренней стороне горела яркая надпись: «Держись, мы тебя скоро вытащим!»

Как только Алина дочитала сообщение, надпись начала гаснуть и вскоре совсем исчезла. И рука чесаться сразу перестала.

Девушка улыбнулась. О ней помнят и ее обязательно спасут! Ситуация сразу стала чуть менее пакостной, чем представлялось до этого. Самую капельку, но все же!

Послание явно пришло от дядюшки-колдуна. Но почему тогда «мы»? Или это типа «Мы, Николай II...»? Кто их разберет, этих магов. И еще интересно, когда именно настанет это обещанное «скоро».

Повозка снова дернулась, а потом внезапно замедлила ход и застыла. Снаружи раздалось конское ржание, а голоса стали громче — мужские, грубые. Алина затаила дыхание, прислушиваясь, но несколько человек говорили одновременно, перебивая друг друга, смысл опять ускользал.

И вдруг совсем близко, за стенкой, прозвучало:

— ...и только попробуйте что-нибудь сделать с девчонкой, пока меня нет. Заказчик узнает — голову оторвет.

— Да не, мы ж не звери какие. И договор чтим, как мать родную, — раздалось с другой стороны.

— Мать родную ты за грош продашь и не поморщишься. — Близкий голос звучал мягко и как будто бы устало.

Зато второй собеседник издавал звуки, напоминающие смесь хриплого лая с карканьем. Кажется, именно он и разговаривал с Алиной на берегу.

— Не бойсь, начальник! Все будет в лучшем виде. Мы на вашу кралю даже смотреть не станем.

— А вот это зря. Через часик придется проверить, как она там.

— Да чего проверять-то? Дрыхнет — и пусть себе дрыхнет.

— К тому времени должна уже будет проснуться. А то и раньше. Так что поглядывайте.

— Мало ли что там по времени. Не орет же. Раз не орет — значит, дрыхнет. Иначе давно бы уже истерику закатила. Бабы — они ж без истерики никуда!

— Тоже верно, — согласился обладатель мягкого голоса.

Что-то звякнуло, снова заржала лошадь, и Алина четко услышала удаляющийся перестук копыт. А повозка снова двинулась вперед.

Больше никто не разговаривал. По крайней мере в пределах слышимости.

Алина немного, насколько позволяли окутывающие ее чары, поерзала на жестком полу, устраиваясь поудобнее, и пообещала себе, что орать не станет. И истерику закатывать — тоже.

Как бы там ни было, она теперь не просто какая-то девчонка, а наследница крутых магов и почти настоящая колдунья. Она должна вести себя достойно и спокойно, а не трястись от ужаса. Тем более что как следует трястись все равно заклинание мешает.

Она сможет, она справится, она заставит себя думать, что это просто приключение. Как в книжке. А все приключения в книжках обязаны заканчиваться хорошо!

И как теперь обратно надеть браслет, кстати?

— Вставай! Пошли! — Ракур решительно поднялся с бревна, на котором сидел.

Нина даже не пошевелилась. Она сидела на том же бревне, демонстративно отодвинувшись подальше. А оно, как назло, было довольно коротким.

Сидеть на самом краю оказалось неудобно, но приближаться к колдуну не хотелось. Разговаривать — тем более. Даже смотреть на него давно стало тошно, поэтому Нина старательно пялилась вдаль, на реку.

Со стороны такой демонстративный игнор, наверное, выглядел глупо и по-детски, но что-то поделать с собой было сложно. Или закуклиться и сидеть вот так, запихав истерику поглубже и пытаясь не реагировать на внешние раздражители, или носиться по берегу, реветь, вопить, бросаться на злобного колдуна с кулаками и требовать, чтобы вернул все обратно.

Как будто он может что-то вернуть...

Если рассуждать логически, то в случившемся действительно нет его вины. И все, что он говорит, вполне справедливо. Ничего нельзя сейчас сделать своими силами, нужно просто набраться терпения и дожидаться помощи.

Но как же сложно просто сидеть и ждать!

— Ну же, женщина, поднимайся и топай за мной!

— А? — с запозданием среагировала Нина.

— Ты что, оглохла? Или собираешься торчать здесь до рассвета?

— Я думала, именно это нам и предстоит.

— Я тоже, — развел руками магос. — Но как-то скучно. И есть охота. Ты есть хочешь?

Нина добросовестно прислушалась к собственным ощущениям, но голода не обнаружила. Видимо, он был там же, где и эмоции, — под толстой броней безразличия.

Хотя совсем уж на все эмоции брони явно не хватило, поэтому в ответ Нина беззлбно огрызнулась:

— Хватит уже называть меня женщиной! У меня имя есть.

— Оно дурацкое. Мне не нравится, — с обезоруживающей искренностью сообщил колдун. — Давай другое придумаем.

— Издеваешься?

— Нет. — Мужчина улыбался, но взгляд оставался подозрительно серьезным. — Тот, кто знает имя, имеет почти абсолютную власть над его обладателем. У вас, в технологических мирах, на это обычно внимания не обращают. Но сейчас ты в мире магическом, поэтому будь добра, не забывай о собственной безопасности. Мне одной пропавшей хватит. Так что давай, думай, как к тебе обращаться. Прозвище есть?

— Н-нет, — с запинкой ответила Нина.

На самом деле прозвище у нее, конечно, было. Даже несколько. Одно старое, еще школьное: как срифмовали в первом классе Нина-кониная, так и дразнили до выпускного. Вторым — Блок-схема — одарили студенты, заметившие у преподавательницы любовь к стрелочкам и кружочкам.

Но ни одна из кличек Нину не радовала.

— Значит, останешься женщиной, пока что-нибудь не придумаешь, — решил колдун.

— А ты сам как же? Так и продолжишь откликаться исключительно на достопочтенного магоса?

— Тебя что-то не устраивает?

— Да. Невозможность по-человечески общаться.

— Тогда не общайся, — фыркнул мужчина и стремительно направился к дороге, даже не проверяя, следует ли за ним Нина.

— Ты что, так и пойдешь? — не выдержала она, бросаясь следом.

— А что не так? — удивился магос.

— Да у тебя же тина в волосах! И штаны до сих пор мокрые. Хоть бы отжал их нормально! Или меня стесняешься?

— Еще чего. Сами высохнут.

Нина посмотрела на цепочку мокрых следов, остающихся за магосом, и понадеялась, что простуду этот упрямец не подхватит. Потому что если он в здоровом состоянии такая зараза, то в больном, наверное, вообще невыносим.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой пропагандируются альтернативные методы лечения близорукости

Ракун побывал почти во всех мирах первого витка, а в этом и вовсе ориентировался не хуже, чем в Истоке. Его здесь тоже многие знали, особенно в прибрежных районах. Обычно магосу такое положение вещей играло на руку, но сейчас он изо всех сил надеялся, что не наткнется внезапно на старых друзей. Или, что гораздо хуже, на старых врагов.

Чаще всего он сходил на берег чуть севернее, сразу в Викенском порту или неподалеку от него. Там и еда, и ночлег, и работа, и сговорчивые девочки при необходимости находились за несколько минут. Иногда — в одном и том же месте.

Еще дальше начинался престижный район, в котором один за другим стояли особняки. Конечно, на достаточном расстоянии друг от друга, чтобы гарантировать обитателям спокойствие и конфиденциальность. В последнее время многие уроженцы Истока предпочитали жить там, а не на родине. Благо добраться сюда при попутном течении было делом нескольких минут.

А вот к югу от Викены, куда вынесло Ракуна и Нину, с цивилизацией обстояло гораздо хуже: сплошные деревни и небольшие хутора. Об Истоке местные, конечно, знали, но магов побаивались, а потому недолюбливали. В общем, лишний раз светиться перед деревенщинами не стоило. Просто на всякий случай.

Но еду-то купить можно!

Пока что едой даже не пахло. Единственная дорога тянулась вдоль реки, путники шли по ней на север уже почти час, но за это время им не встретилось ни людей, ни домов. Впрочем, тракт попался широкий и явно наезженный, значит, рано или поздно по нему можно добраться до какого-нибудь селения. Или хотя бы до указателя. Поэтому Ракун отважно шел вперед, не забывая поглядывать под ноги. Судя по следам, пока им с похитителями девчонки было по пути.

Нина покорно топала рядом, изредка морщась и потирая глаза.

— Да остановись и выковыряй уже нормально, что тебе там попало. Чего на ходу-то страдать, — буркнул магос, замедляя ход.

Главное, чтобы дело оказалось действительно в случайной соринке, а не в попытках не разреветься навзрыд. А то женщины такое умеют!

Но в случае с этой конкретной женщиной проблема состояла совсем в другом.

— Достань мой чемодан! — попросила Нина. — Не могу больше в линзах, умираю. Лучше очки надену.

— Мм... — многозначительно протянул Ракун.

Очками жвачка, кажется, не питалась. Но пожевать или поцарапать вполне могла. Не говоря уж о хлопковых трусиках, от которых наверняка осталась одна резинка. Возможно, две.

Проверить категорически не хотелось.

— Что? — по-своему истолковала «мм» Нина. — Только не говори, что ты его потерял!

— Потерял! — радостно ухватился магос за предложенную версию. И поспешно придал лицу более грустное выражение. — Извини. Так получилось. Я же тонул...

Нина подозрительно сощурилась, даже глаза тереть перестала.

Ракун машинально втянул голову в плечи, ожидая, что сейчас ему выскажут все, что накопело, и еще что-нибудь добавят сверху, но грома и молний не последовало.

Наоборот, женщина внезапно улыбнулась.

— Что? — недоверчиво спросил магос.

— Ты извинился, — объяснила она.

— Тебе показалось. Я не умею.

— Ну да, конечно, — хмыкнула Нина, тщательно вытерла руки об юбку и начала выколупывать линзы.

— И что ты делаешь? — удивился магос. — Ты ведь без этих штук ничего толком не видишь!

— С ними я тоже очень скоро перестану видеть. С тебя новые очки. Надеюсь, они у вас вообще есть?

— Есть, конечно. И линзы есть, если что.

— Да ну их к лешему, эти линзы. Одни проблемы от них, вечно потом глаза болят. Я их и не ношу почти.

— А зачем тогда надела?

— Ну... — Нина задумчиво потыкала в лежащие на ладони прозрачные кругляши и, широко размахнувшись, зашвырнула их в кусты. — Красивой хотела быть. Блузку вот новую нацепила, в парикмахерскую сходила. Важная дата, последний день в родном мире, все такое.

— Если бы я тебя не забрал, был бы не последний.

— Если бы ты меня не забрал, я бы в окно вышла, — вздохнула женщина.

Ракун так и не понял, шутит она или всерьез.

Да Нина и сама не вполне понимала.

Когда Нина первый раз зацепилась за валяющуюся на дороге ветку, Ракун хмыкнул. Во второй раз промолчал. В третий — подхватил спутницу под руку, но та с негодованием вырвалась и убежала на несколько шагов вперед. Исключительно для того, чтобы неловко наступить каблуком на камень и во весь рост растянуться на дороге.

— Эй, ты там живая? — настороженно спросил магос, четко расслышавший хруст.

— Я — да. Каблук — нет. — Нина с кряхтением выпрямилась и потрясла в воздухе пострадавшей туфлей.

— Отлично! Теперь ты не только слепая, но и хромая. Имей в виду, нам еще обратно идти.

— Да мы и туда-то все никак не дойдем. Сколько еще осталось?

— Понятия не имею. Но если минут через пятнадцать ничего подходящего не встретим, повернем назад. Ничего, походишь денек голодной.

— А чего сразу я? Сам же ныл, что есть хочешь!

— Не ныл, а сообщал. Отдай туфлю! — Ракун, не дожидаясь разрешения, выхватил обувь из рук Нины. — И вторую тоже дай сюда.

— Зачем? — удивилась женщина, но покорно разулась.

Магос придирчиво осмотрел туфли, примерился и одним движением оторвал второй каблук:

— Все, на первое время сойдет. Потом новые купишь.

— Сам купишь. Ты же утопил все мои вещи!

— Ладно, — буркнул Ракун.

Виноватым он себя не чувствовал, но бывают моменты, когда лучше согласиться, чем объяснять, почему нет. Тем более что своих-то денег у этой дурищи все равно не имелось.

Дурища тем временем отобрала туфли обратно, нацепила и отважно направилась дальше, украдкой потирая разбитый локоть. Даже и не хромала почти, хотя без каблучков наверняка было неудобно.

Могла бы, пожалуй, попросить о помощи. Хотя бы идти помедленнее, а то и вообще опереться на руку магоса. Но нелюбовь к простым человеческим просьбам у них с Алиной являлась, видимо, общей семейной чертой. Но если глупость племянницы легко списывалась на юный возраст, то оправданием для тетушки мог послужить разве что старческий маразм. До которого ей, впрочем, было еще далековато.

Значит, просто дура.

«Просто дура» тем временем не разглядела на дороге очередную выбоину и снова грохнулась. В этот раз на задницу.

— Нет, так мы далеко не уйдем, — вздохнул Ракун, рывком поднимая женщину на ноги. — Ты что, совсем ничего не видишь?

— Я вижу вполне достаточно, чтобы разглядеть твою мерзкую ухмылку!

— Ну-ну... — Именно в этот момент магос для разнообразия не улыбался, поэтому выводы об остроте Нининого зрения сделал вполне однозначные. — Ладно, кротиха, глаза я тебе починить не могу. Но... скажи-ка, когда мы в первый раз встретились, ты же нормально видела?

Нина задумалась.

Первая встреча произошла двадцать лет назад, именно тогда она впервые услышала про Исток и свое наследство. Линзы в то время точно не носила, да и очки надевала только в институте, чтобы разглядеть написанное на доске. Сколько же у нее тогда было? Кажется, минус полтора. Да даже если и минус два — на фоне того, что сейчас, это все равно почти нормально!

— Да, тогда видела прекрасно, — мечтательно протянула женщина.

— Отлично! — Ее спутник вытащил из бездонного кармана коробочку с маленькими коричневыми пилюлями, рюмку и стеклянную бутылочку, в которой плескалась ядовито-зеленая жидкость. — Мне понадобится капля твоей крови.

Нина отпрянула, предусмотрительно спрятав руки за спину.

— Да ладно, не артачься. Результат тебе понравится.

— Мне уже не нравится процесс.

— Женщина, хватит строить из себя недотрогу! Иди сюда и не спорь. Даже колоть ничем не надо, у тебя и так весь локоть в крови. — Магос ловко подхватил рюмкой сползающую по руке каплю, плеснул туда же зеленой жидкости, закинул в получившуюся смесь две пилюли и как следует взболтал.

Зелье взбурлило и сменило цвет на кислотно-желтый. Резко запахло тошнотворно-сладкими цветами и почему-то горелым пластиком.

— Я не буду это пить! — решительно отстранилась Нина.

— Будешь. И лучше добровольно, иначе залью силком. Давай-давай, тут один глоточек всего. Ты же последние несколько часов ничего не ела? — на всякий случай уточнил Ракун.

— Когда бы я успела!

— Вот и отлично. Проблем с сердцем нет? Не беременна? Не... Хотя ладно, если от запаковки оклемалась, то и это переживешь. В общем, пей и постарайся, чтобы не стошнило. По крайней мере в первые несколько секунд.

Нина смотрела на магоса, пытаясь найти в его лице хоть какой-то намек на то, что все это шутка, но нашла только расплывчатое пятно. К сожалению, проблему со зрением действительно требовалось как-то решать, иначе к разбитому локтю и ушибленным коленям могла очень быстро добавиться сломанная шея.

Женщина тряхнула головой и протянула руку за рюмкой:

— Ладно, давай свою отраву. Если умру — это ляжет на твою совесть.

— Не умрешь, не надейся. Но предупреждаю: будет больно.

— Так же больно, как и в прошлый раз?

— Нет, хуже.

Нина подумала, что хуже просто невозможно. И, зажмурившись на всякий случай, одним глотком осушила рюмку.

— И дольше... — добавил магос, отбирая у нее опустевшую посудину и предусмотрительно отходя подальше.

Женщина его уже не слышала. Колдовская жидкость огненным вихрем опалила гортань и потекла дальше, в желудок, сжигая все на своем пути. Дыхание перехватило, из глаз брызнули слезы. Нина, не удержавшись на ногах, рухнула на колени.

Предупредительное «постарайся, чтобы не стошнило» показалось настоящим издевательством. Нина была бы рада избавиться от зелья — не важно, выплюнуть или вытошнить, — но никак не могла этого сделать, будто все органы разом отказались работать. Внутри кипело, горело, бурлило. Жидкость растекалась все дальше, и любое ее продвижение отзывалось жгучей болью.

Да, это оказалось гораздо хуже, чем в прошлый раз.

В прошлый раз она могла хотя бы кричать. В этот — даже дышать не могла.

— Если тебе интересно, то эта штука стоит дороже, чем весь твой чемодан, даже если бы он был из золота. Так что можно считать, что мы в расчете, — вещал магос, пока Нину рвало за кустами.

— Ни черта мы не в расчете! Ты вообще представляешь, как я себя чувствую?

— Примерно так, будто с тебя содрали кожу, а все, что осталось, прокрутили до состояния фарша. А потом запихали обратно. И теперь, когда ты двигаешь рукой, у тебя дергается ухо, а зубы стучат в коленях.

Нина хотела огрызнуться, но только устало закашлялась.

На самом деле описание вышло крайне достоверным, именно так она себя и ощущала. Разве что зубы не стучали, а ныли все разом, и отдавалось это не в коленях, а в позвоночнике.

— Молчишь? Думала, я эту гадость никогда не пил, что ли? — продолжал магос. — К сожалению, приходилось. Кстати, можешь порадоваться: в ближайшие десять лет тебе больше нельзя ни капли, и так двойную дозу накатила.

— Да чтобы я еще раз прикоснулась к этой отраве...

— Между прочим, не отравка, а лекарство. Средство для экстренной реанимации в особо сложных случаях. Для простых не подходит, там список противопоказаний длиннее, чем полный атлас всех миров. Ты, кстати, как? Пришла в себя? Крови нигде не видно? Живот не болит?

— Пломба выпала... — вздохнула Нина, ощупывая языком дырку в зубе. Точнее, то место, где она должна была находиться. Но дырки почему-то не было. А вот сам зуб — был. Целехонький. — Что ты со мной сделал?

— А ты подумай. Пройдись. Прислушайся к ощущениям.

Думать получалось с трудом, ходить тоже. Боль отступила, но ей на смену пришла такая слабость, что хотелось немедленно лечь и уснуть. Только не прямо в кустах... Надо хоть обратно на дорогу выбраться... Надо...

— Так, кротиха, только давай без обмороков! — возмутился магос над самым ухом, но покачнувшуюся Нину поймал и даже обхватил двумя руками, не давая рухнуть на землю. — Ничего, потерпи, сейчас пройдет. Я знаю, что от этой дряни очень мерзкий отходняк. Но зато какой результат, а! Я уже и забыл, какие у тебя тогда были милые щечки!

Нина машинально подняла руку и ощупала лицо.

Щечки действительно были: свои, родные и какие-то подозрительно гладкие. Вообще кожа была как после какой-нибудь очень крутой и зверски дорогой косметической процедуры. Нина в таких штуках не особо разбиралась, но рекламки с громкими надписями типа «Экспресс-курс омоложения» бойкие девочки на улице ей регулярно совали. Видимо, считали, что усталой, вечно спешащей по делам тетке срочно необходимо сбросить лет десять — и все проблемы решатся сами собой.

От мысли о возрасте в голове наконец-то прояснилось. Колдун же не случайно спрашивал, как она видела двадцать лет назад. Такие, как он, вообще ничего случайно не делают!

Нина вывернулась из рук магоса, снова едва не упала, но все же ухитрилась отойти на пару шагов, опереться о дерево и наконец осмотреть себя.

Зеркала не имелось, но и без него все стало понятно. Как минимум — она все видела. Видела так ясно и четко, как последние несколько лет только в очках.

Исчезли морщины и некоторые мелкие шрамы, кожа стала более гладкой и здоровой. Руки казались непривычно тонкими, ноги — удивительно стройными, живот подтянулся.

Нина не была толстой и вообще считала, что неплохо сохранилась для своих лет. Если и прибавила с возрастом, то всего пару размеров. Оказалось, что пара размеров — это не так уж и мало. Юбка сразу соскользнула с талии и повисла на бедрах, блузка выбилась из-под нее и теперь болталась сверху бесформенным мешком. Только туфли были все еще впору.

— Ничего себе откат к заводским настройкам системы! — выдохнула женщина.

— Дошло наконец-то? — ухмыльнулся магос. — Говорил же: результат тебе понравится.

— И что, так можно каждый раз отматывать возраст обратно?

— Если бы. С каждым разом зелье действует все хуже, а отходняк все сильнее. Пять-шесть таблеток — это предел человеческого организма. Каждая следующая может стать смертельной.

— И сколько ты уже выпил? Сколько тебе вообще лет? — С момента первой встречи магос почти не изменился, но Нина только сейчас сообразила почему. До этого ей даже в голову не приходило думать о его возрасте. Мало ли, хорошо сохранился! В конце концов, случается же, что люди и в пятьдесят выглядят на тридцать безо всякой магии.

— В приличном обществе такие вопросы не задают, — отшутился мужчина. — И вообще, не вздумай кому-нибудь рассказывать, что видела у меня эти таблетки, да еще и пила их. В свободной продаже таких лекарств нет, применение разрешено только в больничных условиях.

— Тогда где ты их взял?

— Меньше знаешь — крепче спишь. А если достаточно оклемалась, чтобы болтать, то пошли

дальше, а то я скоро собственные сапоги с голодухи жевать начну. — Магос бодро двинулся, махнув рукой: догоняй, мол.

Нина поморщилась. У нее и до этого аппетита не было, а после адского зелья любая мысль о еде вызывала только тошноту. Но в остальном тело вело себя прекрасно: ничего не болело, не скрипело и не ныло, дышалось легко и свободно, а по дороге хотелось не идти, а бежать, причем вприпрыжку.

Омолодившаяся женщина даже перестала злиться на колдуна за его садистские способы решения проблем и чувствовала себя постыдно счастливой. Минут пять.

Потом вспомнила про Алину — и чувство тревоги снова захлестнуло с головой.

Может, стоило остаться дома и не отвечивать? Да, было бы грустно, одиноко и немного волнительно, но совсем не так, как сейчас. Вышло бы, как с Галкой. Тогда Нина три года занималась своими делами, изредка получала короткие послания на браслет, радовалась за сестру и пыталась убедить себя, что поступила правильно.

Три года она почти верила в это.

А потом в дверь позвонили...

Когда в дверь позвонили, Нина как раз красила губы.

Она недолюбливала косметику, но на свидания вроде как положено ходить при полном параде, особенно если в театр. Пришлось стряхнуть пыль с косметички, достать тушь, помаду и пудру и нарисовать на лице что-нибудь относительно приличное. С непривычки получалось медленно, а время поджимало, Кирилл должен был вот-вот прийти.

Поэтому, заслышав дверной звонок, Нина ни секунды не сомневалась — это он.

Оказалось — нет.

На пороге стоял незнакомый мужчина с приятным открытым лицом, но очень цепким взглядом. Взгляд скользнул по Нине, изучил ее одежду, обстановку в коридоре, заметил пыль на плафоне и вчерашнюю грязь на стоящих в углу босоножках — и все это за доли секунды, которые потребовались девушке для того, чтобы удивленно сказать: «Здрасьте».

— Здравствуйте, Нина, — ответил незнакомец. — Могу я войти?

Хозяйка квартиры посторонилась, пропуская гостя внутрь.

В душе заворчалось неприятное предчувствие. Не осталось никаких сомнений — мужчина прибыл из другого мира: чувствовалось в нем что-то такое нездешнее, хотя никак не получалось определить, что именно. Человек как человек: высокий, с короткими светлыми волосами, одет в... или нет, в...

Ага, вот оно что!

Одежда незнакомца таинственным образом ускользала от взгляда. Кажется, она была серой. Или, может быть, голубой. И это плащ? Или штаны? Хотя, возможно, вообще какая-нибудь мантия.

Фантазия охотно подсовывала Нине то, что она пыталась увидеть. Чаще всего — обычный брючный костюм.

— Налюбовались? — улыбнулся мужчина, заметив ее интерес. Улыбка у него оказалась мягкой, располагающей, и Нина охотно улыбнулась в ответ.

— Извините, просто задумалась. Удобно, наверное, иметь такую одежду: где угодно за своего сойдешь, и в ресторане, и в походе. А что это на самом деле?

— Униформа, — уклончиво ответил гость. — Полагаю, вы уже поняли, что я из Востока. Позвольте задать вам несколько вопросов?

— Конечно, — кивнула Нина. Гость так и не представился, но повадками больше всего напоминал доброго милиционера из старых фильмов. Да, кажется, им и являлся. А как проверить? Не удостоверение же спрашивать... — Только побыстрее, если можно. Я немного тороплюсь.

— Хорошо. Тогда перейду сразу к делу: где вы были вчера днем?

— Дома.

— Весь день?

— Да. — Она сказала чистую правду. Сначала девушка отсыпалась после экзамена, а потом просто валялась на диване с книжкой.

— Одна?

Нина задумчиво покрутила в руках помаду.

Утреннее сообщение от колдуна она, конечно, прочитала, но особого значения ему спросонья не придавала. Ясно — этот тип во что-то ввязался и теперь просит его прикрыть. Ладно, ей не сложно. Но ведь там было сказано: «Если спросят...» Значит, могли и не спросить. Или спросить когда-нибудь потом. А не в тот самый момент, когда она одной ногой уже находилась в театре.

И знать бы, что он натворил... А то вдруг что-то серьезное. Вдруг она сейчас соврет, а в итоге пострадают все: не только колдун, но и она сама, и Галка. А вдруг наоборот: все пострадают, если не соврет?

— Нина, вы находились дома одна? — с нажимом повторил незнакомец.

— Нет, — решила девушка. — С мужчиной.

— Могу я узнать, кто это?

— Можете, но... — Нина смутилась, причем совершенно искренне. — Только не смейтесь, но я не знаю, как его зовут. Он за все время так и не сказал. Но если вы меня нашли, то наверняка его знаете. Моя сестра замужем за его братом. Мы познакомились три года назад... ну и с тех пор иногда... общаемся...

— Да, я понимаю, о ком вы. Хорошо, спасибо за информацию. И у меня для вас еще одно сообщение... — Гость слегка замялся, словно собирался с духом, но сказать ничего не успел —

в дверь снова позвонили.

Нина отперла без раздумий. Уж в этот раз — точно Кирилл.

И отпрянула, увидев перед собой темноволосого колдуна.

— Что вы здесь...

— Достопочтенный магос, что вы тут делаете? — Добрый милиционер вклинился между хозяйкой и гостем и сразу же перестал казаться добрым. — Вам же велели не покидать пределы Истока!

Колдун посмотрел сквозь него, будто через пустое место. Отодвинул стража порядка с дороги, подошел к Нине и властно положил руку ей на талию.

— Если допрос окончен, то вы можете быть свободны. Я сам ей все скажу.

На лице милиционера промелькнуло явное облегчение, зато Нина, наоборот, напряглась. Ситуация не предвещала ничего хорошего.

— Что случилось?

Вместо ответа колдун опустил ей на талию вторую руку, словно подтверждая право собственности. На взгляд Нины, он явно переигрывал, но вырваться девушка не рискнула. Ведь для милиционера они вроде как пара.

И тут в дверь позвонили в третий раз.

— Открыто, — машинально бросила Нина.

В этот раз на пороге действительно стоял Кирилл.

— Прости за опоздание. Ты готова? — с ходу начал он... и замер, разглядев, что его девушка не одна. Более того, стоит в обнимку с каким-то непонятным и не очень приятным типом. В компании еще одного, чуть более приятного, но все равно незнакомого.

— Мм... Подожди во дворе, я через несколько минут спущусь, — пробормотала Нина.

— Не спустишься, — обрубил колдун. — Никуда ты сегодня не пойдешь.

— Что вы... — начал Кирилл и осекся, встретившись взглядом с магосом. — Кто вы?

— Нет, мальчик, это я хотел бы знать, кто ты и чего хочешь от моей женщины?

— От вашей... кого? — Кирилл удивленно захлопал глазами. На фоне гостей из другого мира он действительно казался мальчишкой — очкастым и угловатым подростком, впервые пригласившим девушку в театр.

Хотя до этого они, конечно, и в кино ходили, и в кафе, и на аттракционах катались. Все как положено, в общем. Он бы и в ресторан Нину сводил, но на стипендию особо не пошикуешь. Хватит пока и театра.

Правда, от происходящего все радужные мечты Кирилла об идеальном свидании покрылись трещинами. Не каждый день видишь, как твою девушку лапает посторонний мужчина. А она

смущенно пытается сделать вид, что ничего страшного не случилось.

— Отпусти немедленно, — прошипела Нина, но магос держал крепко. И прекращать маскарад не собирался.

— Дорогая, чего это сутулое недоразумение от тебя хочет? — нарочито издевательским тоном протянул он.

— Я н-не н-недоразумение. — От волнения Кирилл начал заикаться.

— Кир, пожалуйста, не слушай его. Я все объясню.

— Н-не надо. Я, к-кажется, уже п-понял. — Парень круто развернулся и вылетел за дверь.

— Идиот, — бросила Нина, не уточняя, относится это к Кириллу или к магосу.

А вот кто точно идиотом не был, так это иномирский милиционер. Он с любопытством наблюдал за происходящим и наверняка старательно подмечал все несоответствия.

Несоответствий, как назло, выплыло множество.

По крайней мере Нине всерьез начало казаться, что единственную адекватную реакцию на происходящее выдал как раз Кирилл. А колдуну, как выяснилось, на «конкурента» наплевать. Или почти наплевать.

— И что это сейчас было? — с ухмылкой спросил он.

— Парень мой. Видимо, уже бывший.

— Тебе меня мало, что ли?

— Ты редко приходишь, — притворно вздохнула Нина и, шалея от собственной наглости, обняла колдуна. Играть так играть. А оплакать сломанную личную жизнь можно и позже, когда никто не увидит.

Милиционер игру оценил. Осторожно кашлянул, привлекая внимание «влюбленных», и кивнул на дверь:

— Достопочтенный магос, я с вашего позволения удалюсь. У меня еще есть дела в этом мире. Но на рассвете жду вас на берегу, обратно в Исток вы отправитесь под моим контролем. Запрет на ваше свободное перемещение еще не отменен. И я вынужден буду сообщить о нарушении.

— Плевать, — неожиданно резко бросил колдун. И, чуть смягчившись, добавил: — Да не сбегу я. Здесь останусь. Встретимся на рассвете.

— Итак... — начала Нина, едва за милиционером закрылась дверь. — Ради чего все это и что такое важное ты непременно хотел сказать мне сам?

— Не хотел. И не хочу. Но лучше, если ты услышишь это от меня. Сядь.

— Мне и так неплохо.

— Я сказал — сядь. Кресло у тебя есть? Вот в кресло и сядь. И не смотри на меня так. Хотя нет, лучше смотри. Не перебивай.

С каждым словом Нина все яснее понимала — что-то случилось. Что-то плохое. Что-то страшное. Непоправимое.

Три года она верила, что поступила правильно, отправив Галку в другой мир вместо себя.

И только теперь поняла, какую ошибку совершила.

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой Нина получает прозвище, пиво и информацию к размышлению

Ракун обернулся и с удивлением обнаружил, что Нина, до этого бодро бежавшая следом, застыла посреди дороги и с отрешенным видом разглядывает облака.

— Эй, кротиха, ты чего застряла? — окликнул магос.

— Прекрати меня так называть!

— А как? Женщиной называться тебе не нравится — ладно. Но кроты-то чем не угодили? Милые животные. И такие же слепые.

— Хватит надо мной издеваться!

— Даже не начинал. Вот если бы я тебя медведкой обозвал, это была бы издевка. Или кто там еще не слишком зрячий... летучая мышь, носорог, выхухоль... — Лицо магоса озарилось искренней улыбкой. — Точно, выхухоль! Отличная зверюшка!

— Не-е-ет, — обреченно протянула Нина.

— Да! Ты только вслушайся, как звучит: вы-ы-ыхухоль!

— Отвалихухоль, — буркнула женщина.

— Нехухоль, — парировал магос, — хныхухоль, дрыхухоль, глухохоль, сдыхухоль...

Нина терпеливо подождала, пока у Ракуна иссякнет поток красноречия, и спросила в лоб:

— За что ты меня так не любишь?

— Я? — опешил магос.

— Не я же!

— Вот как раз ты меня точно не любишь.

— Не люблю, — не стала отпираться Нина. — Но у меня для этого хоть причина есть.

— И какая же?

Ракун ожидал, что сейчас ему начнут высказывать все подряд, начиная с самого первого появления: так и не съеденный именинный торт, гибель сестры, болезненное превращение, пропажу Алины и чемодана... в общем, то, в чем он и сам готов был себя обвинить. Но в ответ неожиданно тихо прозвучало:

— Это ведь из-за тебя меня парень бросил.

— Не больно-то ты от этого страдала, — хмыкнул Ракун, вспомнив заикающегося очкарика. —

Да и есть ли по кому убиваться! Или он миллионером стал?

— Да нет. В аспирантуру пошел, а потом так в институте и остался. Мы коллеги сейчас. Но, понимаешь, я каждый день его на работе вижу — и каждый день вспоминаю его взгляд. Ну, когда он нас с тобой тогда увидел. И он до сих пор думает, что я его обманывала, что я ему изменяла.

— Так объяснила бы.

— Что именно? Что меня колдун из другого мира попросил ему подыграть? Как ты вообще это представляешь?

Ракун пожал плечами. Да, с этой точки зрения ситуация действительно выглядела неприятно. Просто тогда некогда было об этом думать.

— Знаешь, я ведь в какой-то момент даже обрадовалась, что так получилось, — призналась Нина. — Ну, что он нас застучал. Я и сама хотела с ним порвать, но не решалась. Думала: расстанемся мы, а что дальше делать? Больше-то на меня никто особо и не смотрел... В общем, правильно думала, как выяснилось.

— Да ладно? — искренне удивился магос. Отправляясь за Алиной, он не сомневался, что ее тетюшка давно уже обзавелась мужем и выводком разновозрастных детишек. Оказалось — ничего подобного. А ведь симпатичная же девушка, да и неглупая. Хотя, конечно, та еще выхухоль. — Что, после того заморыша больше никого и не было? Вообще?

— Иногда случалось. Но так, на одну ночь. — Нина поморщилась и отвернулась, но Ракун не остановился:

— Серьезно? Да почему?

— Потому что они все не такие.

— Не такие — это какие?

— Ну... не настоящие. Картонные, однобокие. Живут в своем реальном мире и ничего за его пределами не видят. Работа-дом-работа. Самое большое достижение — летом на море съездить. Такое чувство, что люди вообще не знают, зачем живут. Пыталась с ролевиками тусить, но «дивные эльфы» оказались еще хуже... На первый взгляд такие все возвышенные, галантные, начитанные, а дров для костра не допросишься. Только ветер в голове. В общем, не сложилось...

Нина осеклась, запоздало сообразив, что плачется о неудавшейся личной жизни не подружке, а мерзко ухмыляющемуся колдуну.

Повисло неловкое молчание, прерываемое лишь шелестом деревьев над головой да тихим бряцаньем пряжек на сапогах магоса.

— Это все? — не выдержал тишины Ракун. — Ты поэтому так от меня шарахаешься?

Нина покачала головой и нервно потеряла край блузки.

— Я... Я ведь до сих пор не знаю, где ты находился в ту ночь.

Уточнять, в какую именно, не потребовалось. Магос прекрасно понял, о чем речь. Понял и то, что его спутница хотела этим сказать.

— Так, женщина, выкинь этот бред из головы. Вообще выкинь, насовсем. Я не убивал их. Клянусь, что не убивал! Меня действительно не было в Истоке в это время. Веришь?

— Верю, — кивнула Нина, хотя доверия в ее голосе не чувствовалось совершенно.

Ракун мысленно вздохнул. Переубеждать спутницу он не собирался, вот еще. Хочет подозревать его в братоубийстве — пусть подозревает. Подозрением больше, подозрением меньше... Проблем-то!

Хотя думать об этом все равно оказалось не слишком приятно.

— Теперь твоя очередь, — напомнила Нина после очередной затянувшейся паузы. — Почему ты относишься ко мне так пренебрежительно?

Почему? Вряд ли Ракун сам мог объяснить почему.

Потому что она так легко отказалась от наследства, за которое многие убить готовы. Потому что нарушала все правила приличия и обращалась к магосу как ровня. Потому что не знала элементарных вещей и удивлялась общеизвестным фактам. Потому что была слишком открытой и искренней, слишком простой и приземленной для Истока и даже не пыталась казаться другой.

А может, ему просто нравилось подтрунивать над Ниной, задевать ее, выбивать из колеи — и наблюдать, как она на это реагирует.

И еще приходилось следить, чтобы она не ударилась в истерику. Пока женщина вела себя вполне прилично: нервничала, психовала, но не ревела, не паниковала совсем уж откровенно. А когда слишком глубоко задумывалась о своей несчастной судьбе, достаточно было в очередной раз ее подколоть — и беспросветная тоска в глазах сразу же отступала.

— Да нормально я к тебе отношусь, — решил наконец магос. — Просто... ну... ты реально иногда такая выхухоль!

Нина замахнулась, пытаясь дать Ракуну шутливую затрещину, но он ловко перехватил руку и посмотрел женщине в глаза неожиданно строго:

— А вот так никогда не делай! Дразнись, обзывайся, обвиняй меня в том, что я испортил тебе жизнь — но даже не пытайся меня ударить. А лучше — вообще не трогай.

Указатель обнаружился внезапно, когда Ракун уже почти решил повернуть обратно.

Покосившаяся деревяшка на развилке уверяла, что направо будет некое Заречье, а прямо — Копилаты. Копилаты магос видел разве что на карте, так назывался небольшой городок чуть южнее Викены. Значит, с направлением он угадал верно. А вот с расстоянием так запросто определиться не получалось: до цивилизации могло оказаться и полчаса пути, и сутки.

Про Заречье Ракун слышал впервые — видимо, это была какая-то мелкая деревенька из тех, которые даже на картах не всегда рисуют. Зато находилась она совсем рядом: вдалеке уже виднелись крыши невысоких домиков, а сразу за развилкой начинались поля, аккуратно

размеченные колышками.

По обочине дороги, позвякивая колокольчиками, брели коровы. А значит, где-то поблизости мог находиться пастух, следящий, чтобы его рогатые подопечные не слопали чужую пшеницу. Или что они там едят?

— Эй, есть тут кто? — крикнул Ракур.

— Ну, допустим, есть, — ворчливо отозвался невзрачного вида мужичонка, до этого успешно скрывавшийся за коровьим боком.

— Местный? Из Заречья?

— Ну, допустим, так.

— А трактир у вас там имеется?

— Ну, допустим, имеется. — Пастух внимательно оглядел путников и внезапно с гордостью добавил: — Даже целых два. Только вы в тот, который поближе к дороге, не ходите. Дорого там. Да вас и не пустят, для приличных место.

— А я, по-твоему, кто? — Магос демонстративно щелкнул пальцем по сережке.

Мужичонка подслеповато сощурился, пригляделся — и вдруг побледнел и задергался, словно пытался одновременно поклониться и вытянуться по стойке смирно. В итоге, так и не определившись, плюхнулся на колени.

Коровы наблюдали за его метаниями со свойственной им флегматичностью, Ракур — с презрением, Нина — с любопытством. До этого она подобное поведение разве что в кино видела.

— Прощу прощения, достопочтенный магос, не признал, — запричитал пастух, убедившись, что прямо сейчас его убивать никто не собирается. — А может, проводить вас? Или еще чем услужить? Это я мигом, вы только скажите.

— Как-нибудь без провожатых доберусь, — отмахнулся Ракур. — Лучше вот что скажи... У вас всегда дорога такая безлюдная? Сколько шли — никого не встретили.

— Да не, господин магос. Раньше-то дорога наша никогда не пустовала. Бывало, даже ночью народ проезжал. А в том месяце старый мост перед Копилатами обвалился, теперь все в обход едут.

— И что, за весь день сегодня никого не было? Давно ты тут околачиваешься?

— Да с самого утра коровок выпасаю. А люди были, отчего не быть. — Пастух с кряхтением выпрямился и наконец-то отважился посмотреть магосу в лицо. — Сперва верховые: доктор наш, да еще мужик какой-то, не признал его. Но они оба к нам в Заречье свернули. Потом Марленка от любовника своего бежала, торопилась. Еще повозка прямехонько на север ехала. Я даже подумал, куда ж они так мчатся, моста ж нет. Но не догонять же полоумных. Понадобится — сами вернуться.

— Какая повозка? — подалась вперед Нина, но магос сразу же ухватил ее за руку и крепко сжал, призывая не вмешиваться в разговор.

— Да обычная. Крытый такой фургончик, пара коняшек в упряжке.

— И все? Точно все? — уточнил Ракун.

— Да чтоб мне провалиться, если вру!

Магос хмыкнул и потербил сережку. Нина подумала, что с него станется устроить несчастному пастуху немедленное проваливание, просто чтобы позабавиться, но, к счастью, обошлось. Колдун развернулся в сторону деревни и решительно зашагал по дороге, увлекая спутницу за собой.

— Ты бы ему хоть спасибо сказал, — укорила женщина.

— За что? За то, что он посчитал меня каким-то отребьем?

— Но ты действительно выглядишь как бомж какой-то. Да и я не лучше.

— Знаешь, в чем прелесть высокого происхождения? Маг имеет право выглядеть так, как ему хочется. И горе тому, кто его этим попрекнет. Так что пусть этот коровник радуется, что жив остался.

Нина оглянулась на пастуха. Тот все еще провожал их взглядом, попутно отряхивая дорожную пыль с потертых штанов из грубой некрашеной ткани. Рубаха на нем была такая же потертая, перетянутая веревочным поясом. Впрочем, и то и другое — гораздо чище, чем заляпанная прибрежной грязью одежда магоса.

— Тут что, средневековье? — удивилась Нина.

— Нет, просто деревня.

— У нас даже в деревнях так не ходят!

— Так мы и не у вас, — парировал Ракун.

Однако на первый взгляд Заречье не сильно отличалось от обычной российской глубинки: деревянные домики (где косые и разваливающиеся, а где новенькие, свежевыкрашенные и с резными ставнями), палисаднички перед крыльцом и огороды на задворках. Дорогу вразвалочку переходили гуси, из-за заборов раздавался собачий лай, с крыш пялились кошки и...

Нина потеряла глаза, но в этот раз зрение ее не обмануло: на козырьке ближайшей крыши сидела крупная белая куница и задумчиво вылизывала крыло.

Колдун, как назло, шел впереди и ничего необычного не замечал. Нина хотела дернуть его за рукав, но вспомнила, как нервно он реагирует на прикосновения, поэтому ограничилась осторожным «эй». Ответа не последовало, пришлось шипеть вдогонку:

— Достопочтенный магос, можно минутку вашего внимания?

— А? — обернулся тот. — Чего тебе, женщина?

— Это у вас нормально? — Нина указала глазами на куницу.

— Не очень. Обычно их на поводке держат, чтобы не разлетались во время гона.

— Но вообще крылатая куница — это нормально?

— А, ты об этом, — сообразил магос. — Да, это марта. Они почти во всех окрестных мирах водятся. Ручные, как кошки. И точно так же весной сходят с ума: орут, мечутся, дерутся, хозяев не признают. Особенно в равноденствие их переклинивает.

— Поэтому и марта? — догадалась Нина. — Равноденствие же в марте?

— Нет, не поэтому. Наоборот, март в их честь. «Месяц безумных март», если полностью. Но каждый раз это проговаривать долго, поэтому постепенно сократили.

Нина честно попыталась вспомнить, почему в ее родном мире март называется мартом, но никаких летающих куниц в объяснениях ученых точно не фигурировало. Вот и пойми теперь, кто у кого спер название и в какие бесконечно далекие годы это произошло.

— А другие месяцы у вас тоже называются так же, как у нас?

— Это у вас месяцы называются так же, как у нас. Мы — Исток! Хотя что-то вы, кажется, переделали... Чем дальше миры, тем больше у их обитателей желания что-нибудь изменить.

— Тогда расскажи, как у вас вообще все устроено. Тоже двенадцать месяцев?

— Тринадцать. И давай как-нибудь в другой раз это обсудим! Или я тебе книжку дам, сама читаешь.

— Как я смогу читать на вашем языке? — начала Нина, но запоздало вспомнила, что табличка «Заречье» прочиталась без проблем, хотя буквы на ней были явно не русские. Да и слово какое-то другое. — Как это получается? На каком языке мы вообще говорим?

Лицо магоса приобрело то самое выражение, какое появлялось у студентов, когда она на экзамене просила их привести предложенную базу данных к четвертой нормальной форме. Или хотя бы к третьей.

До объяснения он так и не снизошел. Просто отвернулся и двинулся дальше.

— Отличный способ уходить от ответа, — вполголоса пробурчала Нина и бросилась вдогонку.

Трактир отличался от окрестных домов разве что наличием второго этажа. Никакой вывески снаружи не наблюдалось, но магос решительно шагнул в приветливо распахнутые двери. Нина последовала за ним и замерла на пороге, дожидаясь, пока глаза привыкнут к полумраку. Несколько узких окон явно не хватало, чтобы осветить все помещение, а других источников света здесь не было: ни свечек, ни лампочек, ни камина, ни даже лучинки какой-нибудь.

Размышляя, как местные разгоняют темноту после заката, Нина с любопытством глазела по сторонам. Хотя глазеть оказалось особо и не на что: несколько длинных деревянных столов с такими же длинными лавками вдоль стен и высокая стойка типа барной прямо напротив входа. За стойкой виднелся дверной проем, полускрытый занавеской.

И все, больше ничего интересного в помещении не было. И никого — ни трактирщика, ни посетителей.

Магос досадливо поморщился, хотя вроде бы не удивился. Дошел до стойки и нервно побарабанил по ней пальцами. Ответа не последовало. Тогда он выждал еще немного — и от души пнул деревянную опору.

Стойка содрогнулась, шторка за ней колыхнулась, с той стороны что-то с грохотом упало и, судя по звуку, расколосось.

— Надеюсь, это не мой кофе, — раздалось из дальнего угла.

Нина вздрогнула. Несколько секунд назад она четко видела, что стол пуст, а сейчас за ним вдруг обнаружился человек. Да, он сидел на самом краю, подальше от окон, но все же не настолько далеко, чтобы совсем раствориться среди теней, подобно какому-то вампиру.

Да и не походил он на вампира: короткие светлые волосы, открытое добродушное и очень знакомое лицо, на котором резко выделялись чуть прищуренные и слишком уж холодные глаза. Которые при виде Нины слегка расширились от удивления.

Ага, значит, и ей лицо не зря показалось знакомым.

— Да чтоб вас всех с вашей маскировкой! — брякнул Ракун вместо приветствия.

— И вам доброго дня, достопочтенный магос, — прозвучало в ответ. — Нина, мое почтение. Никогда бы не подумал, что вы двое до сих пор вместе!

Ракун, мысленно выругавшись, ухватил спутницу за руку и подтянул к себе, моля всех богов, чтобы близорукая выхухоль не вздумала артачиться и доказывать милиту, что вовсе они не вместе.

Нина и не думала вырваться. Наоборот, сразу вспомнила, что она на нелегальном положении, и сама нырнула за спину магоса. Он явно ориентируется лучше, вот пусть сам и выкручивается.

Однако совсем спрятаться не получилось. «Дяденька-милиционер» все еще буравил ее взглядом, словно ждал чего-то.

— Здравствуйте, — пробормотала женщина, чтобы хоть как-то нарушить напряженное молчание. — Не ожидала, что вы меня помните.

— Вы незабываемы, — улыбнулся милит. И торопливо добавил: — Нет, это не комплимент. Я серьезно. Визит к вам был моей первой рабочей командировкой за пределы Истока. Такие вещи остаются в памяти надолго.

— А здесь вы какими судьбами? — напряженно поинтересовался магос.

— По работе. Ищу кое-кого.

— Надеюсь, не нас?

— А это зависит от того, что вы здесь делаете.

— Мы... — Ракун предупредительно сжал руку Нины, давая понять, что говорить будет только он. — Так получилось, что тоже кое-кого ищем. Даже думали обратиться к вашим коллегам в Истоке. Но мне кажется, сначала стоит поесть, а потом уже обсуждать подобные вопросы. Дело потерпит.

По мнению Нины, дело как раз не терпело. В ее голове каждую минуту появлялись новые мысли о том, что могли сделать с незащищенной девочкой иномирские похитители. Ладно, раньше действительно не имелось других вариантов, кроме как дожидаться рассвета. Но сейчас-то что мешает начать действовать?

Но магос почему-то максимально оттягивал объяснение: расслабленно уселся за стол напротив милита, усадил рядом с собой Нину и начал долгую бессмысленную беседу о погоде, природе и свежих новостях. Потом обернулся к стойке и громко поинтересовался, жив ли вообще трактирщик или то, что там разбилось за занавеской, было его головой.

— Нет, — пропищали из-за шторы, и наружу выглянула девчонка. Точнее, ее светловолосая макушка — остальное загораживала стойка. Но голосок прозвучал явно девичий. — Извините. Я сейчас, уже бегу.

Девчонка выбралась из-за стойки целиком, бережно неся на вытянутых руках большую глиняную кружку, над которой клубился дымок. Кружка опустилась на стол, рядом лег вынутый из кармана передника пряник, малявка подула на обожженные пальцы и в упор уставилась на магоса. Точнее, на его сережку.

В отличие от пастуха страха и подобострастия в ее глазах не замечалось, скорее любопытство.

Нина тем временем с не меньшим любопытством изучала саму девчонку, одетую не то в длинную, славянского типа, рубашку, не то в короткое платье. В любом случае одежда выглядела хоть и чистой, но явно не новой, а из-под обмахрившегося подола торчали босые ноги.

— Заказывать чего будете? — спросила девчонка, с трудом переводя взгляд с сережки магоса на его лицо.

— Мяса, — решил тот. — Что угодно, но с мясом. И быстро.

— Быстро не получится, — вздохнула юная трактирщица. — Продукты в погребе, ключ от погреба у папки, а он дрыхнет. Марленка его будить побегла. Могу кофе налить, все равно целый котел наварила.

— Нет, только не кофе, — отмахнулся магос. — Пиво есть?

— Ага.

— Вот и тащи. Выхухоль, ты будешь?

После адского зелья от одной только мысли о еде у Нины подкатывал комок к горлу. А вот пить хотелось очень, и она решительно кивнула.

— Две кружки тащи, — резюмировал магос. — И хоть что-нибудь пожевать. Не все же у вас в погребе спрятано?

Девчонка кивнула и умчалась. Почти сразу же за занавеской что-то снова с треском грохнулось.

Милит отхлебнул кофе, поморщился, отодвинул кружку в сторону и наклонился над столом, положив подбородок на сцепленные руки.

— Рассказывайте, достопочтенный магос.

— Сейчас, пива дождусь.

— Мне эта малявка кофе полчаса варила. Имею все основания полагать, что пиво она будет наливать еще столько же. А я тороплюсь. Рассказывайте.

В этот раз Ракун увилывать не стал и кратко обрисовал суть дела, благополучно опустив момент с превращением Нины в статуэтку. В его изложении получилось, что женщина просто хотела проводить племянницу до Истока, а затем вернулась бы домой.

Милит, похоже, поверил. По крайней мере уточнять и переспрашивать не стал. Но и в погоню за похитителями тоже не бросился. Только спокойно кивнул:

— Понял. Сообщу в управление. Возможно, сам займусь. Данные обоих камней у меня остались еще с прошлого дела, так что, думаю, проблем с поиском не возникнет.

— А нам что теперь делать? — растерялась Нина.

— Езжайте домой. Если появится информация, я сам с вами свяжусь. И...

За занавеской снова что-то с грохотом рухнуло, и сразу же раздался тихий всхлип.

— Да чтоб вас всех! — неожиданно рявкнул магос, грохнул кулаком по столу и вскочил, чуть не опрокинув лавку. — Неужели так сложно пиво налить!

Нина попыталась успокоить взбесившегося мужчину, но от случайного прикосновения стало только хуже — тот дернулся в сторону, ругнулся сквозь зубы и метнулся за стойку, чуть не сорвав по пути занавеску. Следом ожидаемо последовала новая порция грохота, всхлипов и ругани.

— На вашем месте я бы держался от этого психа подальше, — тихо сказал милит, наклоняясь поближе к Нине.

— Он просто волнуется. На самом деле он тоже беспокоится за Алину, вот и бесится.

— Мне так не кажется. Но раз уж мы остались наедине, позвольте спросить: я правильно понял, что вы не видели, кто забрал вашу племянницу?

— Нет. Я... я была под водой... — Объяснение выглядело довольно глупо. Нина пыталась вспомнить, как долго человек может задерживать дыхание и хватит ли этого времени, чтобы похитить девушку. По всему выходило, что не хватит. А как же тогда у долбаного колдуна получилось? — И я плохо вижу...

— Избавьте меня от ваших оправданий, не о том сейчас речь. Еще раз: вы видели похищение собственными глазами?

— Нет...

— У вас есть факты, свидетельствующие о похищении, кроме рассказа достопочтенного магоса? — Последние слова милит произнес так, словно они были ругательством.

— Нет.

— И последний вопрос: вы верите этому человеку?

— Нет, — обреченно выдохнула Нина.

— Вот видите, — развел руками ее собеседник. — Вы и сами все прекрасно понимаете. Я даже объяснять ничего не стану. А теперь скажите, где он на самом деле находился в тот день, когда погибли его брат и ваша сестра?

Нина вздрогнула и опустила глаза. Отчетливо не хватало чего-то, что можно нервно теревить в руках. Хоть бы салфетку какую на стол положили, что ли. Хоть что-то, на что можно отвлечься, чтобы не видеть, как дрожат пальцы.

— Пожалуйста, это очень важно, — не отставал милит. — Где он находился в тот день?

Очень хотелось сказать правду. Плюнуть на все предостережения, рассказать все как есть — и будь, что будет. Все эти интриги, недомолвки — это не для нее, она никогда не умела врать и не хотела делать этого сейчас. Кроме того, она действительно не верила магосу. А сейчас, после сказанного, не верила вдвойне.

Но кроме него у нее здесь больше никого не было.

— Он провел у меня весь день.

Милит посмотрел на Нину как на душевнобольную, будто она заявила ему, что снег черный, что сейчас ночь, что в чашке не кофе, а болотная жижа. Впрочем, судя по запаху и цвету жидкости, последнее утверждение недалеко ушло от истины.

— Дура, — вполголоса пробормотал милит. — Какая же ты дура.

— Я бы попросил не оскорблять мою женщину, — вмешался магос, появляясь в дверях. В руках он держал две здоровенные кружки с пивом. — Да, особым умом не блещет. Но мозг для таких, как она, не самое главное, правда? Гляньте лучше, какие щечки!

Страж бесстрастно улыбнулся и вернулся к своему кофе, как будто ничего не произошло.

Магос опустил кружки на стол, а сам устроился на лавке поближе к Нине и фривольно приобнял ее за талию. Женщина внутренне сжалась, но смолчала. Снова появилась девчонка, притащила хлеб и тарелку с деревенским сыром и устроилась на свободной лавке, болтая ногами. Ей явно было любопытно послушать, о чем говорят взрослые.

Взрослые, как назло, общения особо не жаждали: магос ел с таким азартом, будто до этого голодал по меньшей мере неделю, милит торопливо допивал кофе, забыв про пряник, а Нина осторожно потягивала пиво — теплое, горькое и неожиданно крепкое. Для того чтобы утолить жажду, хватило и пары глотков, пить больше на голодный желудок не стоило, а есть все еще не хотелось.

Наконец милит расправился со своим кофе, бросил на стол монетку, закинул в карман так и не надкушенный пряник и скрылся за дверью, напоследок одарив Нину недоверчивым взглядом. Но не успела она расслабиться, как в помещение ворвался заспанный мужчина, при виде которого девчонка-трактирщица сразу же спрыгнула с лавки и сделал вид, что просто шла мимо... куда угодно... Да вот хоть пустую чашку из-под кофе убрать.

Могла бы и не стараться: мужчина на нее едва глянул, сразу же бросился к столу, за которым

сидели гости. Нина подумала, что сейчас он с разгону в них врежется, но тот резко затормозил и так же резко нагнулся, будто обронил что-то важное. И, не выпрямившись, затараторил:

— Достопочтенный магос, осмелюсь просить снисхождения за досадное недоразумение. С тех пор как мост рухнул, этой дорогой почти никто не пользуется, а местные заходят только к вечеру, и я позволил себе поспать подольше. Думал, пока девчонки тут порядок наведут, то-се. Кто ж знал, что вы утром зайдете. Хоть бы весть какую послали, я бы всякого наготовил...

Нина запоздало сообразила, что это трактирщик и что он извиняется за свое отсутствие. А его странная кривоватая поза — это, должно быть, поклон. Интересно, местный обычай или у мужика просто спина больная?

Магос о такой ерунде вряд ли думал, поэтому великодушно махнул рукой, мол, ничего страшного, я не в обиде. И начал перечислять, что ему принести. А вторую руку с талии Нины так и не убрал, зараза!

Нина убрала ее сама, как только трактирщик умчался выполнять заказ. И тут же выплеснула наружу все, что накопилось в душе после диалога с милитом:

— Это кто тут еще умом не блещет? Для кого мозг не самое важное? У меня высшее образование, между прочим! И вообще, не знаю, как тут у вас, а у нас женщины дома строят, науку двигают, в космос летают...

— А у нас летать некуда, космоса-то нет, — хмыкнул магос. — Ладно, не кипятись. Я пошутил, на самом деле ты умница! Смотри! — Он привстал, нагнулся над столом и вытащил из щели между досками портновскую булавку с круглой головкой. — Знаешь, что это?

Ответ «булавка» вряд ли был правильным, поэтому Нина покачала головой.

— Эх, выхухоль! Все-то тебе объяснять надо. С помощью этой штуки можно услышать все, что вокруг нее говорят. Или даже записать и сохранить.

— Как диктофон, что ли?

— Что?

— Примерно то же самое, что ты описал. Получается, ты слышал наш разговор с этим типом?

— Более того, я специально сбежал, хотел оставить вас наедине, — довольно ухмыльнулся магос. — Не настолько же я псих, чтобы сбивать кулаки о стол без причины. Но, согласись, удачно получилось. И спасибо за то, что не сдала.

Нина украдкой вздохнула. Она-то знала, что просто струсила, сбежала от правды. А теперь ее за это еще и поблагодарили. Думать об этом было неловко, поэтому пришлось срочно увести разговор в другую сторону:

— Ты всегда таскаешь с собой такую кучу этих ваших арфактумов?

— Ну да. А что?

— Просто странно. Взять те же таблетки для омоложения. Зачем носить их с собой, если они нелегальные и жутко дорогие? Обычно люди такие вещи дома хранят, в каком-нибудь сейфе.

— Сейфы могут взломать или даже стащить целиком, а карманы всегда со мной. И их содержимое, соответственно, тоже.

— То есть если тебя раздеть — ты станешь беспомощным?

— Нет, женщина, если меня раздеть — ты станешь беспомощной. — Магос ехидно сощурился.

Лет двадцать назад Нина от такого заявления покраснела бы и лишилась дара речи. А сейчас только усмехнулась:

— Начинай, проверим.

Конечно, она не надеялась всерьез смутить магоса этими словами, но тот вдруг что-то неразборчиво буркнул, одернул манжеты рубашки и отвернулся.

Нина задумалась.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой кому-то достается кнут, а кому-то пряник

— Ну и ноги! Коба, ну ты глянь, какие ноги!

Алина очень хотела сдвинуть колени и отползти подальше, но заклинание, сковывающее движения, до сих пор действовало. Поэтому девушка могла позволить себе только осторожное наблюдение из-под полуприкрытых век. Открывать глаза полностью она не хотела, притворяться спящей казалось удобнее и безопаснее: можно подслушивать разговоры, не предназначенные для чужих ушей, искать в них зацепки и спокойно продумывать план побега.

Как назло, похитители не обсуждали ничего важного, да и план продумываться не желал совершенно.

Почему-то у книжных героев такой проблемы никогда не возникало: в любой, самой безвыходной ситуации они находили лазейку и умело ею пользовались. Или в самом крайнем случае в решающий момент появлялся отважный спаситель.

На спасателя Алина решила не надеяться попусту. Придет — отлично, можно будет порадоваться и сказать ему спасибо. Но до этого момента надо как-то дожить, а лучше — удрать!

Вдруг это похищение — вообще первый экзамен на право быть магиссой? И если она его сейчас завалит, то с позором отправится домой — отмывать посуду и пересдавать матан! Ух и стыдобища будет!

Магос, конечно, ни о чем таком не упоминал. По его рассказам, получалось, что все уже решено, осталось только добраться до Истока и пройти там какую-то очень важную процедуру инициации. Но инициации — они ведь разные бывают. В каких-то древних племенах вообще мальчиков в лес с одним ножом выгоняли. На фоне такого валяться без движения на дне повозки — не самая плохая перспектива. Даже если повозка уже полчаса стоит на месте, а похитители столпились у бортика и обсуждают твои ноги. Длинные ноги в коротких джинсовых шортиках.

И, кажется, всерьез собираются их пощупать...

В поле зрения мелькнула рука с грязными обломанными ногтями, но сразу же отдернулась под

грозное:

— Эй, Грызь, куда лапы тянешь! Начальник сказал девку не трогать. Смотреть только можно.

Алина узнала хриплый каркающий голос. Видимо, его владелец был среди похитителей главным и самым ответственным.

Голос того, кого называли Грызем, оказался громким, раскатистым, но, в общем, довольно приятным. Если бы не смысл его слов:

— Надоело уже просто так смотреть. Чего она без дела лежит, как труп какой? Может, вообще померла? Я проверю, а?

— Не, дышит вроде. Дрыхнет просто. Здорова же спать! Но оно и к лучшему.

— Да скучно же: не вопит, не дергается, по морде дать не грозит. А то, может, стянуть с нее штаны-то? Мигом проснется!

— Грызь!

— Да что? Никто ж не узнает! Мы и не сделаем ей ничего. Так... ну... посмотрим только. Ага?

— Грызь дело говорит, — неожиданно поддержал третий голос, тонкий и сиплый. — Девке с этого никакого убытку не будет, если только сама не захочет.

— Чтоб она тебя, уroda, захотела, ее надо месяц на хлебе и воде держать, — каркнул старший.

— Это тебе месяц нужен. А со мной любая добровольно пойдет. Я, говорят, обаятельный.

— Че?

— Бабы, говорю, меня любят.

— Кочергой они тебя бить любят, прямо по заумной башке.

Несмотря на внутреннюю панику, Алина невольно улыбнулась. Перепалка показалась довольно забавной, особенно если забыть, кто именно предмет обсуждения.

— Эй, Коба, глянь, она проснулась, кажись, — хмыкнул сиплый.

— Ну да, точно. Проснулась и лыбится!

— Так, может, она того... и не против, чтоб мы с ней немного поиграли, раз лыбится-то? — снова вмешался Грызь. — Ей же, небось, тоже скучно без дела лежать.

— Щас начальник вернется — он тебе быстро развеет скуку-то!

— Да он когда еще вернется! Может, к вечеру только. А нам тут сидеть, ворон считать.

— Может, в картишки тогда?

В ответ согласно хмыкнули и, судя по звукам, отошли подальше, после чего с комфортом расположились на обочине дороги. Но не успела Алина обрадоваться, что про нее забыли, как неугомонный Грызь опомнился:

— А на что играем-то?

— На щелбаны? — предложил сиплый.

— Не, это больно. Давайте на девчонку!

— Девчонку не лапать! — прикрикнул старший, но категоричности в его голосе заметно поубавилось.

— Да ладно тебе, Коба! Пальцем не трону! — заверил Грызь. Кажется, он в собственной победе не сомневался. — Хочешь, руки за спиной свяжу? Или сам мне свяжешь? Ну, идет?

— Да на кой она тебе без рук-то? Зубами пуговицы на штанах расстегивать будешь?

— Я бы посмотрел на это представление, — воодушевился сиплый.

— Лады, — вздохнул Коба. — Кто выиграет — остается на десять минут с девкой. Но со связанными руками. И не калечить. Ни царапины чтоб!

— Во, это дело! — обрадовался Грызь.

И карты бодро зашлепали друг о друга, отмеряя секунды до конца света.

Алина не знала, сколько продлится игра, но изо всех сил желала, чтобы партия оказалась бесконечной. О том, что произойдет после ее завершения, даже думать не хотелось — сразу передергивало от брезгливости, и на глаза начинали наворачиваться слезы. Девушка закусила губу, пытаясь не всхлипнуть, и в очередной раз пообещала себе быть сильной, не сдаваться и не впадать в истерику. Она выберется. Обязательно выберется!

Правда, гениальный план побега в голову так и не пришел. Вообще ни одна умная мысль не пришла, словно мозги обездвижились вместе с остальным организмом. Ситуация сложилась совершенно безвыходная. Алина попыталась найти в ней хоть один положительный момент и с удивлением обнаружила, что он есть: Нина не в курсе происходящего. Она сидит дома и совсем-совсем не волнуется.

Наверное, это уже неплохо.

Похоже, пиво им попало еще более крепкое, чем Нине показалось в трактире. Или надо было закусывать. Вроде бы и выпила совсем немного (в отличие от магоса, заглотившего две кружки), а ноги предательски подкашивались, и в голове неприятно шумело.

Наверное, стоило посидеть, дожидаясь, пока излишние градусы выветрятся из организма, но они уже выбрались из Заречья и теперь шагали по дороге обратно к тому месту, где оставили лодку, и присесть можно было разве что прямо на траву. Под ехидные смешки магоса. Который, к слову, и сам временами пьяно пошатывался, но все равно упорно шагал вперед. Кажется, ему просто требовалось куда-то идти.

В этом Нина его понимала: просто сидеть на одном месте, ничего не делая, казалось невыносимым. Но и блуждание туда-сюда выглядело довольно странно, представлялось бессмысленным, а то и вовсе неправильным. Они брели по дороге, стараясь скоротать время до следующего рассвета, а надо было бежать изо всех сил, торопиться, чтобы успеть... Куда? Зачем? Ответа не было.

Нина в очередной раз убедила себя, что спешить им некуда, и даже замедлила шаг, стараясь идти помедленнее. Тем более что магос тоже еле переставлял ноги, а затем и вовсе остановился.

— Слышишь? — шепотом спросил он, нервно оглядываясь.

Нина старательно прислушалась. Легкий ветерок шелестел листвой, чирикали местные птички, за кустами журчала река... Обычные звуки обычного леса.

— Что я должна услышать?

— Не знаю... шаги какие-то посторонние. Такое чувство, что за нами следят.

— Да кому мы нужны? Может, просто заяц пробежал. Или эта ваша марта пролетела. Или вовсе птичка-перепил.

— Может, — рассеянно согласился магос, вытащил из-под рубашки связку подвесок и пробежался по ней пальцами. — Встань поближе ко мне и постарайся не шевелиться.

Нина покорно замерла, с любопытством поглядывая, как мужчина перебирает амулеты, не то выбирая нужный, не то активируя их в непонятной, одному ему известной последовательности. Одни побрякушки тихонько звенели, другие шуршали, третьи в ответ на прикосновения вспыхивали золотистыми искорками.

— Пятеро, — буркнул себе под нос колдун. — И нашли же время! Вот не уроды ли?

Вопрос прозвучал, судя по всему, риторический, поэтому Нина промолчала. Не стала даже спрашивать, кто такие эти пятеро, откуда взялись и чего от них ждать. И так понятно, что ничего хорошего.

Магос, впрочем, казался не испуганным, а парадоксально счастливым. По крайней мере улыбался вполне безмятежно. Но когда он развернулся к Нине, глаза у него были очень недобрые и слегка шальные.

— Так, женщина, слушай и запоминай, два раза повторять некогда. Если со мной что-то случится, деньги в правом сапоге, в каблуке. Пойдешь на север, в Викену, там сядешь на паром до двадцать третьего витка, вернешься домой и забудешь все, что здесь произошло.

— А как же Алинка? — выдавила Нина.

— Как-нибудь. Ее найдут или не найдут без твоего участия. Ставлю на то, что не найдут.

— Почему?

— Потому что прав был милит, дура ты, — выдохнул магос и вдруг тяжело шагнул вперед, едва не завалившись на Нину. Она поспешно подхватила его под руку, снова забыв на секунду, как нервно колдун реагирует на прикосновения, но в этот раз он не стал вырываться и брыкаться. Наоборот, вцепился в плечо спутницы так, что костяшки пальцев побелели. — Этот гад что-то подсыпал в пиво. Ты сама как?

— Нормально. Я же почти не пила, — пробормотала Нина, хотя на самом деле чувствовала себя совсем не нормально. В ушах шумело все сильнее, перед глазами плыло, будто зрение вернулось в привычный режим. Она с трудом различала лицо магоса и едва стояла на ногах.

Держалась, кажется, на одном упрямстве.

— Никогда не верь милитам, — слова звучали глухо и странно, как в густом тумане. —
Запомни: тебе надо в двадцать третий виток.

Нина нервно сглотнула. Судя по всему, магос считал, что все совсем плохо и что он умрет прямо здесь и сейчас. Наверное, у него были основания так думать.

— Все, он готов! — радостно оповестил всех желающих мужской голос, неожиданно раздавшийся с той стороны, откуда они пришли.

— Подожди, не лезь, пусть вырубится, — одернул его женский.

Нина повернула голову на звук, но разглядеть удалось только несколько расплывающихся фигур в зелено-коричневом, стоящих посреди дороги. Почему-то вспомнилась шайка Робина Гуда. Лесные разбойники? Но откуда они знают, что путников чем-то опоили? Или милит их натравил, не зря же так быстро ушел? Но где тогда он сам? Прячется? Или вовсе ни при чем? Но кто тогда?

— Да ладно тебе! Он и так еле на ногах стоит! Раньше начнем — раньше закончим, — не унимался мужчина. Видимо, именно он был здесь главным.

Пальцы магоса на плече Нины на мгновение сжались сильнее, а затем вдруг расслабились.

— Пригнись, — шепнул он и шагнул вбок.

Нина послушно нырнула вниз. Голова закружилась, земля резко долбанула по коленям и ладоням, и в тот же момент в руках магоса свистнул невесть откуда взявшийся кнут. Плеть взметнулась в воздух, попутно посшибав ветки окрестных деревьев, и, как живая, метнулась к нападавшим.

Те дружно прыснули в стороны, но магическое оружие легко удлинилось на несколько метров и все-таки дотянулось до ближайшего разбойника, хоть и самым кончиком.

Тот вскрикнул, зажимая рукой рассеченное бедро. И продолжал вопить, даже когда кнут исчез так же неожиданно, как и появился. Еще некоторое время раненый простоял на ногах, но затем вдруг повалился на дорогу и сжался в комок, продолжая поскуливать от боли.

Создавалось впечатление, что его разрезало пополам, а не задело на излете. Кажется, остальных такая реакция удивила не меньше, чем Нину. Двое сразу метнулись к пострадавшему, пытаясь понять, что у него там случилось.

— Да, это очень больно, — усмехнулся магос. — И если не свалите отсюда подальше, то достанется всем.

— Наконец-то больно будет не только мне, — пробормотала Нина, благоразумно не пытаясь подняться.

— Женщина, ты чего такая жестокая?

— С кем поведешься...

— Да ладно? У тебя что, еще и чувство юмора есть?

Нина пожала плечами. Ситуация казалась не слишком подходящей для шуточек, но магоса это, похоже, мало заботило. Теперь в его руке появилась россыпь искрящихся шариков, по размеру напоминающих горошины.

Нападавшие, слегка осмелевшие после исчезновения кнута, снова отпрянули в стороны. Даже раненый с трудом встал на четвереньки и пополз подальше, постанывая при каждом движении.

Ракун небрежно пересыпал шарики из одной ладони в другую.

Внешне было совсем незаметно, что он еле стоит. Но Нина-то знала. И, что гораздо хуже, разбойники тоже об этом знали, вот и выжидали на подобающем расстоянии, пока магоса не сморит окончательно. А он все стоял и стоял.

— Ну что, ребята? Передумали нападать?

— Нет, ждем, когда ты наконец свалишься, — честно ответил предводитель.

— Долго ждать придется, — хмыкнул магос и с размаху швырнул новое оружие в нападавших.

Нина ожидала, что шарики взорвутся или полетят вперед со скоростью пули, пробивая все на своем пути, или произойдет еще что-то такое же убойное. Но они просто зависли в воздухе, соединенные сетью едва заметных сверкающих ниточек, как огромная паутина, неведь откуда взявшаяся посреди дороги.

— И что это за штука? — поинтересовался главарь. — Если к ней немедленно прилипаешь или что-то такое, то я тебя разочарую — никто здесь не собирается ее трогать. Места вокруг много, обойдем тихонечко.

Магос промолчал.

И молчал все время, пока разбойники неуверенно топтались на месте, а затем, осмелев, стали пробираться через кусты, старательно обходя паутину. Теперь, когда они приблизились, Нина смогла разглядеть у них в руках короткие увесистые дубинки. Ничего, напоминающего мечи или ножи, не увидела. И почему-то это пугало еще больше.

Сердце колотилось как безумное: не то от страха, не то от неведомой отравы. Нину бросало то в жар, то в холод, руки и ноги дрожали, а голова становилась все тяжелее. О том, каково приходится колдуну, оставалось только догадываться.

Шарики спокойно висели в воздухе, не дергаясь, не выпуская ядовитый газ и вообще никаким образом не напоминая оружие.

Нападающие подбирались все ближе.

Магос молчал.

А затем, дождавшись, когда все разбойники окажутся между ним и паутиной, резко сжал кулак. И сверкающие горошины, сорвавшись с места, метнулись обратно в руку.

Это выглядело как кино в обратной перемотке: они летели точно по тем же траекториям и с той же скоростью, но теперь на их пути находились человеческие тела. Насквозь шарики их, конечно, не пробивали, но удары все равно казались довольно сильными. Магические градины врезались в разбойников, те вскрикивали, заслоняли головы руками и старались убежать

подальше с линии атаки. Все, кроме главаря. Он, видимо, решил, что терять уже нечего, поэтому взмахнул дубинкой и попер прямо на мага.

Тот с трудом развернулся к нападающему. Если безучастно стоять у колдуна получалось довольно хорошо, то первое же движение нарушило всю координацию. Он пошатнулся, едва не упал и только благодаря этому избежал первого удара. Второй ухитрился отбить — кое-как, прямо рукой, но лучше ссадина на руке, чем трещина в черепе.

Третьего удара Нина не видела — картинка перед глазами окончательно смазалась, и почти сразу же потемнела и схлопнулась. Собственного падения на землю она не почувствовала, зато почему-то очень хорошо расслышала, как рядом упал магос.

Следом за ним упали шарики.

— Так нечестно! — сказала Алина, и это оказались ее первые слова с момента похищения. Может быть, именно поэтому голос звучал особенно тонко и жалобно. Ладно хоть на всхлип не сорвался.

Притворяться спящей смысла уже не было, визжать, видимо, тоже, а дергаться и отбиваться не получилось бы при всем желании. Но сдаваться совсем уж без боя пленница не собиралась. Тем более что голова наконец-то заработала и подсунула хоть какой-то, но план.

— Ничего подобного! — Грызть, кажется, даже слегка обиделся. — Я честно выиграл. Я хорошо в жабу играю.

— Это ты у них выиграл. Но я же им не принадлежу. Я — сама по себе. Вот если бы ты выиграл меня у меня...

Грызть задумался, и Алина воспользовалась возникшей паузой, чтобы наконец-то рассмотреть своих похитителей и научиться различать их не только по голосам.

Коба, самый мелкий из всех, выглядел на первый взгляд не слишком-то опасно — щуплый, взъерошенный, похожий на мокрого рыжего петуха. Но именно он был в шайке главным, значит, именно его и следовало бояться больше всего.

Сиплый, которого по имени пока никто так и не назвал, смотрелся странно. Он походил на манекен из магазина подержанных вещей: вроде бы вполне гармоничный и даже симпатичный блондин разрядился в яркую, не слишком сочетающуюся между собой одежду, явно снятую с чужого плеча: синие бархатные бриджи с вытертыми коленями, алая рубашка, светло-зеленый шейный платок... В общем, тоже петух, но разноцветный. И, в отличие от Кобы, не мокрый, а пыльный.

Птичьи ассоциации так плотно засели в голове Алины, что Грызть тоже показался ей похожим на петуха, только крупного, раскормленного и гладкого. Будь он чуть умнее и проворнее, мог бы стать настоящим куриным королем, но эту должность уже занял Коба.

А вот четвертый мужчина на птицу ни капли не походил.

Алина вообще крайне удивилась, обнаружив среди похитителей еще одного человека. В разговоры он не вступал, грязные руки к чужим ногам не тянул, поэтому девушка решила, что четвертый похититель и есть уехавший «начальник». Но нет, тот был сам по себе, а этот...

здоровенный темнокожий мужчина, одетый в черное и с ног до головы обвешанный оружием, на фоне остальных казался каменным изваянием — молчаливым и безучастным. Хотя смотрел с любопытством.

И именно он первый спросил:

— Умеешь играть в жабу?

— Нет, — не смутилась Алина. — Но вы можете меня научить. Только кому-то придется держать карты, потому что я руку поднять не могу. И еще кому-то, наверное, придется держать меня. Но вы ведь мне поможете, правда?

И глазками так наивно хлоп-хлоп. Как на экзамене перед не слишком опытным преподавом. Главное, чтобы это не выглядело как заигрывание, как кокетство. Лишь искренняя просьба о помощи.

И развлечение. Для всех, а не только для обыгравшего остальных Грызя.

Должно сработать. Обязательно должно сработать!

В подвале пахло плесенью и терпкими сладковатыми духами. Духи наверняка были очень дорогими — высокопоставленные магнаты дешевыми не пользуются, но Ракуну запах не нравился. Молчать ему тоже не нравилось.

Точнее, в нормальной спокойной обстановке можно и помолчать, но сейчас бессмысленный треп как-то отвлекал от боли. А болело, честно говоря, практически все. Но больше всего — руки.

Хотя с ними обошлись почти бережно: всего-то стянули в запястьях кожаными ремнями (не наручниками даже) и вздернули к потолку. В итоге Ракун чувствовал себя боксерской грушей, которую вот-вот используют по назначению.

Несколько ударов ему уже успело перепасть, пока тащили и вешали, но это явно была разминка. Исполнители старались, чтобы к заказчику магос попал в приемлемом состоянии. По крайней мере внешне.

Именно заказчику Ракун первым делом и сообщил:

— Отвратные у тебя духи.

Магнат дернулся, как будто претензия к аромату нещадно ранила его самолюбие, но все же быстро взял себя в руки и придвинулся к пленнику почти вплотную, лицом к лицу. Так они казались почти одного роста, только магос при этом едва касался ногами пола, а его тюремщик даже слегка сутулился. Высокий, зараза, хотя и тощий, как костыль!

— Вам не нравится мой вкус? — притворно удивился владелец подвала. — А как же моя жена? Она тоже недостаточно хороша для вас?

Вопрос — практически без подвоха. Если Ракун висит сейчас под потолком в одних штанах, то высокопоставленный муж прекрасно осведомлен и о собственных рогах, и о том, кто и когда ему их наставил. Так к чему юлить?

— Жена отличная, не спорю. И красивая, и не дура. Даже не знаю, как она терпит такого

хмыря, как ты?

— О, тут вы неожиданно угадали. Она далеко не дура и именно поэтому предпочла союз со мной любому другому варианту обустройства своей жизни.

Союз заключался, конечно, не столько с самим магнатом, сколько с его кошельком, но эту мысль магос вслух озвучивать не стал. Злословить о женщине, с которой спал, — дурацкое занятие. Больше его в тот момент волновало другое.

— И что, она теперь тоже в каком-нибудь подвале висит? Или вы для нее что-нибудь поинтереснее придумали?

— Нет, я с ней просто поговорил. Она раскаялась в содеянном и пообещала, что подобное больше не повторится. — Улыбка у магната оказалась такой же вытянуто-тонкой, как и он сам. Неприятной. — А вот о вас я навел справки и пришел к выводу, что разговоры тут не помогут. Только старая добрая сила.

— А... — глубокомысленно выдавил Ракун и попытался сообразить, чем же его будут бить. Не голыми же руками?! И неужели такая уважаемая персона, как председатель Фонда распределения камней господин Герберт Тивасар, лично опустится до такого неблагодарного занятия?

Тем более что подвал не походил ни на пыточную, ни на оружейную, скорей уж напоминал пустующий винный погреб. Соответственно, никакого оружия здесь не было. По крайней мере до тех пор, пока магнат не коснулся одного из многочисленных колец, украшавших его пальцы. Камень в кольце коротко вспыхнул красным, и в следующую секунду в руках Тивасара уже искрился от магии длинный кнут.

— Ага, — сказал Ракун и больше уже ничего сказать не успел, потому что кнут пришел в движение молниеносно и будто бы сам по себе. Сверкающая лента метнулась вперед и легонько коснулась груди магоса.

Действительно легонько, такое прикосновение даже ударом назвать сложно. Так, нежное поглаживание.

Ракун не заорал только потому, что боль от этого короткого прикосновения разом выбила воздух из его легких. Причем она не думала исчезать или затихать, наоборот, усиливалась, проникая все глубже, вгрызаясь в мышцы и органы. А полоса, оставшаяся на коже, больше напоминала ожог, чем след от удара.

— Отличная штука, правда? — с издевательской веселостью поинтересовался Тивасар. — Изготовлен на основе стрекательных клеток одной редкой медузы. К сожалению, не помню точного названия... Но если заинтересуетесь, напишите запрос моему секретарю, я уточню.

— Я тебе его в глотку запихну! — прохрипел Ракун, как только смог вдохнуть.

— Не думаю, что у вас хватит денег для покупки этого арфактума. Для легальной покупки, я имею в виду. — Магнат отвел руку с кнутом подальше, готовясь к новому удару, но тут в дверь постучали.

Четкий и выверенный стук в холодном подвале звучал очень странно, но магнат, кажется, совершенно не удивился. Скорее он выглядел слегка раздосадованным неожиданной помехой.

— Да-да, войдите.

Дверь с натужным скрипом отворилась, и внутрь вошел дворецкий. Классический такой дворецкий, пожилой, во фраке и с подносом. На подносе рядом с миниатюрной чашечкой поблескивала медным боком джезва. Помещение немедленно заполнил аромат кофе.

— Куда прикажете поставить, господин Тивасар?

Магнат обвел взглядом подвал и, кажется, только сейчас сообразил, что мебели здесь не было совершенно, даже раздолбанная табуреточка не пылилась в углу.

— Подержи пока, — распорядился он и собственноручно перелил кофе из джезвы в чашку, проигнорировав лежащее рядом ситечко.

Поднял чашку, пригубил, удовлетворенно хмыкнул и обернулся к Ракуну:

— Не желаете кофе, господин Эллерт?

— Чтоб ты им подавился, — буркнул Ракун. Атмосфера настойчиво требовала чего-то более куртуазного, но грудь все еще горела, и изящные слова в голову не шли.

Тивасар, к сожалению, не подавился и даже не вздрогнул. Лишь слегка шевельнул запястьем, отправляя кнут в очередной полет. На этот раз удар пришелся в плечо — и это был именно удар, а не поглаживание.

В глазах потемнело от боли. Очень хотелось заорать, но где-то на задворках сознания отчетливо мелькнула мысль, что именно этого мучитель и ждет. Пришлось срочно маскировать вопль руганью:

— Рехнулся, палач доморощенный? Убить меня хочешь?

— Конечно нет. Если бы хотел — убил бы, — спокойно ответил магнат, в очередной раз отхлебнув кофе. Запах усилился, и теперь в подвале пахло, как в хорошем кафе.

— Тогда... — Ракун украдкой выдохнул и заставил себя говорить спокойнее: — Тогда ты сильно рискуешь своей высокопоставленной рожей. С чего ты взял, что, выйдя отсюда живым, я не пойду жаловаться милитам или просто первому встречному? Да, у тебя наверняка все схвачено в высших кругах, но слухи поползут в любом случае. Это крах карьеры, а то и тюрьма. Все же не на быдло руку поднял!

— Крах карьеры, видите ли, наступает не моментально. У меня достаточно денег, чтобы максимально его отсрочить. За время этой отсрочки я, поверьте, успею найти вас — и вот тогда, пожалуй, действительно убью. А еще мне наверняка хватит времени пообщаться со своей женой. Но в этот раз разговором дело не ограничится. Как вы уже заметили, она умная и красивая женщина, и мне неприятно делать ей больно. Но если наружу просочится хоть слово — пострадает именно она. Я понятно излагаю?

Все было более чем понятно. Ракун молчит — Тина живет спокойно. Ракун начинает говорить — и этот костлявый маньяк тащит жену в подвал и измывается над ней столько, сколько пожелает. А потом в доступной форме объясняет, почему она тоже никому не может об этом сказать. Наверняка найдутся подходящие аргументы.

И все промолчат или сделают вид, что ничего странного не происходит. Точно так же, как молчит застывший в дверях дворецкий. Стоит как истукан и даже джезва на подносе не дрожит.

Наверное, Ракурн тоже должен был сделать вид, что все нормально, что он смирился, проникся и усвоил урок. Возможно, тогда магнат посчитал бы экзекуцию законченной и спокойно отправился бы допивать свой кофе.

— Пошел ты, урод! — почти спокойно сказал Ракурн.

Новый удар рассек кожу на спине, заставив выгнуться дугой и захрипеть от боли. За ним последовал еще один. И еще.

Для того, чтобы ругаться, сил и слов уже не осталось, а молчать становилось все сложнее.

И Ракурн заорал.

Завыл.

Прямо в безоблачно-синее небо и испуганное лицо Нины.

Лошадь мчалась галопом, и всаднику стоило больших трудов не подгонять ее еще сильнее. В конце концов, животное не виновато, что его хозяин пытается находиться в нескольких местах одновременно и не успевает, катастрофически не успевает.

Предчувствие гадости не отпускало. Слишком долго он проторчал в трактире, и все это время девчонка оставалась одна с бандой отморозков. Да еще и обездвиженная. Не требовалось большой фантазии, чтобы представить, чем это может кончиться.

Нельзя было бросать ее одну в повозке, нельзя!

Но и не проверить, куда дальше двинется вездесущий магос, он не мог. Это сейчас понятно, что такой эгоист, как Эллерт, в жизни не станет спасать племянницу собственноручно. А утром еще теплилась мысль: вдруг не выдержит и бросится в погоню? С него ведь стало бы и догнать, и вырвать девчонку с боем. По крайней мере, попытаться.

Ладно, теперь-то магос точно повозку не догонит.

Самому бы не опоздать!

Деревья по обочинам дороги, давно уже слившиеся в одну безликую буро-зеленую полосу, вдруг резко расступились, и лошадь вылетела на перекресток. Всадник едва успел дернуть поводья, притормаживая скакуна.

Договаривались, что его подождут на развилке, но вокруг никого не было.

«Сбежали», — мелькнуло в голове.

Пожалуй, он бы не удивился, если бы наемники действительно удрали. Но все же нашел в себе силы не паниковать раньше времени, привстать в стременах и осмотреться.

Как ни странно, пропажа обнаружилась очень быстро. Видимо, перекресток показался бандитам слишком открытым местом, они забрались чуть дальше к старому мосту и загнали

повозку практически в самые кусты. Впряженные в нее лошади с любопытством тянулись мордами к чему-то неразличимому издалека.

Всадник направил лошадь к бандитам, старательно отгоняя дурные предчувствия. Но очень скоро на смену предчувствиям пришла уверенность. За повозкой шевелилось и пыхтело. Девчонки видно не было, зато четко маячили голая спина Грызя и, кажется, ноги Кобы. В сапогах, но кому в таком деле мешали сапоги?

— Давай быстрее, — сипло шептал Истер, — люди же ждут!

— Подождут! Сейчас моя очередь, — отмахивался Коба, и сапоги ерзали в придорожной траве.

— Может, вдвоем? — нетерпеливо спрашивал Грызь. — С двух сторон насядем?

— Не, вдвоем вы ее слишком быстро уделаете! Учитесь ценить процесс, а не результат! — не унимался Истер.

— Нет, не надо! — в панике взвизгнула девчонка, и ее слова сработали как спусковой крючок.

— А ну стоять! — гаркнул милит и сам на миг испугался своего голоса.

Шевеление и пыхтение сразу же прекратились, даже лошади отпрянули и сделали вид, что они тут ни при чем.

Верховая тем временем неспешно приблизилась к повозке. Всадник воспользовался возникшей паузой, чтобы хоть немного выровнять дыхание и мысленно подготовиться к тому, что увидит.

Если к такому вообще можно подготовиться.

Ближе всего к дороге сидел Грызь в одних портках, временами вздрагивая от предвкушения. Истер следил за ним краем глаза, хотя основное внимание сосредоточил на девчонке. А к ней тем временем нагнулся Коба, и глаза его горели от азарта, когда он выкладывал перед пленницей карты.

Приказ остановиться бандит проигнорировал, только продолжал воодушевленно бормотать:

— Три лесные девы! Три! Вот как хочешь теперь, так и отбивайся!

Юная клисса, все еще лишенная возможности двигаться, полулежала, опираясь на монументальную фигуру Гмади. Он же держал перед ней веер карт, готовясь вытащить нужную.

На голове у девчонки красовался шейный платок Истера, повязанный как пиратская косынка, а поверх майки была надета жилетка Кобы. Вещи Грызя беспорядочной кучей валялись неподалеку.

— Что здесь происходит? — уже нормальным, хоть и слегка охрипшим от волнения голосом, поинтересовался всадник.

— Начальник, она обыграла меня в жабу! — простонал Грызь.

— Десять раз, — веско добавил Коба. — И остальных еще по одному. Но сейчас я ее уделаю!

— Еще чего! — хмыкнула пленница. — Господин Гмади, сдайте ему трех пикси и черную птицу

сверху. Все, я победила! Гони ремень!

— Да чтоб тебя! Точно не жульничаешь? — сощурился главарь банды, расстегивая узорную пряжку.

— Каким образом? Я даже рукой шевельнуть не могу! Просто новичкам везет.

— А чего визжала-то? — Всадник все еще не мог поверить, что все его домыслы оказались лишь плодом больного воображения.

— Да господин Гмади чуть раньше времени птицу не выложил, а я хотела ее на самый конец игры оставить. Кстати, здравствуйте. Меня Алина зовут.

— Долан, — машинально представился мужчина и, чтобы хоть как-то сгладить неловкость, предложил: — Хочешь пряник? А то у меня тут завалился...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой рассказывается о пользе аналитического мышления

Никаких подвалов, пропахших кофе, вокруг, конечно, не было — все тот же лес и та же дорога, на обочине которой магос и лежал — ногами в пыли, головой в траве, да еще и какая-то коряга под лопатку уперлась.

Сон. Просто дурацкий сон.

— Эй, ты живой? — осторожно спросила Нина.

— Нет, мертвый. Не видно, что ли? — огрызнулся Ракур.

— Да кто вас, колдунов, разберет.

— Хватит уже называть меня колдуном. Колдуны — это те остроухие выскочки в Устье. А у нас серьезная магия.

— Ах, простите, достопочтенный магос. Откуда мне, необразованной, знать такие тонкости? Наверное, я должна была догадаться о них самостоятельно по вашей прическе, линиям на ладони и отпечаткам сапог!

— Не ерничай, и без того голова болит, — поморщился магос.

В мыслях царил хаос, реальность мешалась с давними воспоминаниями, издевательски громко чирикали птицы, а Нина хоть и ворчала, но смотрела при этом так испуганно, будто он действительно только что отдал концы у нее на руках, а потом вдруг воскрес.

— Ладно, когда мы наедине, можешь звать меня Ракур.

— Ракур — это же енот? — Нина хихикнула.

Не специально, просто именно в этот момент облегчение от того, что магос все-таки очнулся, вырвалось наружу нервным смешком. Из-за этого фраза прозвучала немного издевательски.

— Молчи уж, выхухоль!

— А серьезно, это совпадение или что-то значит? Это вообще имя?

— Конечно нет, — фыркнул Ракун. — Старое прозвище.

— Тогда зачем его скрывать?

— На всякий случай. — Магос пожал плечами и сразу же понял, что лучше бы он этого не делал. Спина, судя по ощущениям, представляла собой один большой синяк. Россыпь более мелких шла по рукам, еще один красовался на боку... И бок этот вовсе не прикрывала рубашка! Рубашка вообще ничего не прикрывала, потому что была кое-как скомкана и подсунута под голову. — Женщина! Ты зачем меня раздела?!

— Хотела осмотреть.

— На что там смотреть? — рявкнул Ракун, хотя прекрасно знал, что смотреть там очень даже есть на что. Он уже давно выяснил, какое впечатление производит на посторонних художественная россыпь шрамов на его теле, и поэтому не торопился выставлять его на всеобщее обозрение. — Сколько раз говорил, что не надо меня трогать?!

— Не смей на меня орать! — взорвалась в ответ Нина. — Ты вообще представляешь, каково мне было? Ты в себя не приходил целую вечность! Лежал тут как труп, такой же холодный, и дышал через раз. Потом стонать начал и метаться. Вокруг никого, сплошной лес, аптечки нет, телефона нет, до деревни тебя не дотащить... Откуда я знала, что с тобой? Может, ребра сломаны, почки отбиты, может, в тебя ножик какой-нибудь воткнули или вкололи что-то. Вот и раздела, чтобы проверить. А ты сразу в крик! Тоже мне, недотрога, за руку его не брать, рубашку не снимать, белое не надевать, обтягивающее не носить...

— Последнее — это сейчас к чему было? — заинтересовался магос. Белые вещи он действительно не любил, но исключительно из-за их непрактичности.

— Не важно, к слову пришлось. Вставай уже, хватит валяться. Если ты в состоянии ругаться, то и идти сможешь.

В последнем Ракун сильно сомневался, но честно попытался. Голова слегка кружилась, но из-за зелья, а не из-за ударов, так что вряд ли это заслуживало внимания. Нет особой разницы, чем именно их опоили. Главное — зачем?!

— Так, выхухоль, ты давно в себя пришла?

— Не выхухоль, а Нина Константиновна!

Одни люди в гневе страшны, другие — смешны. Нина явно относилась ко второй категории, но смеяться магос не рискнул. Он прекрасно понимал ее обиду и знал, что сам виноват в том, что повысил голос. Но не извиняться же второй раз за день!

Осталось только смягчить ситуацию, насколько возможно.

— Хорошо, Нина... Константиновна... тьфу, зачем вам такие длинные имена?... Скажи, пожалуйста, как давно ты пришла в себя?

— Минут сорок назад, — выхухоль сверилась с часами, — может, чуть больше.

— И никого вокруг не было?

— Ни души.

— Ты сама-то как, в порядке? Тебя не били?

— Пальцем не тронули. Видимо, у них исключительно на тебя зуб. Кто это вообще?

— Понятия не имею, — сознался Ракурн. Желаящих как следует его избить, а затем бросить помирать в безлюдном месте, конечно, хватало. Но на показательное избиение произошедшее никак не тянуло. — Меня они тоже не особо покалечили. Попинали немножко, но без энтузиазма. Если бы не отбивался, наверное, и без этого бы обошлось.

— Тогда чего они хотели? Просто задержать нас? Так мы вроде уже никуда и не торопимся...

— Не знаю. — Магос нервно прошелся взад-вперед по дороге. Под ногой хрупнул маленький шарик.

Ракурн сжал кулак, призывая остальные, разбросанные по всей округе, но те даже не шевельнулись.

Что за?..

Магос недоуменно коснулся сережки, усиливая связь...

Попытался коснуться.

Пальцы ухватили пустоту.

Нина стояла, демонстративно отвернувшись. Обида потихоньку отступала, хотя ее остатки все еще клокотали где-то в глубине души, поэтому на магоса женщина лишней раз старалась не смотреть. Енот, надо же! И совсем не похож, между прочим. Настоящие еноты — они милые, не то что этот псих.

Псих тем временем покачнулся, резко побледнел — и вдруг беззвучно осел на землю. Да так и остался сидеть, вцепившись в придорожную траву, будто пытался с ее помощью удержаться в этом мире.

— Нина, — глухо прошептал он.

Женщина торопливо обернулась. Изменившийся голос магоса не предвещал ничего хорошего, вид — тем более.

— Ты что это? Что случилось? Где болит? По голове настучали все-таки? Посмотри на меня!

Ракурн посмотрел. Глаза были совершенно пустые, ничего не выражающие.

— Сколько пальцев видишь? — Нина сунула ему под нос растопыренную пятерню.

— Камень...

— В почках?

— Эти уроды сперли камень... Для этого и напали.

— То есть ты не умираешь? Все в порядке?

— Да ни черта не в порядке! Как мы теперь в Исток попадем?! И как вообще?.. Ты что, не понимаешь?! — Магос снова повысил голос, но Нина, подумав, решила это проигнорировать. Не умеет по-другому эмоции выражать — пусть орет, что же делать. Зато лицо приобрело нормальный цвет, и в глазах появилось осмысленное выражение.

Поэтому она просто уселась рядом и потребовала:

— Объясняй.

— Что именно?

— Все. Ты прав, я не понимаю. Я вообще-то человек из другого мира, вспомни об этом, пожалуйста. Я знаю, что камень важен, но понятия не имею, насколько. Тем более у тебя и без него полные карманы самых разных штук, и я совершенно не представляю, как это все работает.

— Без камня — никак не работает. За исключением некоторых мелочей.

— То есть что-то все-таки работает? Тогда в чем разница? — Нина снова почувствовала себя дотошным преподавом на экзамене. С той только разницей, что студент знал гораздо больше экзаменатора.

— Не уверен, что получится так с ходу объяснить, но попробую. — Ракун замялся, прикидывая, с чего начать, чтобы не вызвать еще больше вопросов. — Магия... по крайней мере магия Истока, — это не когда вопят заклинания и крутят руками, изображая ветряные мельницы. Магия — это определенная схема, по которой перенаправляются энергетические потоки. Каждый раз чертить эту схему заново — очень долго, муторно и сложно. К тому же чем сложнее чары, тем выше вероятность ошибки. Каждая ошибка, даже самая незначительная, может закончиться смертью мага, поэтому даже простенькие бытовые схемы почти никогда не чертят от руки. Специалисты, у которых к этому талант и склонность, разрабатывают их в спокойной обстановке, проверяют, подготавливают и закладывают в арфактумы. А потом продают их.

— То есть это не штучный товар, а потоковое производство? — заинтересовалась Нина.

— По-разному бывает. Так вот, есть арфактумы, которые готовы к работе по умолчанию. Их не надо включать, они просто действуют. Например, фонари на городских улицах зажигаются каждый вечер сами по себе до тех пор, пока не закончится влитая в них энергия. Но в большинстве случаев, чтобы запустить схему, нужен камень. Иногда просто камень, любой. Но есть, например, именные заклятия, их может активировать только конкретный человек. А еще бывает, что арфактум реагирует только на камни определенного уровня.

— У них еще и уровни есть?

— Да, и много. Ну, как много... восемь, причем восьмой, высший — чисто теоретический. На самом деле камней такого уровня не существует, хотя ученые регулярно пытаются их создать. Надеюсь, у них не получится. — Ракун сделал паузу и внимательно посмотрел на спутницу: — Я очень путано объясняю, да?

— Нет, — неожиданно улыбнулась Нина. — Я, кажется, поняла. Ваша магия ближе не к волшебству, а к программированию. Специалисты пишут программы, воспользоваться которыми может каждый, у кого имеется компьютер. Ну, то есть камень. Уровни камней — как уровни доступа. Юзер, модер, админ. А хакеры у вас есть?

— Это еще кто? — Если компьютер магос себе представлял, то остальные слова слышал впервые.

— Это люди, которые взламывают чужие программы. Могут... ну, например, взять чужой арфактум и сделать так, что он станет слушаться только их. Или вообще изменить принцип действия: был уменьшающий жезл, а стал увеличивающий. Или превращающий в кошку. Можно так?

— Да, я слышал о таком, но никогда не сталкивался лично. Говорят, их услуги стоят целое состояние.

Нина прокрутила в голове новое знание. В компьютерах она разбиралась гораздо лучше, чем в магии, и думать, обращаясь к родным терминам, казалось проще. По крайней мере ситуация становилась хоть немного понятнее.

— А камень можно взломать? Перепрограммировать на другого человека?

— Нет, после обряда наследования камень подчиняется только владельцу — до самой его смерти. — Голос Ракуна едва заметно дрогнул. — Я с ним никогда не расставался.

— А не могла сережка просто потеряться? Мало ли, замок расстегнулся во время драки. Всякое же бывает.

Магос поглядел на собеседницу как на сумасшедшую. Видимо, этот вариант полностью исключался.

— Тогда смотри, что получается: некие люди сперли у нас камень, который для них не представляет совершенно никакой практической ценности. По крайней мере пока ты жив. А ты жив. Значит, есть вариант, что им нужен не сам камень, а ты, лишенный магической силы. Беспомощный.

— Морды этим гадам набить я и без камня смогу! Пусть только сунутся! Если бы не зелье...

— Подожди, не кипятись, — оборвала Нина, хотя ругающийся Ракун нравился ей гораздо больше, чем безвольно сидящий на траве. — Прежде чем бить морды, надо выяснить, кому именно их следует бить, а заодно — как они на нас вышли, и кто нас отравил.

— Милит, ясно же! Ведь не зря он в трактире сидел. Наверняка нас караулил. Всегда знал, что ничего хорошего от их братии ждать не приходится!

— Но это же местная полиция. Разве им не положено действовать по закону?

— Положено. Теоретически. А на практике — сама видишь. Спорю на что угодно, что и в похищении Алины виноват этот тип!

— Да почему? На вид — нормальный мужик. Нельзя винить его во всех бедах только потому, что он случайно попался нам в трактире.

— Почему он может меня подозревать, а я его — нет? — Ракун раздраженно дернул рукой и с корнем выдрал траву, которую все еще сжимал в кулаке.

Нина прикрыла глаза и мысленно сосчитала до десяти. А потом еще раз, но уже в обратном порядке. И только после этого объяснила спокойно, как ребенку:

— Он прекрасно знает, что тебя не было со мной в тот день. Естественно, он тебя подозревает. Я тоже тебя подозреваю. Потому что это логично. А твои обвинения не имеют под собой никаких оснований, кроме твоей персональной нелюбви к милитам. Даже не конкретно к этому, а ко всей организации в целом. Поэтому если ты сам не можешь рассуждать здраво, то прислушайся ко мне хоть раз в жизни. Иначе так и будешь сидеть здесь, оплакивая свою тяжкую судьбу.

— Ничего я не оплакиваю, — встрепенулся Ракун и немедленно предъявил улыбку, похожую на оскал.

— Вот и отлично. Тогда сейчас я подумаю, а ты...

Магос не стал дослушивать, что ему необходимо сделать. Упрямо тряхнув головой, он вскочил на ноги и быстрым шагом двинулся в сторону деревни, крикнув через плечо:

— За мной, женщина! По дороге подумаешь.

Нина вздохнула и подобрала забытую в траве рубашку.

Во время разговора она старательно не смотрела на шрамы: успела наглядеться, пока Ракун лежал без сознания. Но сейчас они снова бросились в глаза — длинные толстые рубцы, идущие через всю спину. Как следы от когтей гигантского зверя. Но не тигр же его рвал, в самом деле!

На груди и руках отметин было чуть меньше, хотя смотрелись они так же жутко. Не противно, нет. Нина относилась к тем людям, которые искренне считают, что шрамы украшают мужчин, но сейчас даже при беглом взгляде на располозованную спину у нее сжималось сердце. Да и магос, похоже, своими украшениями несколько не гордился, наоборот, всеми силами пытался их скрыть. Видимо, у него имелись на это причины.

И одну из них Нина, кажется, уже поняла.

Она поспешно догнала Ракуна и сама накинула забытую рубашку ему на плечи.

— Надень, а то на тебя смотреть больно.

— Не вздумай жалеть, — огрызнулся магос, торопливо застегиваясь.

— Я не жалею. Просто больно.

— Вот она, женская логика, — ухмыльнулся Ракун, на глазах превращаясь в прежнего язвительного хама.

Что бы ни творилось у него в голове из-за потери сережки, с каждой минутой он скрывал эмоции все увереннее. Но, наверное, их ситуация — не лучший момент, чтобы выпытывать историю происхождения шрамов. Поэтому Нина просто спросила:

— Куда мы идем?

— В деревню, искать милита. Наверняка кто-то видел, куда он пошел после трактира.

— Да не он это!

— Спорим?

Нина никогда не была азартной. Какой смысл спорить, если на сто процентов уверен в своей точке зрения? А если не уверен, то спорить тем более незачем, так ведь и проиграть можно.

Но сейчас ситуация получилась странная. Ракурн готов был милита зубами на куски рвать. А сама Нина всей душой хотела ему верить. Да, где-то внутри все еще сохранилась легкая обида на то, что местный полицейский назвал ее дурой... Так ведь за дело же назвал! Выгораживая магоса, она себя именно полнейшей дурой и чувствовала.

И если поставить этих двоих рядом и спросить, кому она доверяет больше, — не факт, что выбрала бы именно Ракура. Да что там, никогда в жизни она не доверилась бы этому мерзко ухмыляющемуся типу!

— Спорим! — решительно ответила Нина. — Если я права, то ты перестанешь называть меня выхухолью и придумывать другие глупые прозвища.

— Договорились. А я потом что-нибудь пожелаю. Когда выиграю!

— Эй, так нечестно!

— Почему? Никто тебя раньше времени за язык не тянул! Зато у меня есть время, чтобы придумать что-нибудь интересное. Когда придется выполнять, скажешь спасибо своему милиту.

— Ничего он не мой, а... Кстати, а вся организация в целом как называется? Ну не милиция же?

— Почти. Милития. И, может, на сегодня закончим с вопросами? — Просьба прозвучала почти жалобно.

— Ну уж нет! У меня их еще много!

Судя по скорбному виду, который немедленно принял Ракурн, он ожидал, что вопросами его завалят прямо сейчас. Нине очень хотелось так и поступить, но зафиксировать крутящиеся в голове мысли казалось гораздо важнее, поэтому вопрос прозвучал только один:

— Есть бумага и ручка?

Магос безропотно вытащил из кармана мятый блокнот с торчащим из-за корешка карандашом.

— Держи. Зачем он тебе?

— Думать буду.

Пряник оказался жестким, поэтому Алина немного погрызла его для вида, но доедать не стала. Аппетит пропал — от волнения, видимо.

Гораздо больше пряника ее обрадовало освобождение от чар и то, что повозка наконец-то тронулась в путь. Последнее казалось немного парадоксальным: вроде бы из стоящей удрать гораздо проще, и чем дальше от места похищения, тем сложнее вернуться обратно. Но все равно двигаться было приятнее, чем торчать на одном месте и бесконечно резаться в карты, убивая время. Хотя игра оказалась увлекательной, затягивающей и подозрительно похожей на MtG.

Паника, захлестывавшая девушку с момента похищения, постепенно сменялась любопытством. Ведь ничего плохого пока не произошло. А может, и дальше не произойдет, судя по тому, как этот мужик, Долан, над ней трясется.

Даже убедившись, что с Алиной ничего не сделали и в повозке она устроилась вполне комфортно, Долан то и дело заглядывал внутрь и спрашивал, все ли нормально. Прямо как будто не с пленницей общался, а с важной шишкой, которую требовалось довести до пункта назначения в целостности и сохранности.

Но цель путешествия по-прежнему оставалась неизвестной.

Открыто расспрашивать своих похитителей Алина не рисковала, но с интересом прислушивалась к разговорам. Однако пока вся полезная информация ограничивалась ворчанием из-за обрушившегося моста.

— Я думал, к ночи уже на месте будем, а тут такое! — вздыхал сидящий на козлах Коба.

— Не, к ночи по-любому только до Викены доехали бы, — отвечал Грызь.

Он и Истер устроились прямо на крыше повозки, отчего та порой скрипела на все лады, заглушая разговор.

— Да брось! — не сдавался Коба. — Тут ехать-то всего ничего. Было, в смысле. Теперь в объезд не пойми сколько тащиться придется. Да еще столько времени потеряли, пока ждали...

— Я хотел убедиться, что нас не преследуют, — оборвал его бурчание Долан. Он ехал верхом, иногда наравне с повозкой, иногда слегка обгоняя ее, поэтому голос звучал то громче, то тише.

— Надо так надо, начальник, кто ж спорит, — легко согласился Коба. — Но лучше б мы ехали потихоньку, а вы нас потом догнали. Глядишь, хоть часик бы выгадали.

— Не стоит торопиться, — веско произнес Гмади.

Он сидел в повозке вместе с Алиной, но при этом вел себя настолько тихо и неприметно, что забыть о его присутствии было легче легкого. Девушка в который уже раз удивилась, как этот довольно крупный мужчина умеет сливаться с обстановкой. Магия какая-то, не иначе!

В общей беседе Гмади не участвовал и вообще особой разговорчивостью не отличался. Поэтому стоило ему подать голос, как все почтительно замолчали, ожидая продолжения фразы или объяснений. Ни того, ни другого не последовало.

— Почему это? — не удержался от вопроса Коба. — Может, предложишь вообще никуда не ехать? Давайте здесь жить останемся! Прямо на взгорье дом построим, овец пасти будем, огородик разведем...

— Да не кипятись ты, — миролюбиво оборвал Истер. — Гмади, ты договаривай. Почему не стоит-то?

— Интуиция, — столь многозначительно ответил темнокожий похититель, что сразу стало понятно — больше от него ничего добиться не получится.

Обсуждать сказанное никто не стал, но через некоторое время Алине показалось, что повозка чуть замедлила ход. Впрочем, возможно, дело было в том, что дорога пошла в гору. Уклон

оказался не очень сильный, но забытый на полу браслет бодро заскользил вниз, девушка едва успела подхватить его и вернуть на руку.

Если Гмади и обратил на это внимание, то никак не прокомментировал увиденное.

Зато на крыше началась возня, и Истер сипло возвестил в пространство:

— Не нравятся мне эти тучи! Чернющие, как моя совесть! Как бы дождем не накрыло.

— Этого только не хватало! — буркнул Коба. — Мокнуть я не нанимался! Начальник, а чего-нибудь от дождя у вас нет в запасе?

— Могу предложить зонтик, — хмыкнул Долан. — Ладно, я поскачу вперед, гляну, что там дальше по дороге. Может, укрытие какое найдется.

— Да какое в этой дыре может найтись укрытие, булыжники одни, — буркнул Коба.

Алина немедленно прильнула к одной из щелей в стене, разглядывая пейзаж. Лес остался позади, сейчас повозка катилась по узкой дороге между двумя крутыми каменистыми склонами.

Вдоль дороги бежал небольшой, но довольно бурный ручей. Лошади заинтересованно тянулись к нему мордами, но Коба упрямо возвращал их на прежний курс и гнал вперед все быстрее.

С каждой минутой становилось темнее и холоднее, в воздухе ощутимо пахло грозой, поэтому далекие раскаты грома никого не удивили. Зато предупреждающий окрик Грыззя заставил всех вздрогнуть:

— Там за нами скачет кто-то!

— Может, не за нами, — с надеждой протянул Коба, подстегивая лошадей.

В задней стенке повозки широких щелей не было, поэтому разглядеть Алина могла не так уж много: одинокий всадник нахлестывал коня, то выпадая из поля зрения, то вновь появляясь в просвете между досками.

— И начальник, как назло, свалил, — вздохнул Истер.

Незнакомец приближался довольно быстро. Вскоре Алина с легким разочарованием поняла, что это точно не магос: совсем другая фигура, гораздо шире в плечах. И, похоже, повозка всадника не интересовала, торопился он исключительно по собственным делам.

Коба дернул поводом, направляя лошадей правее, чтобы дать место для обгона. Один из склонов оказался так близко, что Алина могла бы дотронуться до него рукой, не будь между ними деревянной стенки и неодобрительно взирающего на все Гмади. Даже сидя он умудрялся смотреть на скачущую по повозке девушку так, что казалось, будто он глядит сверху вниз.

— Сядь и держись, — сурово приказал мужчина.

Алина покорно опустила на пол и, не найдя, за что можно держаться, ухватилась за самого Гмади. О смысле приказа она задуматься не успела, потому что как раз в этот момент всадник поравнялся с повозкой — и небо над дорогой расчертила огромная сверкающая молния. Гром прозвучал почти без задержки, оглушив и заставив невольно пригнуться.

Всадник от неожиданности втянул голову в плечи, а разгоряченная лошадь, дернувшись всем телом, сиганула влево, подальше от телеги. Прямо в ручей.

Ручеек оказался совсем мелким, но копыта сразу же заскользили на мокрых гладких камнях. Несчастливая коняга истерично заржала, снова дернулась, на этот раз вправо, с горем пополам выбралась обратно на сушу и, не разбирая дороги, поперла дальше — прямо на повозку.

В этот раз не выдержали нервы упряжных лошадей. Они, не слушая команд возницы, дружно прыгнули вправо, колесо повозки заскрежетало по камням у подножия склона и намертво застряло между двумя булыжниками. Коба торопливо потянул поводья на себя, но ошалевшие кони рвались вперед, стремясь оказаться как можно дальше от полоумной кобылы.

Не получилось, камни держали крепко. Задняя ось душераздирающе хрустнула, повозка разом просела и накренилась. Грызь и Истер с воплями слетели с крыши, Коба выругался, Алина изо всех сил вцепилась в Гмади, который сидел как влитой, но все равно приложилась затылком о доски.

Одинокий всадник наконец-то сумел обуздать собственную лошадь, или ей просто надоело метаться по дороге, и она рванула вперед резво, как на скачках.

— Чтоб ты с нее навернулся! — крикнул вслед Коба. — Чтоб тебе десять лет бабы не давали! Чтоб ты жвачку сожрал вместо салата!

А Гмади по обыкновению ничего не сказал, но вздохнул очень недобро.

Привычку думать схемами Нина завела еще в школе: ее тетрадки пестрели кружочками, стрелочками и малопонятными для окружающих условными обозначениями. Мнение учителей по поводу таких записей разнилось кардинально: математичка млела, историк одобрял, литераторша рвала и метала... причем в прямом смысле — как-то раз выдрала неугодную страницу и выбросила ее в окно. И Галку потом в школу вызвала.

В институте всем было наплевать на способ ведения конспектов, поэтому тетради Нины окончательно превратились в сборник графиков, схем и диаграмм. А уж рабочие записи и подавно.

Вот и сейчас она первым делом написала вверху страницы «камень», внизу — «грабители», а затем начала быстро покрывать все остальное пространство стрелками и короткими пометками, пытаясь найти связь.

Кто видел сережку Ракуна? Пастух, трактирщик, его мелкая дочка и милит. И любой любопытный, пялившийся из окна.

Кто мог подлить или подсыпать что-то в пиво? Опять же, девчонка и милит. И сам Ракун, но это как-то очень уж неправдоподобно. А еще кто-то мог прятаться в подсобке, ведь не случайно же там все время что-то падало. Хотя нет, тоже вряд ли.

А если отравы вообще была не в пиве? Тогда где? В воздухе? Нет, ерунда какая-то.

Под ногу подвернулся камень, и Нина непременно грохнулась бы, если бы Ракун вовремя не подхватил ее.

— Женщина, ты рехнулась?! Я тебе зачем глаза чинил? Чтоб ты ими не пользовалась?

— Я пользуюсь. — Нина помахала блокнотом.

— Смотри на дорогу, а то отберу. Что ты вообще там вырисовываешь?

— Думаю. — В план добавилась еще одна стрелка.

— Погоди, это же схема?

— Ну да, блок-схема. Так проще информацию структурировать.

— Нет, я имел в виду наши схемы. Ты их программами называла. Они вот почти что так и выглядят до переноса в арфактум.

— Покажи! — Нина с готовностью протянула блокнот.

— Да я не умею! — отмахнулся Ракун. — То есть мы их, конечно, учили, но это же лет тридцать назад было. А с тех пор я только готовыми пользовался. Вот брат — он в этом деле разбирался.

При этих словах лицо магоса потемнело, но оказалось, что по нему просто скользнула тень от низкой тучи. И тучи эти уже затянули все небо, но путники, увлеченные собственными мыслями и проблемами, заметили это только сейчас.

Погода стремительно портилась. Резкий порыв ветра заставил деревья пригнуться к земле, а Нину — ловить подол юбки.

Через несколько секунд на землю упали первые крупные капли и долетели отголоски грома.

— Сейчас ливанет, — прокомментировал Ракун и ускорил шаг. Благо до Заречья оставалось всего ничего.

В итоге в приветливо распахнутую дверь трактира они ворвались одновременно с дождем, забарабанившим по крыше. Несмотря на то что разбушевавшаяся гроза превратила день в ночь, внутри оказалось даже светлее, чем утром, — под потолком сияло несколько шариков размером с теннисные мячи. Нина сначала приняла их за обычные лампочки, но стоило им с Ракуном переступить порог, как шарики метнулись к вошедшим и зависли над их головами, словно живые.

Нина попыталась незаметно потрогать волшебный светильник, но тот ловко увернулся от руки и забрался повыше под потолок. По стенам заметались причудливые тени.

Посетителей за прошедшее время не прибавилось, зато помещение наполнили долетающие с кухни ароматы сдобы и жареного мяса. У Нины даже аппетит прорезался, но прямо сейчас намекать магосу на перекус казалось нетактичным.

Да и вряд ли бы он стал слушать. По крайней мере время на приноживания тратить не стал, сразу же промаршировал к стойке и грохнул по ней кулаком.

— Есть кто?

— Я здесь. — Из-за шторы выглянула уже знакомая светловолосая девочка.

Увидев магоса — злющего и еще более взъерошенного, чем несколько часов назад, — дочка трактирщика ойкнула и отпрянула, с видимым трудом поборов желание нырнуть обратно.

— Где это милитское отродье? — гаркнул Ракун.

— Так он же еще раньше вас уехал, — испуганно пробормотала девочка.

— Куда?

— Н-не знаю...

— Верхом?

— Да... вроде... Приезжал-то верхом.

— Но он хоть что-нибудь говорил? Откуда едет? Куда направляется? Что он вообще здесь забыл?

С каждым вопросом Ракун все больше нависал над стойкой, а юная трактирщица зажималась, кусала губы и явно норовила под эту стойку спрятаться, чтобы потом там разреветься. Спасение к девчонке пришло внезапно: занавеска рывком отодвинулась, и высокая светлокосая девица в переднике решительно задвинула малявку себе за спину.

— Прекратите кричать на ребенка! — грозно прикрикнула она.

Но, кажется, ровно на эту фразу ее грозности и хватило. Под взглядом магоса весь пыл разом истаял, и остались только упрямо поджатые губы.

Спасительница и спасенная оказались так похожи, что не оставалось ни малейших сомнений в их родстве, но для матери старшая девица была слишком молода, примерно ровесница Алины. Видимо, та самая сестра, которая бегала будить трактирщика...

Нина задумчиво посмотрела на собственную схему.

Почему будить бегала старшая, а следить за трактиром осталась младшая, если логичнее наоборот?

— Марленка, он про того милита спрашивал, — доложила мелкая, уткнувшись сестре в живот.

— О! — сказала Нина. К схеме добавилась еще одна линия, последняя. Именно та, которой не хватало.

А потом осталась самая малость — сунуть исписанный лист под нос магосу и указать на нужное место. Даже вслух можно не объяснять, сам поймет, если не дурак.

Дураком магос не был. Внимательно изучил схему, перевел взгляд на сестричек и заухмылялся особенно гадостно.

Девчонки от этого зрелища дружно попятнулись, и даже Нине сделалось не по себе. Но не убьет же он их, в самом деле! Совсем ведь дети!

Убивать Ракун не стал. Даже кричать не стал, хотя, кажется, очень хотел. Некоторое время поизучал девиц, а затем демонстративно отступил в сторону, махнув рукой:

— Давай, выхухоль, разбирайся сама.

— Доверяешь? — удивилась Нина.

— Нет. Просто если ты облажаешься, то у меня будет лишний повод тебя дразнить. А если я сейчас им хоть слово скажу, тут поднимется рев в две глотки. Ненавижу ревущих женщин!

Нина невольно улыбнулась. Вот она, схема «добрый и злой полицейский» в действии. Ладно, разговорить студентов у нее обычно неплохо получалось. А своенравная Алинка и вовсе стояла всех их, вместе взятых.

— Значит так, девочки, — спокойно проговорила Нина и уселась на лавку подальше от стойки, выманивая сестричек из их укрытия. — Вы сейчас отдаете этому злобному магосу камень, а он за это оставляет вас в живых. И, может, даже никому ничего не скажет.

От резкого перескока темы с милита на камень юные трактирщицы вздрогнули и испуганно переглянулись.

— У нас нет никакого камня, — решительно ответила старшая.

— И где же он? У твоего парня? Ну, того, из леса?

Младшая не выдержала и громко шмыгнула носом. Сестра ободряюще обняла ее, но рука заметно дрожала.

— Как вы узнали? — обреченно спросила девушка. — Я же в маске...

— «Опыт, сын ошибок трудных», — улыбнулась Нина, умалчивая, что она под действием зелья не только лица-маски, но и фигуры-то нападавших еле видела. Зато очередная догадка подтвердилась сама собой — единственной девушкой в банде местных робингудов была именно Марлена.

— Простите, — выдавила старшая сестра, хотя лицо ее не выражало ни капли раскаяния. — Признаю, глупо получилось. Но у меня действительно нет камня. Палек забрал.

— Жених твой? — уточнила Нина.

Марлена кивнула:

— Сказал, чтобы я даже не пыталась им воспользоваться. Мол, руку оторвет, а то и голову. Но он знает, кому его можно продать и выручить много денег.

— Да кому нужен чужой камень при живом владельце? Это же... — начал Ракун, но Нина так злобно на него зыркнула, что магос закрыл рот, не закончив фразу.

— И где сейчас этот твой Палек?

— Едет в Викену. Выехал около часа назад.

— Да вы издеваетесь?! — взвыл магос. — Там же конец света! Если он в темноте навернется с коня и потеряет мой камень в какой-нибудь луже, я вас точно убью! Всех! Да даже если и не я... Вы хоть понимаете, что за такое смертная казнь положена?

Словно в подтверждение этих слов на улице громыхнуло так, что светящиеся шарики суетливо заметались под потолком. Снаружи взвыла собака, беспокойно заржали лошади.

Младшая из сестер испуганно пискнула и крепче вцепилась в старшую.

— Неправда, — спокойно возразила Марлена. — Я читала кодекс. Казнь положена за нападение на мага с холодным оружием или за тяжелые повреждения. Оружия не было, повреждений нет, и вообще, вы нас там даже не видели. А камень мы случайно нашли и везли в Викену, чтобы отдать консулу Истока.

— Дельный план, — невольно одобрил Ракур. — Сама придумала?

— В основном да, — кивнула девушка. — Извините, ничего личного.

Больше всего магосу хотелось сейчас впечатать эту бесстрастную девицу лицом в стол, но он сдерживался. Поднимать руку на женщину — последнее дело. Да и жалко такое милое личико портить. Вот же дуреха малолетняя!

Дождь за окном не утихал, временами косые струи залетали в трактор через дверь, которую никто так и не подумал закрыть. На севере одна за другой вспыхивали яркие молнии. Там стихия бушевала куда сильнее.

И именно туда уехал с камнем похититель.

— Так, лошадь у вас есть? Или еще какой-нибудь транспорт? — решил наконец Ракур. — Как этот твой Палек вообще выглядит?

— Лошади есть, мы же придорожный трактор. Тут часто нужны сменные. Были нужны, пока мост не рухнул. — Марлена задумалась ненадолго, затем осторожно отцепила от себя сестру и потрепала ее по макушке, — Зась, сделай одолжение, приведи трех лошадок. Только отцу на глаза не попадись. Я тоже поеду.

Девчонка, выскользнув наружу, наконец-то захлопнула дверь. В тракторе сразу стало гораздо тише, и в этой тишине голос магуса прозвучал особенно громко:

— Рехнулась, женщина? Я тебя с собой не звал!

— И не зовите, я просто поеду следом. Но вы не знаете, как выглядит Палек и какую дорогу он выбрал, так что без меня вам его не поймать. Да и камень он просто так не отдаст.

— Не отдаст просто — заберу сложно, — фыркнул Ракур, но все же сменил гнев на милость. — Ладно, перспективу я понял. А что взамен? Такие, как ты, бескорыстно помощь не предлагают.

— Взамен вы не сдадите нас милитам. Это во-первых. А во-вторых, возьмете меня с собой в Исток.

— Точно рехнулась! Туда нельзя посторонним!

— Только до порта, как туристку. Мне очень надо! — Марлена упрямо сверкнула глазами, отвязала передник и зашвырнула его в угол.

— Зачем тебе в Исток, дурочка?

— Я не дурочка, я клисса. И хочу заявить права на свое наследство!

— Клисса? — Ракур подумал бы, что ослышался, но слово прозвучало совершенно четко. И девушка явно знала, о чем говорит. — Серьезно, клисса? В деревенском тракторе?

— Долгая история.

— Я привела лошадей, — звонко возвестила младшая сестренка из дверей.

— Потом расскажешь. — Магос направился к двери, но вдруг замер на полпути и обернулся. — Выхухоль, умеешь ездить верхом?

— Не то чтобы очень, — смутилась Нина.

— То есть нет? Тогда жди здесь. Вряд ли он успел далеко уехать, тем более по такой погоде.

Дверь снова хлопнула, оставив шум дождя и цокот копыт снаружи, а Нину внутри.

Все произошло слишком быстро, мысли не успевали за событиями. Только что вокруг спорили и размахивали руками — и вдруг все закончилось. Оставалось молча опуститься на лавку, нервно комкая уже ненужную схему, и попытаться понять, что сейчас произошло.

Хотя чего тут понимать-то? Она осталась одна.

Совсем одна.

Или не совсем?

Рядом тихо присела девчонка, насквозь мокрая после пробежки под дождем.

— У тебя есть запасная одежда? — встрепелась Нина. — Простынешь ведь!

— Есть. Я вечно что-нибудь на себя опрокидываю, так что на кухне чистое платье лежит.

— Тогда немедленно переодейся!

— Не хочу. Дождь теплый. — Девчонка завозилась, отжимая волосы и подол, потом неожиданно сообщила: — Меня Розалия зовут. Можно Заська. А вас?

Нина вспомнила предупреждение Ракуна о том, что надо быть осторожнее с настоящими именами, но представляться чужим тоже не хотелось. Поэтому с языка само собой сорвалось:

— Можешь звать меня Выхухоль.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой выясняется, что путешествовать под дождем — не самое приятное занятие

Дождь слегка поутих, но совсем переставать и не думал, настырно барабанил в окна.

— Если они не вернутся, папка меня выпорет, — вздохнула Заська, опуская на стол горшочек, из которого вкусно пахло мясом. После долгих уговоров девчонка все-таки соизволила переодеться, но на вид новое платье было точной копией старого, даже застиранные пятна виднелись на тех же местах.

— Тебя-то за что? — удивилась Нина, осторожно пробуя еду, немного островатую, но вкусную.

— Он найдет за что. Марленку-то лупить уже поздно, она вон какая вымахала! Красивая! И как зыркнет — все ей в ноги кидаются. Мамка, говорят, тоже такая была, пока не померла. Хотя клиссы, наверное, все такие.

— А действительно, что вы в трактире-то торчите, раз клиссы? — заинтересовалась Нина.

Заська уселась за стол и задумчиво, по-взрослому, подперла голову рукой:

— Да это все с бабки нашей началось. Она сейчас тоже померла уже. Но когда молодая была, ходил к ней один магос, прям часто наведывался. И, конечно, понесла она от него и мамку нашу родила. Но магос сказал, что ребенка признавать не станет и в Исток не заберет. А потом, уже когда мамка померла, пришел какой-то мужик. Говорит — магос тот тоже помер, других детей у него не осталось, поэтому вроде как мы с Марленкой теперь законные наследники. Папка ему на это сказал, что терпеть не может всех этих магосов, и девки (мы, значит) должны сидеть дома и жратву готовить, а не по Истоку в похабных платьях разгуливать. А то, мол, если мы туда уедем, то точно не вернемся. Никто не возвращается. Тот мужик ответил, что можно договориться, и он тогда во всех бумагах укажет, что не нашел никаких наследников. Я еще совсем мелкая была, а Марленке лет десять минуло, и она все-все слышала. Даже камень видела, синенький такой. А потом у папки вдруг деньги появились, и он трактир отгрохал. Видать, мужик тот подсобил.

— И больше к вам никто не приходил?

— Неа. Марленка все ждала, пока восемнадцать исполнится. Думала, может, все-таки приедет кто за ней... А не приедет — так накопит денег и сама в Исток махнет. Пока ждала — мост рухнул, и ездить тут перестали. Говорят, чинить не будут, и так два новых чуть дальше есть, и дорога там лучше. В общем, теперь денег точно не скопить. Вот она и придумала кого-нибудь ограбить. С Палеком даже гулять начала, он бы иначе на такое не пошел. Одно дело — купца какого прижать в лесу, а другое — на магоса позариться. Но она ж рискованная и умная. Зелье нашла, маски эти дурацкие сделала на всякий случай... А вы все равно ее узнали.

— Да не узнала я, даже не разглядела, — созналась Нина.

— А как же тогда? — Заська удивленно захлопала огромными голубыми глазищами.

— Да проще простого. Смотри. — Нина развернула уже изрядно помятую схему перед девчонкой. Та заинтересованно пододвинулась ближе. — Пастух рассказал, что утром по дороге почти никто не проходил, кроме Марлены, которая возвращалась от своего парня. Но откуда она могла идти, если с одной стороны нет ничего, кроме рухнувшего моста, а с другой — лес? Южнее, наверное, есть какие-то села, но если бы она шла оттуда, то обогнала бы нас, а мы никого не видели. Значит, получается, она шла из лесу. В чаще могут, конечно, обитать какие-нибудь лесорубы или егеря, но мне почему-то сразу пришли в голову грабители. И напали на нас потом тоже грабители, явно же сработавшаяся банда, а не случайные ребята. Сейчас, когда мост рухнул и дорога пустует, им, наверное, тяжело приходится, грабить-то некого.

Заська слушала, раскрыв рот. Зато сама Нина, рассуждая вслух, видела в собственной теории все больше нестыковок и белых пятен. Те же разбойники, например. С чего она вообще взяла, что в лесу у дороги обязательно должны быть разбойники? Книжек обчиталась?

С другой стороны, где ж им еще быть?

— Дальше про зелье: подлить его могли только в пиво, больше мы со вчерашнего дня ничего не ели. Значит, это либо ты сделала, либо милит. На тебя сложно подумать, но когда всплыло, что Марлена — твоя сестра, все встало на свои места. Даже то, почему именно она бегала будить отца. Сначала разбудила, а потом понеслась в лес — предупреждать своих дружков. Я только не поняла, вы ведь о нас узнали еще до того, как мы пришли. На подходе к деревне заметили,

что ли?

— Да нет, милит сказал!

— Как это? — опешила Нина. По всем выкладкам получалось, что страж порядка действительно оказался в трактире случайно.

Или нет?

— Он же вас ждал, — пояснила Заська. — Не вас обоих, но магоса точно. Описал его еще очень точно. Марленка как услышала, так к Палеку и побежала.

Нина задумчиво посмотрела на собственную схему. Значит, где-то затесалась ошибка, и встреча в трактире произошла совсем не случайно. А Ракурн все-таки был прав, и его паранойя — совсем не паранойя.

Неужели милит и правда замешан в похищении Алины? И что теперь делать?

Безумный круговорот мыслей прервала Заська, вернувшись к своим рассуждениям:

— Мне кажется, Марленка не приедет назад. Здесь такое место, что если вырвался, то возвращаться никак нельзя, обратно затянет. — Девчонка вздохнула. — А он вам кто? Ну, магос этот.

— Да практически никто. Случайный знакомый.

— А сами вы не магисса? — Заська с надеждой присмотрелась к Нине, словно надеялась, что сейчас та вытащит из кармана еще один камень.

— Нет, — разочаровала ее женщина.

— Тогда он тоже не вернется, — вынесла вердикт девчонка. — Ради обычных людей они никогда не возвращаются.

Нина без особого аппетита мешала ложкой в горшочке и смотрела на маленькую трактирщицу. Сколько еще по всем мирам разбросано этих неучтенных наследников, знающих о своем происхождении, как эта девочка, или понятия о нем не имеющих, как когда-то они с Галкой?

Одних со временем заберут в сказку, а других навсегда оставят прозябать в родном мире, и кто знает, кому из них при этом больше повезет.

Но кто-то из оставленных смирится с судьбой, а кто-то решит бороться за свое право до конца, как Марлена. Она сильная девочка и добьется желаемого.

А Нина... неужели ей только и остается, что вечно сидеть, ждать и надеяться?

Вот еще! Она тоже умеет бороться!

Вдалеке снова громыхнуло. На улице жалобно заржала всеми забытая, но полностью снаряженная третья лошадь. Нина решительно отодвинула еду и встала.

— Знаешь, каким путем они поехали?

— Через взгорье. Дорога там так себе, зато короче, чем центральная.

— Можешь нарисовать карту?

— Поедете за ними? — удивилась Заська, но бодро взялась за карандаш. — Вы же сказали, что не умеете верхом.

— Я сказала — не очень умею. Пару раз в седле сидела, как-нибудь не выпаду. А выпаду — пешком пойду.

— Нет, если не умеете, в такую погоду никак нельзя ехать. — Девчонка задумалась на мгновение и вдруг задорно улыбнулась. — А на лисапедe умеете? Он, правда, старый и скрипит, все время смазать забываю, но зато быстрый, не хуже лошади будет.

Нина обнаружила, что тоже начинает улыбаться. Уж на велосипеде-то она в молодости намотала не один десяток километров, да и в последние годы иногда выбиралась покататься.

— Умею.

— Тогда подождите, я сейчас его прикачу. А вы пока что светляка себе поймайте, так удобнее ехать будет.

Заська умчалась, оставив Нину думать о том, как поймать светящийся шарик, и надеяться, что слово «лисaped» в этом мире означает именно велосипед. На фоне лошадей, повозок и деревянных ложек в последнее верилось слабо, но отступить было некуда.

Ветер бил в лицо, струи воды стекали за шиворот, мокрая рубашка неприятно липла к телу, а в голове билась одна-единственная мысль — любым способом вернуть камень. Все остальные проблемы сразу же отошли на второй план, потому что без магии их все равно не решить.

Без магии вообще сложно что-то сделать. Хотя в случае с Ракуном, наоборот, можно сделать слишком много. «Потерять камень» для него значило то же, что и «потерять контроль»: над собой, над ситуацией, над...

Нет, о последнем лучше даже не думать.

Но даже если отбросить то, чем эта ситуация может обернуться конкретно для него, что останется? Да ничего хорошего!

Что такое маг, лишившийся камня?

Да практически ничто, нонсенс, такого не бывает, потому что... просто потому, что не бывает никогда!

Бредовая идея украсть сережку могла прийти в голову разве что дурной девчонке из первого витка, которая достаточно знает об Истоке, но никогда там не была. А жители центрального мира сразу назвали бы все это бредом. И не потому, что сложно реализовать. Совсем не сложно, как выяснилось.

Но совершенно бессмысленно!

Считается, что маг без камня бесполезен, но и камень без мага бесполезен точно так же, а почувствовать связь между ними может даже ученик. Добраться до консула Истока, написать

заявление — стыдно, но технически совсем не сложно. И специально обученные люди найдут камень в тот же день.

Если только его не уничтожили.

Но уничтожение камня — дело весьма затратное и еще более опасное, чем любые другие манипуляции с ним. Это не выгода, а убыток. Никто не станет работать в убыток. Однако если этот Палек везет камень какому-то скупщику, то этот скупщик, должно быть, знает, что делает. Если, конечно, парень не обманул дочку трактирщика.

Ракун чуть придержал коня и обернулся на Марлену. Та заметила его взгляд и горделиво выпрямилась в седле. Не деревенская девка, а знатная дама! Такую, пожалуй, обманешь...

Разговаривать на скаку, да еще и под дождем, было неудобно, но вопрос выскользнул сам, раньше, чем магос успел подумать, услышат ли его:

— Почему именно камень? Почему не деньги на билет, например?

Марлена ответила так спокойно, будто они вели светскую беседу за столом, а не мчались через бурю по горной тропе:

— Деньги больше места занимают, да и мало кто возит с собой такую сумму наличными. Вы хоть представляете, сколько стоит билет в Исток для человека из другого мира? Плюс разрешения, поручительство, виза — только для того, чтоб выйти в порту, погулять и вернуться.

— Никогда об этом не думал, — сознался магос.

Он действительно понятия не имел, сколько надо отдать за возможность легально добраться до Истока. Но ведь есть же и другие пути, не слишком официальные. Не факт, конечно, что более дешевые...

— Осторожно! — воскликнула вдруг девушка.

Ракун торопливо дернул поводья, притормаживая лошадь.

Дорогу преграждала покосившаяся повозка. Одно из задних колес валялось неподалеку, над ним в задумчивости стояли два мужика: один крупный с простоватым деревенским лицом, второй худой, разряженный, как попугай, и на вид чуть более обремененный интеллектом. Роднила их только всепоглощающая печаль в глазах.

При появлении магоса печаль сменилась странной смесью удивления и паники, хотя сам Ракун совершенно не представлял, чего в нем можно испугаться. Он, конечно, пребывал далеко не в лучшем расположении духа, но все же не собирался бросаться на всех встречных без разбора. Особенно теперь, без сережки-то.

Поэтому взял себя в руки и почти вежливо спросил:

— Тут не проезжал верхом пацан такой... ну...

— Кудрявый, — подсказала Марлена. — Куртка у него коричневая. Да и не пацан вовсе, двадцать три недавно исполнилось.

Особой разницы между восемнадцатью и двадцатью тремя Ракун не видел, но спорить не стал.

Тем более кто в такую погоду разберет, сколько лет всаднику и есть ли у него кудри.

Мужики, однако, услышав описание, торопливо закивали.

— Да чтоб ему пусто было, уроду! — буркнул крупный. — Если б не его дурная кобыла, мы бы тут сейчас не торчали.

— Дорогу не поделили? — сообразил магос.

— Ага, типа того.

— И давно это было?

Крупный поскреб затылок:

— Полчаса... Может, чуть больше.

Ракун удовлетворенно хмыкнул. Значит, нагоняют потихоньку.

— Может, вам помочь чем-нибудь? — неожиданно спросила Марлена, кивая на повозку.

Магос мысленно чертыхнулся и злобно покосился на девушку. Возиться с чужим транспортом не было ни времени, ни желания. А застрявшие посреди дороги бедолаги вряд ли откажутся от дармовой помощи.

Но те внезапно замотали головами и, перебивая друг друга, заявили, что нет, не надо, они сами справятся, точно-точно. И вообще, у них друзья уже за подмогой поехали, так что скоро все образуется.

— Господин магос, — неожиданно обратился разряженный, — вы лучше вот что... если того типа догоните и бить станете, от нас еще добавьте, а?

— Договорились. — Ракун ухмыльнулся и тронул лошадь каблуками, снова посылая ее сквозь дождь. Но через некоторое время не удержался и все-таки обернулся к Марлене: — Вот как они поняли, а?

— Что вы его бить собрались? Да у вас на лице написано.

— Нет, что я магос.

— Тоже написано, даже еще крупнее. Взгляд такой, будто вы всех окружающих готовы съесть без соли и перца. Наши знатные богачи из Викены тоже так смотрят, но они при этом хотя бы одеты прилично. А если кто-то выглядит как портовый нищий, а гонору как у герцога — значит, точно магос.

Спорить с очевидным показалось бесполезным. Ракун с тоской осмотрел собственную одежду и решил, что камнем похититель точно не отделается.

Материал, из которого был сшит костюм Долана, на ощупь оказался очень странным: жестким и плотным, если уткнуться в него с размаху, но мягким и податливым, если вжиматься постепенно. Алина невольно испытала оба ощущения, когда мужчина ни с того ни с сего влетел в повозку и, схватив девушку в охапку, уткнул лицом себе в грудь. Сначала нос стукнулся о куртку, как о камень, а потом вдруг начал мягко утопать в ткани.

Алина запоздало вскрикнула и попыталась дернуться, но Долан держал крепко, а странная ткань напрочь глушила звуки. Воздух, к счастью, пропускала, но все равно каждая минута в таком положении казалась вечностью. Девушка не могла толком шевельнуться, ничего не понимала и практически ничего не слышала, кроме чужого сбивчивого дыхания над ухом. Снаружи доносились отголоски беседы, но проливной дождь, барабнящий по крыше повозки, не давал разобрать слова.

Крыша, конечно, протекала. Вода струилась сквозь щели непрерывным потоком, так что внутри было немногим лучше, чем снаружи. Разве что чуточку теплее. До этого Алина сидела, забившись в самый сухой угол, но после того, как ее бесцеремонно оттуда выдернули, почувствовала себя словно под холодным душем. Голые ноги моментально покрылись мурашками, и девушка прижалась к Долану уже по собственной воле — он казался по крайней мере теплым.

Странные объятия длились недолго: через несколько минут мужчина отпустил Алину так же неожиданно, как и схватил.

— И что это было? — удивилась пленница.

— Прошу прощения, клисса, вынужденная необходимость. Я не мог допустить, чтобы вы выдали свое присутствие посторонним.

— Я тоже не понял, что это было! — буркнул Коба, осторожно выглядывая наружу. — Чего он сюда приперся-то? Начальник, ты ж обещал, что он за нами не двинет!

Долан промолчал.

— Очевидно, что ехал он не за нами, — сообщил Истер, забираясь в повозку. — Я бы сказал, на девчонку ему плевать, а вот тот идиот на психованной кобыле чем-то здорово насолил.

— Зато баба у него красивая, — вздохнул Грызъ, который тоже предпочел присоединиться к остальным, а не мокнуть под дождем. С его появлением в повозке сразу стало тесно.

— Баба как баба, — пожал плечами Долан. — Не знаю, зачем он с ней столько лет возится.

— Вы о ком? — не выдержала Алина. Рука под браслетом снова зачесалась, но в этот раз не от магии, а просто от воспоминаний. В послании говорилось: «Мы тебя вытащим», — но, кажется, обещанное спасение только что проехало мимо.

И что теперь делать? Бежать следом, орать и махать руками, надеясь догнать лошадь? Не самая гениальная идея...

Видимо, выбираться все-таки придется самой. Но, конечно, не сейчас. Для городского человека плутать в темноте под дождем в незнакомом месте — удовольствие ниже среднего. Нужен хоть какой-нибудь населенный пункт, чем крупнее, тем лучше. А пока придется строить из себя примерную девочку и не привлекать внимания больше, чем необходимо.

Стать незаметной... как вот Гмади, например.

С незаметностью вышло плохо. Стоило об этом подумать, как в носу мучительно засвербело, и повозка содрогнулась от оглушительного чиха.

— Извините, — смущенно пробормотала Алина, обнаружив, что все взгляды устремлены на нее.

Долан тут же снял куртку и накинул пленнице на плечи:

— Не хватало еще, чтобы вы простыли.

Куртка оказалась длинной и укутала девушку почти до колен, сразу стало тепло и уютно. По крайней мере частично: сквозняк, бивший по голым ногам, никуда не делся.

— Спасибо, — благодарно улыбнулась Алина и все-таки решилась задать еще один вопрос, раз уж на предыдущий никто отвечать не спешил: — Что теперь со мной будет?

Судя по тому, с каким любопытством все уставились на Долана, остальные похитители и сами не больно-то знали планы своего начальника.

— Да ничего страшного, — с небольшой заминкой ответил тот. — Поговорите с одним человеком и отправитесь домой.

— Домой? — разочарованно протянула Алина. — Не хочу я домой! У меня там хвост по матану!

— Хвост? — Грызь даже рот раскрыл от удивления. — У тебя есть хвост?

— Я имел в виду, домой — в Исток, — поправился Долан. — И хватит вопросов, я все равно не уполномочен на них отвечать. Давайте лучше подумаем, как нам отсюда выбираться. Идеи есть?

Ответом ему была синхронная порция взглядов, расшифровывающихся примерно как «ты начальник — ты и думай». От коллектива отбилась только Грызь, все еще задумчиво изучавший торчащие из-под куртки ноги Алины.

— Ладно, — вздохнул Долан. — Тогда так: у нас шесть человек, три лошади, одно седло, бесконечный дождь и необходимость доставить клиссу на место не позже завтрашнего вечера. Чуть дальше есть поворот на основную дорогу, свернем туда и двинемся по ней, а то вдруг этот сумасшедший магос обратно поедет.

— Идти пешком в такую погоду, да еще и ночью? — поморщился Коба. — Я на такое не подписывался!

— Ночь еще не наступила. Но если хочешь, можешь остаться здесь, развести костер из обломков повозки и лечь спать на мокрых камнях. А я предпочел бы заночевать в ближайшей деревне, а утром взять там свежих коней и спокойно двигаться дальше.

— Да пошел ты, — буркнул Коба, но вопреки своим же словам первый выскочил наружу и прокричал оттуда: — Эй, кто-нибудь поможет мне распрячь лошадей? Чур, я еду на гнедой! Мне и без седла сойдет.

— Иду, — с задержкой отозвался Грызь и снова замер, оглянувшись на Алину. — Нет, серьезно! У тебя правда есть хвост?!

Грабителя Ракун нагнал даже раньше, чем рассчитывал. Тот напрочь застрял на узком участке дороги перед поворотом на мост.

Ручеек, до этого весело журчавший вдоль обочины, из-за дождя разлился вширь, и теперь вся дорога, зажатая между склонами, грозила превратиться в его русло. Вода текла все быстрее, под копытами лошадей хлюпала жидкая грязь, но кони Ракуна и Марлены переносили эту неприятность со стойкостью, достойной величайших мудрецов древности, и упрямо перли вперед.

Кобыла Палека таким флегматичным нравом не отличалась, поэтому в один прекрасный момент просто встала на месте и категорически отказалась двигаться дальше. Уговоры, пинки, попытки толкать или тянуть упрямо животное не привели ровным счетом ни к чему — лошадь твердо решила, что путешествие окончено.

— Ты не кобыла, ты — ослица! — в сердцах крикнул грабитель, отчаянно соображая, как еще можно сдвинуть с места несчастную животину.

— Нет, пацан, это ты — осел, — ухмыльнулся ограбленный, успевший вдоволь налюбоваться издали этим противостоянием. — Побаловался — и хватит. Гони обратно сережку. И куртку.

Палек обернулся скорее удивленно, чем испуганно. Он был чуть ниже Ракуна, но при этом ощутимо мощнее и явно считал, что при необходимости легко справится с худощавым магосом, лишенным камня.

— Куртку-то зачем? — спокойно спросил грабитель, демонстративно одергивая предмет обсуждения.

— Да у меня одежда что-то поистрепалась. И угадай, кто в этом виноват?

— Понятия не имею. — Палек демонстративно развел руками.

— А вот девица твоя считает, что очень даже имеешь.

— Вот эта, что ли? — грабитель кивнул на Марлену. — Нашли кому верить! Девки вечно врут.

— Я вру? Я, по-твоему, вру? — Девушка, подняв тучу брызг, спрыгнула с лошади, промаршировала к жениху и застыла перед ним, глядя прямо в глаза. — Отдай камень немедленно. Я нашла другой способ попасть в Исток. Мы с достойным магосом договорились.

— Способ она нашла, значит? — с издевкой протянул Палек. — Договорилась она? Камень заберешь, а мне в итоге что останется?

Марлена слегка смутилась, но быстро взяла себя в руки:

— Так ведь ты говорил, что просто хочешь мне помочь! Что ввязался в это дело только ради меня. Ну так вот, спасибо тебе за помощь. Тебе же лучше, что не надо дальше скакать, можешь обратно возвращаться.

— Спасибо, да? Думаешь, я ради твоего «спасибо» лошадь загонял? Ради губок твоих сахарных, глазок ясных и грудей... мм... тоже, в общем, неплохих?

— А что, нет? — искренне удивилась Марлена. — Или ты врал мне все это время? Ты вообще собирался возвращаться с деньгами?

В этот раз настала очередь Палека стыдливо опускать глаза. Он ею, впрочем, не

воспользовался. Только ехидно сощурился:

— Дошло наконец-то?

— Ах ты, скотина! — Марлена попыталась залепить грабителю пощечину, но тот ловко перехватил руку и сжал ее так, что девушка невольно ойкнула.

— Ты, милая, собиралась меня использовать, чтобы раздобыть деньги. Я подумал — и решил использовать тебя. Все ведь честно, правда?

Марлена вспыхнула и попыталась высвободиться, но Палек притянул ее к себе и демонстративно чмокнул в сжатые губы. Девушка в ответ не придумала ничего умнее, чем плюнуть в него.

Грабитель поморщился, брезгливо утерся и, коротко замахнувшись, ударил Марлену по лицу. Девушку мотнуло в сторону, и она непременно упала бы, но Палек все еще сжимал ее руку, удерживая жертву рядом с собой.

— Люблю наблюдать, как другие выясняют отношения! — хмыкнул магос, спрыгивая на землю. — Только ты, пацан, несколько перестарался. Бить женщин — не самый удачный способ почувствовать себя сильным.

— Предлагаешь начать бить тебя? — Грабитель отшвырнул в сторону девушку и демонстративно поиграл мускулами. Распахнутая куртка опасно затрещала в швах, а под натянувшейся тканью рубашки стал четко вырисовываться небольшой угловатый футляр, висевший на шее. Для оберега — великоват, для кошелька — маловат, а вот под украденную сережку — в самый раз.

Ракун ухмыльнулся и мотнул головой, разминая затекшую шею.

— Точно не хочешь разойтись мирно? — поинтересовался он, даже не пытаясь скрыть надежду на отрицательный ответ.

День выдался отвратительным, настроение было паршивое, но хорошая драка вполне могла его поправить. Хотя бы самую малость.

— Господин магос, он же вас убьет, — испуганно прошептала Марлена, предусмотрительно отступая подальше от мужчин, к лошадям. На щеке девушки наливался здоровенный синяк, и от этого зрелища Ракуну хотелось разорвать похитителя голыми руками.

Но все же он нашел в себе силы ответить достаточно спокойно:

— Тогда ты поедешь в Викену и расскажешь об этом консулу. Возможно, тебя даже вызовут в Исток для допроса. Так или иначе, добьешься своего.

— Но он же...

— Не волнуйся, он тебя не догонит. По крайней мере не на этой кляче.

Слова про клячу были для Палека последней каплей. Парень даже разговор дослушивать не стал, так и бросился на магоса головой вперед, как бешеный бык.

Ракун легко увернулся от удара. А потом и от следующего. Его противник драться любил, но,

похоже, не слишком умел. Точнее, он считал, что природная сила с лихвой окупает недостаток скорости и точности.

Магос придерживался прямо противоположного мнения, так что надеялся в основном на собственные рефлексы и жизненный опыт, которого у него накопилось прилично. Дрался он с детства, с тех далеких времен, когда и магосом-то еще не был, да и позднее изредка позволял себе выпустить пар. А иногда просто обстоятельства складывались так, что проблему приходилось решать исключительно кулаками, без применения арфактумов.

Пару скользящих ударов Ракун все-таки пропустил, но и сам успел несколько раз врезать Палеку под ребра. Тот, казалось, этого даже не заметил и напал с тем же энтузиазмом. Но основная проблема заключалась в том, что магос постепенно начал уставать, а вот его противник выдыхаться, похоже, не собирался. Драка явно затянулась, даже дождь успел закончиться, и теперь посветлевшие облака расплзались в разные стороны так же стремительно, как до этого собирались в кучу.

Небо, к удивлению магоса, оказалось не ночным и звездным, а ярко-синим. Солнце клонилось к горизонту, но до заката оставалась еще пара часов — в середине лета темнело поздно.

Солнечный луч очень некстати бликнул от мокрой скалы прямо в глаза, и Ракун чуть не пропустил очередной удар. Увернулся, но поскользнулся в жидкой грязи, покрывшей дорогу, и рухнул вниз, увлекая за собой противника. Драка на земле с более тяжелым соперником разом отняла у магоса все преимущества. Палек придавил его собственным весом и сжал так, что ребра затрещали. Дыхание перехватило, в глазах потемнело, но не настолько, чтобы Ракун не заметил, как футляр с сережкой вывалился из ворота рубашки.

Очень кстати!

Немыслимым образом извернувшись, магос высвободил руку и рванул футляр на себя, но длинный кожаный шнурок не порвался, а лишь туго вонзился в шею Палека. Грабитель взревел, дернулся в сторону, спасая свое сокровище, и Ракун наконец-то смог хоть немножко вдохнуть.

Вместе с воздухом пришла и ясность мысли: не отпуская футляр, магос крутанул рукой, наматывая шнурок на кулак. Палек слишком поздно сообразил, чем это грозит: еще один оборот, рывок — и кожаная веревка впилась в его шею, сдавила сильнее.

Грабитель дернулся и захрипел, даже не пытаясь сопротивляться. Ракун успел подумать, что затянул слишком крепко и придушил пацана сильнее, чем планировал, но тут Палек молниеносным движением выхватил из сапога нож и рубанул им по шнурку.

Магос откатился в сторону, сжимая в кулаке футляр с обрывком веревки. Хранилище для камня оказалось костяным сосудом с резной крышкой, которая никак не хотела открываться. Скорее всего, ее удерживал хитрый механизм, но у Ракуна не было времени, чтобы разобраться в его устройстве: Палек явно переступил ту грань, за которой честный мордобой превращается в побоище без правил. Ножом он орудовал умело. Пожалуй, даже более умело, чем кулаками. Лезвие свистело все быстрее, а поблизости не нашлось даже какой-нибудь заваливающей палки, чтобы отбить удар.

Умирать Ракун не планировал. Он вообще любил жизнь, несмотря на то что она не всегда отвечала ему взаимностью.

Выхваченные из кармана шарики полетели в противника, вынуждая его остановиться и

заслонить руками глаза. Без магии они подчинялись не воле владельца, а исключительно законам физики, но били все равно больно.

Следующий удар магос нанес прямо футляром, раскрученным за шнурок. Костяная шкатулка стукнула Палека в висок... и внезапно распахнулась. Сережка вылетела наружу, ярко блеснула, отразив солнечный луч, и шлепнулась в грязь.

Ракун бросился за ней. Палек — за Ракуном.

— А ну стоять! — Окрик отразился от скал и, усиленный эхом, заметался над дорогой.

Прозвучал он настолько грозно, что противники дружно замерли и обернулись. Как раз вовремя, чтобы обнаружить Нину, мчащуюся прямо на них на душераздирающе скрипящем ярко-оранжевом агрегате. Тормозить она явно не собиралась.

Палека снесло и отбросило под копыта собственной лошади. Та по-прежнему стояла на том же самом месте, разве что развернулась, чтобы удобнее было наблюдать за происходящим. На хозяина, с руганью пытающегося подняться, кобыла смотрела с традиционным для нее испугом.

Еще более настороженный взгляд достался Нине. От столкновения ее транспорт круто развернулся, накренился и чуть не вписался уже в Ракуна. Магос едва успел отскочить в сторону, и оранжевая штуковина пронеслась мимо, подняв тучу брызг, еще раз вильнула, влетела передним колесом в ручей и, окончательно потеряв скорость, завалилась набок.

— Мог бы и помочь, — вздохнула Нина, выползая из-под агрегата.

При ближайшем рассмотрении Ракун опознал в заляпанной грязью штуковине лисапед — один из многочисленных механизмов авторства местного изобретателя Александра Лисара. Лисар за свою долгую жизнь успел сконструировать немало интересных вещей, часть из которых использовалась даже в Истоке. Хотя современные лисапеды были, конечно, не в пример легче и изящнее. И уж точно не такого ядреного цвета.

Магос пару секунд поколебался, раздумывая, что первым делом вылавливать из грязи — сережку или Нину, но определиться так и не успел.

Вдалеке что-то гроыхнуло, скрежетнуло, и почти сразу же раздался странный звук — не то гул, не то приглушенное рычание или урчание. Лошадь Палека повела ушами, дернулась всем телом и вдруг резко сорвалась с места, устремившись вниз по склону. При этом ее несколько не волновало, что хозяин только что поднялся на ноги и теперь пытается отдышаться, прислонившись к седлу.

Палека снесло повторно.

Ракун не придал бы поведению истеричной кобылы особого значения, если бы не одно но: остальные лошади с дружным ржанием последовали за ней.

— Чайка, стой! — крикнула Марлена, с удивлением изучая собственную ладонь, из которой только что с силой выдернули повод. — Чайка...

Гул нарастал, и вместе с ним нарастало и странное тянущее ощущение в груди Ракуна. Будто плотина, готовая вот-вот прорваться.

— Чайка, вернись!

— Земля дрожит... — отстраненно заметила Нина.

Будто плотина...

— Быстро все наверх! — гаркнул магос. — Прочь с дороги!

Спорить никто не стал, переспрашивать тоже.

Палек и Марлена первыми рванули вверх по склонам: девушка выбрала более пологий, ее кавалер (теперь уже явно бывший) недобро зыркнул и полез на противоположный.

Ракун на мгновение замер, пытаясь выбрать, что спасти в первую очередь, себя или сережку, и нельзя ли это как-то объединить: метнуться вперед, подхватить камень и сразу же, не сбавляя хода, ухватиться вот за тот уступчик, подтянуться...

Нина времени на выбор не тратила, поэтому рванула к камню, упрямо таща за собой лисапед.

Кричать: «Стой, дура!» — было уже бесполезно.

Вообще делать что-либо осознанное оказалось поздно, фоновый гул превратился в рокот, и из-за поворота показалась огромная волна. Вода, грязь, камни, какие-то ветки... неминуемая смерть для любого, вставшего на пути стихии.

Магос, возможно, еще успел бы спастись, и черт с ней, с сережкой.

Нина бы не успела в любом случае.

Ракун обреченно втянул воздух сквозь сжатые зубы и прикрыл глаза, вызывая старое, давно забытое чувство. То, которое никогда не хотел вспоминать. То, которое безумно, до боли в сердце, хотел ощутить еще хотя бы раз в жизни. Пусть даже это будет последний раз.

Сердце панически трепыхнулось раз, другой — и вдруг забилось ровно и уверенно, как отлаженный механизм. Магос выпрямился, выставил вперед руки, резко развел их в стороны, и бурлящий поток, повинувшись жесту, разделился на две части, словно наткнулся на гигантский невидимый волнорез.

Грязевая река огибала Ракуна и стремительно неслась вперед, смыкаясь за спиной Нины. Женщина смотрела на происходящее во все глаза и даже пошевелиться лишней раз боялась, так и стояла, одной рукой прижимая к груди заветную сережку, другой удерживая лисапед, чтобы тот не вывалился за пределы безопасного участка.

Небо над головой казалось издевательски синим, а солнце светило так ярко, что, зажмурившись, можно было представить себя на морском берегу. Тогда грозный рокот стихии не казался таким жутким.

«Это море. Это просто шторм на море, и когда-нибудь он закончится», — твердила себе Нина. И старательно отгоняла мысли о том, что Ракун может закончиться немножко раньше.

Магос стоял незыблемо, как скала, только разведенные руки едва заметно дрожали от напряжения. Нине очень хотелось поддержать его, помочь хоть как-то, словом или делом, но она продолжала стоять, боясь сделать хуже.

Казалось, поток начал иссякать спустя целую вечность, хотя на самом деле вряд ли прошло больше получаса. Грязевая волна опала, замедлила ход, а затем и вовсе превратилась в тонкий ручеек, бегущий, как ему и положено, по обочине дороги. О буйстве стихии напоминал только густой слой грязи и камней, оставшийся под ногами.

— Удивительно мерзкий день, — хрипло выдохнул Ракун и разом обмяк, повалившись на спину.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой герои вспоминают и разговаривают

Лицо магоса стало мертвенно-бледным, а в обрамлении темных волос казалось совершенно белым.

Зато глаза внезапно сделались ярко-зелеными, как молодая трава. Впрочем, Ракун закрыл их сразу же, как только увидел метнувшуюся к нему Нину, и она сомневалась, что правильно разглядела. Она вообще уже мало в чем была уверена.

— Что это было? — выдохнула женщина, опускаясь на колени рядом с магосом. — Что ты сделал? Как ты это сделал?

— Еще слово — убью, — прохрипел Ракун, пытаясь отвернуться, но голова только слабо дернулась.

Убить кого бы то ни было он в таком состоянии явно не мог, но Нина послушно замолчала и разжала кулак, разглядывая лежащую на ладони сережку. Она была тяжелой, гораздо тяжелее, чем могло показаться на вид, и почему-то очень холодной, практически ледяной. От прикосновения к ней кожу покалывало, будто камень испускал слабые электрические разряды, но ощущение возникало скорее щекотное, чем болезненное.

Камень переливался и блестел на солнце, притягивая взгляд, и казалось, что его можно разглядывать бесконечно, но требовалось вернуть драгоценность владельцу.

Нина бережно коснулась уха Ракуна, нащупала дырку и вдела сережку.

— Спасибо, — прошептал магос, как только замочек тихо щелкнул. И глубоко вдохнул — осторожно, будто проверяя, что вообще помнит, как дышать. И так же осторожно открыл глаза. Теперь они снова стали нормального, темно-карего цвета. — Извини, если напугал.

— Благодарись, прощения просишь... Ты точно не умираешь? — придиричиво уточнила Нина.

Ракун хмыкнул и тут же душераздирающе раскашлялся. Попытался сесть, но получилось только перевернуться набок, Нина едва успела подхватить его голову, чтобы магос не нахлебался грязи. Казалось, его вот-вот вывернет наизнанку, но приступ закончился так же внезапно, как и начался.

— Прости, — едва слышно выдавил Ракун. — Не надейся, не умру. Не сегодня. Не спрашивай.

Нина молча кивнула и начала расстегивать магосу рубашку.

Тот не сопротивлялся, лишь следил удивленно.

— Ты же мокрый насквозь, — пояснила женщина. — И грязный, как... как я. Сейчас солнце сядет, мы тут задубеем, если не согреемся. Марлена, ты там жива?

— Да, — откликнулась девушка с вершины склона. До этого она не проронила ни слова, хотя за

происходящим следила во все глаза.

— Можешь развести костер? И помоги мне затащить эту бледную немочь наверх, не посреди же дороги торчать!

— Сама ты немочь, — буркнул Ракур. — Сам залезу. Сейчас...

Судя по состоянию магоса, «сейчас» грозило растянуться по меньшей мере на несколько часов, поэтому Нина, оставив в покое рубашку, закинула руку страдальца себе на плечо и попыталась встать вместе с ним. Ракур беспомощно заскреб ногами по грязи, но с места почти не сдвинулся.

— Я сейчас спущусь, — крикнула Марлена и действительно довольно бодро сползла вниз, но в нескольких шагах от магоса вдруг замерла в нерешительности.

— Что случилось? — не поняла Нина.

— Она боится. Меня. — Ракур слабо улыбнулся. — Успокойся, дурочка, не съем. И не прокляну.

Девушка настороженно приблизилась. На магоса она смотрела как на живое чудо, как на божество, причем божество весьма и весьма недоброе.

Нина потихоньку начинала понимать. Если применение магии с помощью камней и арфактумов было в этом мире чем-то обыденным, то колдовство без помощи волшебных предметов выходило далеко за пределы нормы. Возможно, считалось чем-то запретным. Или зловредным. Или просто нереальным.

Марлена наконец-то пересилила себя и отважно поднырнула под вторую руку магоса. Вместе им удалось кое-как приподнять его и перетащить через дорогу.

Процесс затаскивания Ракура наверх Нина помнила смутно. Они тянули, толкали, поддерживали, уговаривали и подбадривали. Магос честно пытался не висеть мертвым грузом, но несколько раз показалось, что он вот-вот потеряет сознание, и они все вместе рухнут со склона. Когда под ногами наконец-то оказались не грязь и осыпающиеся от каждого неловкого движения камни, а поросшая травой земля, Нина повалилась на нее, чувствуя, что вот-вот разрыдается от усталости.

— Ты прав, удивительно мерзкий день, — пробормотала она.

— Я всегда прав. — Ракур дышал так, будто только что пробежал марафонскую дистанцию в свинцовых доспехах.

Марлена разговор не поддержала, молча занялась костром. Нина задумчиво проводила взглядом заходящее солнце и вернулась к магосу и его рубашке.

— Давай, снимай уже эту половую тряпку. И нечего стесняться. Подумаешь, шрамы. Что я, шрамов не видела? У меня, знаешь, какой здоровенный на лопатке есть! С велосипеда в детстве грохнулась. Ой, точно, надо же еще велик наверх затащить!

— Да что ему сделается? — Магос без особого удовольствия позволил стянуть с себя рубашку и теперь размышлял, покусится ли женщина на штаны. — Где ты вообще эту рухлядь раздобыла?

— В трактире. — Нина задумчиво посмотрела на полураздетого магоса, затем на дорогу, на

ярко-оранжевое пятно, выделявшееся на фоне грязи. Бережное отношение к технике пересилило заботу о ближних, и женщина полезла вниз за своим безумным транспортом.

— Это мамин, — неожиданно произнесла Марлена, скармливая новорожденному костру тонкие веточки.

Ветки были мокрые, костерок шипел и дымил, но от лакомства не отказывался, разгорался все ярче. От него веяло теплом и уютом, а воздух вокруг, напротив, становился все холоднее. Ракун почувствовал, что его начинает познабливать. Хуже того — вернувшаяся Нина тоже это заметила и, бросив свой агрегат, чуть ли не волоком потащила магоса ближе к огню.

Она и сама была вся мокрая, с блузки капало, юбка оказалась разодрана почти до пояса, а ногу украшала здоровенная ссадина.

Ракун с трудом вытащил из кармана плоскую коробочку с мазью. Руки едва слушались, даже пальцем пошевелить казалось чем-то сродни подвигу. Продлись буйство стихии на пару минут дольше — и он бы не выдержал, сдался, сгинул в толще воды, как любой нормальный человек. Или сгорел, пытаясь выстоять до конца, как ненормальный.

Проверять таким образом пределы собственной нормальности отчаянно не хотелось.

— Помажь ногу. — Магос указал Нине на ссадину. — И ей лицо. Должно помочь.

Марлена сидела так, чтобы пострадавшая щека скрывалась в тени, но Нина немедленно развернула ее лицом к свету и охнула:

— Как ты умудрилась?

— Палец оказался козлом, — вздохнула девушка.

— Ты знала, что он бандит и разбойник, — заметил Ракун. Он не любил учить окружающих жизни, но трактирщица должна была понять, что доля ее вины в случившемся тоже есть. — Ты знала, что он зарабатывает тем, что отбирает у людей их имущество. Иногда избивает их, если они не хотят отдавать. Возможно, ему и убивать приходилось. Ты знала все это, но продолжала общаться с этим человеком. Так почему ты думала, что с тобой он вдруг превратится в сказочного принца?

— Прекрати, — одернула магоса Нина. — Любой может ошибиться. А она вообще еще ребенок, ее пожалеть надо, а не нотации читать!

— Не надо меня жалеть! — поджала губы Марлена. — И я не ребенок. Не младше тебя... вас...

— Тебя. Но младше, детка, сильно младше. И тебе бы тоже лучше раздеться, пока не простыла. Давай, давай, снимай платье. А на этого кобеля не обращай внимания, он отвернется. Отвернется, я сказала!

— Я понял, — вздохнул магос, но на разворот требовалось слишком много сил. — Глаза закрою. Не буду подсматривать, не бойтесь. А лучше вообще переоденьтесь.

— Во что? Ты угробил все мои вещи!

— Алинкины-то остались. Не думаю, что она станет возражать. — Ракун вытащил из кармана чемодан, убедился, что на этот раз точно не перепутал розовый с зеленым, и вернул ему

нормальный размер.

На это простейшее действие ушли остатки сил, и мир вокруг магоса вдруг резко отключился, будто свет погасили. Впрочем, возможно, отключился не мир, а он сам.

А потом пришел сон.

Во сне бушевал огонь, много огня. Пламя окружало, подбираясь все ближе и ближе, оно было везде, лизало лицо, разгоралось в груди безумным костром, текло по венам вместо крови. Ракун не мог шевелиться, не мог кричать, не мог даже глаза закрыть — и поэтому смотрел и смотрел, как мир вокруг полыхает алым, как трескается, лопается кожа у него на руках. Как сгорает дотла, рассыпается раскаленным пеплом женщина, которую он пытался в этих руках удержать.

Такая маленькая, хрупкая.

Ему снился обман, дурацкий кошмар, сумбурное видение. Ракун знал это совершенно точно, потому что все происходило совсем не так.

Женщина не могла выглядеть такой маленькой, она тогда была выше его, сильнее его. А его руки были гораздо меньше, и шрамов на них еще не было, и не было тяжести от сережки, да и самой сережки тоже не было.

Ракун попытался сконцентрироваться на этой тяжести, почувствовать холод камня, дотянуться до него хотя бы мысленно — стало чуть легче. Пламя в груди не утихло, но больше не посыпало дурацких видений, не путало мысли. Боль отступала. Медленно, но отступала.

«Не сегодня, — сказал сам себе магос. И сам же у себя спросил: — А когда? Сколько еще ты выдержишь?»

На лоб легло что-то легкое и прохладное, и глупые вопросы исчезли, растворились в этой прохладе.

Сколько надо, столько и выдержит. Или даже немножко больше, если повезет.

Когда Ракун пришел в себя, стояла глубокая ночь. Темно-синее глубокое небо над головой сплошь усеяли яркие огоньки звезд. Магос привычно попытался найти свою, так же привычно не нашел и плюнул на это гиблое дело. Мысленно, конечно. Судя по тому, как пересохло во рту, плюнуть физически он сейчас был просто не в состоянии. Но в остальном чувствовал себя почти сносно. Даже, кажется, выспался.

Совсем рядом щелкнула в костре мокрая веточка.

Ракун осторожно повернул голову на звук, присмотрелся. Огонь горел тихо, но стабильно, значит, кто-то поддерживал его все это время.

Марлена спала с противоположной стороны от костра, чудом уместившись на расстеленной куртке. На девушке был спортивный костюм, непривычно яркий для здешних мест. Штаны плотно обтягивали крепкие бедра. На Алине они, надо думать, сидели более свободно. Обuvi по размеру не нашлось, и трактирщица воспользовалась чужими полосатыми носками — ее родные башмаки сохли возле костра, как и туфли Нины. Рядом стояли сапоги Ракуна. Одежду развесили по веткам здоровенной коряги — и откуда только притащили?! Впрочем, деревьев

поблизости хватало.

Нина примостилась неподалеку, прямо на чемодане. Ей с размерами повезло больше: джинсы и теплая кофта сидели как надо, хотя ростом Алина была чуть выше тетушки. В руках женщина держала какую-то бумажку. Присмотревшись, Ракурн понял — это старая фотография, но что на ней изображено, разглядеть не сумел. Да не слишком и хотелось.

Хотелось лежать и ни о чем не думать. Лежать оказалось неожиданно мягко и уютно, только вот пошевелиться не получалось. Сначала магос списал это на слабость и откат, но вскоре понял, что дело не в этом — его просто слишком туго закатали в плед. Именно закатали, как начинку рулета, еще и края заботливо подоткнули, и теперь из середины этого рулончика он мог только беспомощно смотреть по сторонам.

Магос тихонько кашлянул, привлекая внимание. Нина сразу же встрепенулась, отложила фото и бросилась к нему. Спросила взволнованным шепотом:

— Ты как?

— Пить хочу, — сознался Ракурн и почувствовал, как трескаются от движения пересохшие губы.

— Сейчас, сейчас... — Нина приподняла ему голову, извлекла откуда-то фляжку с водой, и в горло потекла живительная влага.

Магос сделал несколько глотков, утоляя жажду, но потом решительно отстранился:

— Хватит со мной нянчиться. Запеленали, как младенца. Не могли просто укрыть?

— Ты все время разворачивался. — Нина помогла Ракурну выбраться из тканевого плена и тактично отвернулась, потому что под пледом он был совершенно голый.

— Когда укутывала, небось, не стеснялась. — Магос подсел поближе к костру и стал с интересом рассматривать теплую ткань, разрисованную странными лупоглазыми зверюшками.

— Это ты стесняешься, а не я, — буркнула Нина. — Вот я твои чувства и щажу. Считаю благодарностью за спасение.

— Лучше б ты меня поцеловала в знак благодарности.

— А стриптиз тебе не показать?

— А можешь? — заинтересовался мужчина, но по нервно напрягшейся спине понял, что лучше не продолжать. — Ладно, поворачивайся обратно, я уже прикрылся. Эх ты, выхухоль... Или тебя так больше нельзя называть? Спор-то ты, получается, выиграла, если сережку спер не милит.

— Он явно замешан в пропаже Алинки, так что ничего я не выиграла, — вздохнула женщина и кратко пересказала все, услышанное от Заськи.

Магос слушал и молчал. А что тут скажешь? Вроде и приятно, что подозрения оправдались, и мерзко от подстроенной подлянки. И за племянницу страшновато.

Если милит действовал по приказу собственного руководства, то искать пропавшую девчонку никто не будет, наоборот, запрячут еще глубже. Если же этот странный тип играет против своих, то дело принимает еще более серьезный оборот. Что ему пообещали за предательство?

Деньги? Помощь? Влияние? Он действует один или его покрывает кто-то из вышестоящих? И главное — зачем все это? Зачем?

Ракун тихо застонал, не в силах справиться с потоком мыслей, и Нина сразу же развернулась к нему всем телом:

— Тебе плохо?

— Отстань, женщина, нормально мне. Ты чего вообще не спишь?

— За тебя волновалась.

— Сказал же, сегодня не умру. Спи, до утра еще далеко. На рассвете пойдем дальше.

— Куда? — Ложиться Нина и не подумала. Наоборот, привстала и подкинула в огонь очередную веточку.

— В Викену. Тут недалеко, пешком можно добраться. А там подумаем, что делать. Камень вернули — с остальным тоже разберемся.

— Ты и без него, оказывается, многое можешь.

— Забудь, — оборвал магос.

— Не могу. — Женщина поежилась, хотя ночь была теплой, а от костра струился приятный жар. — Как это вообще можно забыть? Я так испугалась...

— Ты бы знала, как я испугался, — фыркнул Ракун и потянулся за фляжкой, жалея, что в ней всего лишь вода. Отчаянно хотелось чего-нибудь покрепче. И мяса. Много-много мяса. — Жалко, что еды нет.

— Вообще-то есть. Заська в дорогу надавала всякого. — Нина быстро отцепила от лисапеда сумку, вытащила кусок пирога, колбасу и упоительно пахнущие сдобой булочки, чудом пережившие дождь.

Магос набросился на продукты так, будто до этого голодал неделю. Прерывался только для того, чтобы запить очередной кусок.

Нина смотрела на него с облегчением. Раз ест — значит, действительно будет жить.

Когда он лежал без сознания, стонал и метался, в благополучный исход верилось слабо. Да что там, в какой-то момент вообще не верилось. Ракун был горячий, как сказочный дракон. Казалось, человек вообще не может выдержать такую температуру, нашелся бы под рукой градусник — наверное, расплавился бы от жара. А Нина ничего не могла сделать, только сидела рядом, вытирала пот, выступивший от лихорадки, и следила: дышит ли?

Марлена сначала тоже сидела, но потом все же уснула, просто вырубилась от усталости.

Нина осталась караулить.

— Ты маму звал во сне, — прошептала она. Просто показалось, что магос должен это знать.

Ракун вздрогнул, подавился пирогом, раскашлялся.

Осторожно посмотрел на трактирщицу, убедился, что та и не думает просыпаться. Потом перевел взгляд на Нину. Она сидела растерянная, одинокая, снова мяла в руках фотографию. Магос наконец-то разглядел на портрете двух девушек: одна постарше, другая заметно младше, но очень похожи, обе русоволосые, сероглазые, выглядят настороженными или даже слегка испуганными. Нина, в точности такая, как сейчас, и Галина — такая, какой осталась навсегда.

— Ты сказала, что мне повезло... — неожиданно для себя начал Ракун.

Существовали вещи, о которых он никому не рассказывал и рассказывать не планировал, но Нина имела право знать. По-хорошему, она должна была узнать об этом уже давно, но тогда у него просто духу не хватило нагрузить ее в придачу ко всем проблемам еще и этим. А теперь выбора не осталось, все равно рано или поздно начнет приставать с расспросами.

И он продолжил:

— Ты сказала, родители оставили в наследство мне и брату два камня, каждому по одному, поэтому нам обоим повезло. Помнишь?

Нина осторожно кивнула, боясь спугнуть внезапный приступ откровенности. Стало заметно, что Ракун говорит через силу, заставляет себя произносить слова, давится ими, как несчастным пирогом. Но ему требовалось выговориться, и она приготовилась слушать.

— Ты ошиблась. Оба камня принадлежали моему отцу. Мама не была магиссой, он привез ее из другого мира. Издалека. Очень издалека. Она была ведьмой... колдуньей... не знаю, как у них это называется. В Истоке нет места таким, как она. В Истоке вообще нет места посторонним, там своим-то тесно. И нет места для чужой магии, своя заглушает все. Но отец как-то ухитрился, протащил маму через все границы, оформил документы, сделал своей женой. Колдовать запретил, конечно. Даже пробовать запретил. Да она и сама бы не стала, знала, чем все может кончиться. Она продержалась лет двадцать. А потом я упал с крыши.

Ракун скрипнул зубами, торопливо глотнул воды, запивая возникшую во рту горечь. Последние слова были явно лишними, он мог обойтись без них, отделаться общими фразами. Но память уже подсовывала картинки из прошлой жизни, которые магос так старательно пытался забыть.

Как он выбирается с чердака на крышу, чтобы первым увидеть возвращающегося домой отца, как хрустит под ногой старая черепица, взлетает прямо перед лицом испуганная птица, задевает крылом, он отшатывается к самому краю, снова хруст, ноги теряют опору, и страх захлестывает с головой.

И полет вниз.

И глаза матери — огромные, ярко-зеленые. Ее руки, вскинутые ему навстречу. Падение вдруг замедляется, он плавно опускается в эти руки, едва живой от ужаса, обнимает мать, утыкается ей в шею... плачет... рыдает навзрыд, как девчонка, и не может остановиться.

«Не плачь, — говорит она. — Не плачь, енотик. Ты же мужчина. Ты должен улыбаться».

Он кивает, улыбается сквозь слезы, снова обнимает ее... и только тогда понимает, какая она горячая. Раскаленная. Ладони жжет от нестерпимого жара, воздуха не хватает, кружится голова, но он все равно держит ее, обнимает, не может отпустить.

До самого конца.

— Она меня поймала с помощью своей магии. — Слова звучали сухо, как сводка происшествий. — Исток сразу же среагировал на чужую силу и сжег ее. А потом выяснилось, что я такой же, как она. Это произошло позже, в третьем витке, отец ездил по делам, взял нас с братом с собой. Мне потом было очень плохо, но выжил. А потом еще пару раз выжил. Чем дальше от Истока, тем легче переносить откат. А камень блокирует ту силу, перекрывает доступ к ней. Без него я, наверное, очень быстро умер бы, а так еще поживу.

Ракун улыбнулся, осторожно посмотрел на Нину. Очень боялся, что она начнет сочувствовать или жалеть, что не поймет, ради чего он ей все это рассказал.

Но она поняла правильно и только тихо прошептала:

— Алинка...

— Не факт, что она унаследовала эту силу, — торопливо сказал магос. — Брат родился нормальным, а она все-таки его дочь.

— Ты поэтому хотел, чтобы она росла в моем мире?

— В том числе. Если бы сила проснулась в Истоке, у девочки не имелось бы ни единого шанса выжить.

Нина вздохнула. Очень хотелось наброситься на Ракуна с воплем: «Какого черта ты сразу не сказал?» — но ругаться с ним в такой ситуации казалось попросту невозможным. Как можно всерьез злиться на человека, который чуть не умер, спасая ее, растяпу?

Но все же, если бы он вовремя предупредил об опасности, они бы избежали того глупого спора семнадцать лет назад, когда, как два упрямых барана, делили Алину. Точнее, пытались спихнуть ее друг другу, выдумывая все новые и новые аргументы. И ведь каждый искренне хотел сделать как лучше.

— Что мы будем делать с ребенком? У вас есть какие-то законы на этот счет? — сурово спрашивала Нина.

— Примерно такие же, как у вас. Или родственники — или детский дом, — отвечал Ракун.

— Значит, Алину должен забрать кто-то из нас. Ты можешь?

— Могу. Но, признаюсь, не хотел бы. Я редко бываю в Истоке, постоянно мотаюсь по мирам. Придется нанимать какую-нибудь няню или отдавать в интернат, а это тот же детский дом, только еще и платный. Забирай себе. Она девочка, ей нужна женская рука.

— Мне кажется... ну, она ведь наследница Галки и твоего брата, верно? То есть потом ей все равно придется перебираться к вам. Так пусть и растет у вас, привыкает. Переезжать не придется. Да и я не уверена, что смогу нормально ее воспитать. Меня и дома-то не бывает, работа да институт.

— На того очкарика время нашлось.

Нина поморщилась. На фоне всего остального происшествие с Кириллом казалось досадной мелочью, не стоящей даже упоминания. Да, было слегка стыдно перед парнем. Но она вдруг поймала себя на мысли, что стоя перед однокурсником в обнимку с магосом, чувствовала не стыд, а интерес — как себя поведет в такой ситуации ее кавалер. Кавалер повел себя в целом

нормально... но почему-то все равно казалось, что проверку он не прошел.

— Так ты заберешь девчонку? — не выдержал паузы Ракун.

— Почему не ты?

— Потому что не хочу!

— Так и я не хочу! — огрызнулась Нина.

На самом деле ей очень хотелось забрать ребенка из этого магического вертепа и больше никуда не отпускать, чтобы не получилось как с Галкой. Но ведь когда племяшке исполнится восемнадцать, отпустить все равно придется. И тогда сделать это окажется в разы сложнее, чем сейчас, когда Нина ее даже не видела.

— Может, монетку подбросим? — миролюбиво предложил магос.

И они действительно подбросили монетку. Спорить с судьбой никто не рискнул.

Нина моргнула, возвращаясь в реальность из старых воспоминаний.

— Признайся, монетка была волшебная? — спросила она.

— Почему была? Она и сейчас есть, — хмыкнул магос, сразу сообразив, о чем речь. — Очень полезная штука, когда надо переспорить кого-нибудь не в меру упрямого. Или просто выиграть денег.

— То есть ты меня обманул?

— Ага, — легко согласился Ракун, возвращаясь к недоеденному пирогу.

Руки у магоса все еще слегка дрожали, и эта дрожь вызывала в душе Нины странный коктейль из стыда, благодарности и еще чего-то совсем уж непонятного, типа желания обнять и заверить, что все будет хорошо.

Последнее казалось откровенной глупостью, поэтому она просто пробормотала:

— Спасибо.

— За то, что обманул?

— За то, что спас. Ты же чуть не умер из-за меня, и если я могу как-то отблагодарить...

— Я не тебя спасал, а свой камень. Так что уйми совесть, женщина, и ложись спать. Если завтра свалишься, на себе не поташу.

Нина заерзала на Алинкином чемодане. Спать ей хотелось, но лечь оказалось особо не на что, разве что прямо на траву, все еще слегка влажную после ливня. Ракун понял ее сомнения, скинул плед, кивком указал на него и потянулся за своими штанами. Они почти высохли, но немилосердно воняли дымом и едва гнулись — от ткани кусками отваливалась грязь. В карманах бряцали и шуршали арфактумы и другие полезные штуки — по крайней мере, те из них, которые не выпали и не разбились во время драки.

— А ты спать не собираешься? — Нина улеглась на плед, поворочалась, устраиваясь поудобнее. — Здесь и двоим места хватит.

— Я и так выпался. — Пирог кончился, и Ракун полез за булочками. На сумке тихо звякнули крепления для лисапеда.

Магос обернулся на двухколесный агрегат. Оранжевая краска упрямо проглядывала из-под слоя грязи, клетка на руле с маленьким тускло светящимся шариком была заметно покорежена при столкновении.

— Я ведь тебя тоже не поблагодарил.

— За что? — удивилась Нина.

— За то, что вовремя приехала и удачно затормозила.

— Я вообще не тормозила. Не нашла, где у этой штуки тормоз.

— Ты что, ехала по взгорью в такую погоду без тормозов? — округлил глаза Ракун. — Сумасшедшая женщина! Зачем тебя вообще сюда понесло?

— Испугалась, что ты не вернешься! Получишь камень — и исчезнешь.

— Вот ты выхухоль! Ну как я мог не вернуться?! Включи свою хваленую логику!

Нина попыталась, но вся логика, видимо, осталась в трактире или где-то рядом. Вариант с исчезнувшим Ракуном в любом случае казался гораздо вероятнее, чем с вернувшимся.

— Там же лодка осталась! — пояснил магос. — За ней я вернулся бы в любом случае.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой доходчиво объясняется, почему юным девушкам не стоит в одиночестве гулять по ночному городу

До небольшого городка под названием Копилаты Алина и ее похитители добрались глубокой ночью, причем большую часть пути девушка проспала. В памяти остались только разрозненные отрывки, из которых с горем пополам складывалась общая картина путешествия.

Например, она помнила, как Долан усадил ее в седло перед собой, и лошадь неспешно двинулась вперед. Помнила, как Коба, Истер и Грызь шумно делили двух оставшихся коней, и пока они спорили, Гмади успел довольно далеко уйти пешком. Помнила, как выбрались на параллельную дорогу, неожиданно широкую, гладкую и кое-где даже подсвеченную фонариками, и почти сразу их обогнало дребезжащее нечто, напоминающее старинный трамвай, только на обычных колесах. Помнила радостный возглас: «Кажись, дождик кончился!» — и странный грохот, донесшийся из-за холмов.

— Вовремя ушли, — прокомментировал Гмади. Долан, кажется, согласно кивнул, но, с чем именно он согласился, Алина так и не поняла, потому что снова погрузилась в дремоту.

А потом вдруг обнаружилось, что вокруг город, лошадь стоит перед приземистым каменным домом, а Долан осторожно вытаскивает девушку из седла и на руках заносит в помещение.

— Я сама могу идти, — неуверенно пробормотала Алина, пытаюсь вывернуться из объятий, но мужчина и не подумал ее отпускать, зато немедленно спросил:

— Хотите есть, клисса?

Алина вспомнила, что за последние сутки ее завтрак, обед и ужин состояли из недоеденного пряника, добросовестно прислушалась к ощущениям, и желудок сразу же требовательно заурчал. Видимо, до этого организм пребывал в полнейшем шоке от происходящего, и свежие впечатления с лихвой заменили ему пищу. Но все же одними впечатлениями сыт не будешь.

— Хочу есть, и пить, и... куда здесь можно в туалет сходить?

— Я провожу. — Долан наконец-то поставил пленницу на ноги и уверенно потянул за собой через все помещение к противоположной двери. Алина с любопытством глядела по сторонам.

Место, где они оказались, напоминало современный бар, стилизованный под средневековую таверну. Низкий потолок с тележным колесом в роли люстры, массивные столы и стулья из темного дерева, каменные стены, глиняные кружки и официантка в чепчике... Но вместо свечей все там же, на колесе-люстре, горели маленькие светящиеся шарики, и точно такие же находились на каждом столе в стеклянных стаканчиках; из дальнего угла доносилась бодрая музыка, но никаких музыкантов не было и в помине, источником звука служила небольшая шкатулка на полке, а к запаху пива и мяса отчетливо примешивался резкий химический аромат средства для мытья посуды.

Но не успела Алина обрадоваться тому, что оказалась в цивилизованном месте, как они вышли через заднюю дверь в небольшой дворик — и настроение резко скакнуло вниз.

Туалет стоял прямо здесь, на улице: деревянный, с дыркой в полу — классический такой деревенский сортир. Он возвышался посреди двора, и никого это, судя по всему, не смущало. Неподалеку находилась водонапорная колонка, ржавая, с рычагом — Алина видела такую только в кино. Слива не обнаружилось, только переполненное ведро под краном. Вокруг него уже образовалась лужа, и вытекающие из нее грязные ручейки наискосок пересекали двор. Возможно, в сухую погоду вода впитывалась быстрее, не успев как следует разлиться, но сейчас, после дождя, весь двор покрывал толстый слой грязи, пробраться через которую можно было разве что в резиновых сапогах до колена.

Алина с сомнением посмотрела на собственные босоножки, пытаясь решить, что лучше: изгваздать их целиком или просто разуться и не мучиться.

Долан решил проблему просто: снова подхватил девушку на руки, спокойно донес до заветного строения и запихнул внутрь, тактично прикрыв дверь. И, судя по звукам (точнее, по их отсутствию), остался караулить снаружи.

— Так и будете стоять? — осторожно уточнила Алина.

— Вас что-то смущает, клисса?

— Да как сказать... есть немножко. Может, подальше отойдете? Не сбегу же я отсюда! Или боитесь, что я просочусь сквозь землю?

В этот момент старая доска под ногами душераздирающе скрипнула и слегка прогнулась. За дверью многозначительно хмыкнули.

Пленница торопливо переступила на соседнюю доску и начала расстегивать шорты. Ладно, фиг с ним, с соглядатаем, пусть стоит. Может, успеет вытащить, если вся эта шаткая конструкция нечаянно обрушится.

Туалет выдержал, даже не скрипел больше. Когда Алина вышла, Долан помог ей справиться с колонкой, занес на руках обратно в таверну, сгрузил за стол и, кажется, только тогда выдохнул. Да и то как-то не до конца: все время нервно поглядывал по сторонам и вздрагивал от каждого шороха.

Остальные вели себя более раскованно: Коба уже возвращался от стойки с двумя большими кружками пива, Истер строил глазки официантке, а Грызь, методично загибая пальцы, диктовал ей, сколько и чего он готов съесть. Девушка прилежно записывала.

— Кофе, — буркнул Долан, когда очередь заказывать дошла до него.

— Что-нибудь еще? — на всякий случай уточнила официантка. — У нас сегодня очень вкусные блинчики...

— Тогда два кофе.

— Три. И блинчики, — подала голос Алина и на всякий случай осторожно покосилась на похитителей. Мало ли как отреагируют на самоуправство.

Похитители одобительно закивали. Вообще, они все больше и больше казались неплохими ребятами, с которыми можно болтать, шутить и резаться в карты. Если кого Алина и опасалась, то именно Долана, несмотря на то что он о ней заботился и вел себя предельно вежливо и корректно. Именно эта вежливая отстраненность и пугала, хотя в остальном мужчина больше напоминал телохранителя, чем бандита.

«Это стокгольмский синдром, — мысленно сказала себе девушка. — Еще немножко, и я начну оправдывать их действия и даже сбежать постесняюсь».

Истер легонько ткнул пленницу локтем в бок, возвращая к реальности.

— Блинчиков одну порцию? — напряженно повторила официантка, слегка повысив голос.

— А... да, одну. Спасибо.

Официантка выдавила дежурную улыбку и ушла, напоследок одарив Алину презрительным взглядом.

— Чего это она? — не поняла пленница.

— Не одобряет. На дворе ночь, а ты в компании мужчин единственная девушка, причем достаточно фривольно одетая, — пояснил Истер.

— И что мне делать? — смутилась Алина, запоздало присматриваясь не только к обстановке бара, но и к его посетителям. Они действительно оказались сплошь мужчинами, причем чем-то неуловимо схожими друг с другом: суровые лица, шрамы, татуировки, темная одежда. Кажется, ее притащили не в первое попавшееся круглосуточное кафе, а в какой-то притон для уголовников.

— Не обращай внимания, — посоветовал Коба. — Ты клисса, а она дура. Чуешь разницу?

Особой разницы Алина не видела, но на всякий случай кивнула.

— А может, пивка для храбрости? — подмигнул бандит.

— Нет, спасибо. Я лучше кофе подожду.

— Ну как знаешь. Пиво тут неплохое, кстати. Начальник, а ты чего себе не взял?

— Не сегодня, — отмахнулся Долан.

Гмади вопросительно показал ему маленькую плоскую фляжку.

— Тем более. Сморит же моментально.

— Да и пусть сморит. — Коба отхлебнул из кружки. — Почти сутки на ногах! Или ты вообще сегодня ложиться не собираешься?

Долан неопределенно пожал плечами и с трудом подавил зевок. Компанию немедленно охватила цепная реакция, и теперь зевали уже все, кроме Алины.

Она, как ни странно, спать совершенно не хотела. Видимо, хватило магической дремоты в телеге и обычной в седле. Зато в голове все ярче вырисовывалось — необходимо бежать. Именно сейчас, когда вокруг пусть относительная, но цивилизация, и когда похитители вялые и заторможенные от недосыпа.

Но как сбежать, если даже в туалет на руках носят?

Можно, конечно, выскочить из-за стола и громко крикнуть: «Меня похитили, вызовите полицию!» А дальше что? Скорее всего, тут же вернут на место, заткнут рот и объяснят всем вокруг, что это шутка. А если вокруг сплошные бандюги и уголовники, то и объяснять не потребуется.

Написать записку и сунуть официантке? А на каком языке ее писать? Или лучше нарисовать? Тогда чем и на чем? Соусом на тарелке? Собственной кровью на салфетке? Да и вряд ли именно этой официантке есть какое-то дело до изрисованных салфеток.

Все идеи, приходившие в голову, одна за другой разбивались о банальную логику, а время стремительно утекало. Принесли еду и кофе, Долан залпом опрокинул в себя две чашки и пошел договариваться о ночлеге.

Судя по обрывкам разговоров, гостиница находилась в соседнем здании и принадлежала тому же владельцу, что и бар, но заочно снять номер почему-то не получилось, обязательно нужно было явиться лично.

Как только за мужчиной закрылась дверь, Алина выскочила из-за стола, даже не притронувшись к блинчикам.

— Извините, я выйду на минутку, — пробормотала она, смущенно кивнув в сторону задней двери.

— Валяй, — неожиданно легко согласился Коба, не поднимая головы от сковородки с аппетитно шкварчающим мясом. — Не поскользись там.

Остальные были так поглощены едой, что ухода девушки, кажется, вовсе не заметили. И неудивительно: ароматы над столом витали такие, что Алина и сама едва нашла в себе силы покинуть бар прямо сейчас. Желудок сводило от голода, но упустить шанс для побега она не могла.

Во дворе никого не было. Девушка прокралась вдоль стены к глухому деревянному забору, подпрыгнула, ухватилась за край, осторожно подтянулась. Снаружи виднелась узкая, мощенная булыжником улочка, освещенная редкими фонарями. В большинстве окон свет не горел, пешеходов она тоже не заметила, и только луна равнодушно пялилась с неба на отважную беглянку.

Вот и отлично!

Перебраться через забор получилось только с третьей попытки — ободрав о доски коленку, сломав ноготь и прикусив от усердия язык. Алина украдкой порадовалась, что никто этого позора не видел, и пообещала себе заняться спортом. Когда-нибудь потом. А сейчас предстояло понять, куда идти дальше.

До этого весь план ограничивался одним пунктом «сбежать!», а о дальнейшем девушка не больно-то задумывалась. Поэтому сейчас, стоя посреди улицы, она чувствовала себя крайне неуютно. Ну, сбежала — а дальше-то что?! Через пару минут ее наверняка хватят. Значит, за это время надо уйти как можно дальше.

И Алина отважно свернула в ближайший переулок, надеясь, что гениальная идея, как водится, придет в голову сама по себе. Ну а что? Получилось же с игрой в карты!

Палек был зол. На долбаного магоса, на дуру Марленку, которая его магосу и заложила, на ту девицу на лисапедке, на тупую лошадь с гордым именем Кассиопея... В первую очередь, конечно, на лошадь. Если бы эта истеричка не решила постоять столбом посреди дороги, он бы давно добрался и до Викены, и до заказчика.

Но планы спутались: сначала он упустил камень, а потом удирал от разбушевавшейся стихии. И на стихию Палек тоже был зол.

Конечно, он знал, что дорога на этом участке шла прямо по старому руслу обмелевшей реки. Все знали, потому и построили неподалеку новую трассу, широкую и безопасную. А пользовались все равно старой — привычнее и быстрее. Вроде, когда-то даже плотину выше по течению делали, на случай если вода вдруг поднимется до прежнего уровня.

Видать, не выдержала...

Да и черти с ней, с плотиной! Тут бы понять, что с собственной жизнью теперь делать.

К заказчику идти все равно придется. Идти, каяться, отрабатывать набежавший долг и надеяться, что обойдется без последствий. Но это завтра. А сейчас пожрать бы и поспать чуток. Желательно в кровати, а не скорчившись в луже под ближайшим забором.

Палек поморщился. После вынужденной пешей прогулки по взгорью гудели ноги, ныли полученные в драке синяки и ссадины, шатался зуб и саднило горло, чересчур сильно перетянутое шнурком...

Чуть не задушил, скотина! Его бы так!

Хотелось верить, что проклятый магос с лихвой за все расплатился и его снесло течением, но этого Палек, к сожалению, не видел. Он вообще мало что успел увидеть: как забрался на склон, так и припустил напрямик по холмам к новой дороге, не особо оглядываясь на оставшихся. Хотелось до темноты забраться как можно дальше, поэтому шел быстро, но

попасть в Копилаты засветло все равно не получилось.

А потом обнаружилась еще одна проблема: кошелек остался в сумке, а сумка — на седле. То есть сейчас — неизвестно где. А без денег ни жратвы, ни ночлега... Спи, дорогой друг, на свежем воздухе и топай в Викену пешочком! На голодный, чтоб его, желудок!

Злость захлестнула с головой, Палек саданул кулаком по ближайшей стенке, но облегчения это не принесло — теперь еще и рука заболела.

— Извините... — тихо прозвучало совсем рядом. — Извините, вы не подскажете...

Из ближайшего проулка застенчиво выглядывала худенькая темноволосая девица. Разглядев скривившееся от гнева лицо Палека, она осеклась, подалась назад, но упрямо договорила:

— ...не подскажете, как мне найти полицию... милицию... стражу? В общем, что-то такое.

Девица боязливо куталась в слишком большую для нее куртку явно с чужого плеча. Из-под куртки выглядывали такие короткие штаны, в каких местные даже спать постеснялись бы. И волосы распущены. Точно не здешняя. А вот гости из Истока, бывало, и похлеще одевались. Хм...

Палек поспешно изобразил вежливую улыбку. Кто же ты, детка?

Вряд ли магисса, вид уж больно запуганный, да и мелкая совсем. Значит, или клисса, или дочка какого-нибудь заезжего богатея, сбежавшая из дома на ночь глядя. Что ж, и то, и другое вполне годится. Главное — не спугнуть!

— Ты откуда? Потерялась? — Палек старательно излучал доброжелательность (насколько вообще возможно быть доброжелательным, когда ты уставший, голодный и злой, как марта во время гона).

— Н-нет... — пробормотала девица, осторожно подходя ближе. — Мне нужно найти, куда обратиться. Рассказать о преступлении.

— Да понял я. Не бойся, провожу. Пошли, нам туда.

Палек махнул рукой, указывая путь, и первым двинулся в нужном направлении. В нужном ему, естественно. К милитам он не сунулся бы даже ради всех девиц мира, зато неплохо знал места, где их совершенно точно не встретишь.

За спиной раздались торопливые шаги — девчонка бежала следом. Вот ведь дурочка непуганая! Ну ничего, скоро поймет, что одной в такое время лучше не гулять, даже если хочешь сообщить о преступлении. Иначе преступлений вокруг тебя станет немножко больше.

Очередной закоулок встретил Палека долгожданной темнотой: они добрались до района, где фонари почти никогда не горели, а жители по ночам не высывались из домов без особой причины. Здесь пахло гнилью, дохлыми кошками и страхом.

— Мы точно правильно идем? — насторожилась девица, замедлив шаг.

— Точнее некуда, — отмахнулся Палек, но, видимо, что-то в голосе его все-таки выдало, и момент доверия был упущен — высокородная потеряшка сообразила, что ведут ее совсем не к милитам.

— Извините, я, наверное, пойду, — пробормотала она, отступая назад и явно готовясь в любой момент броситься бежать.

— А ну стоять! — Палек ухватил девчонку за руку и дернул на себя. — Пикнешь — урою!

Девушка открыла рот — и сразу же закрыла. Грабитель ожидал, что она начнет реветь или испуганно бормотать всякие глупости, но потеряшка повела себя на удивление смирно, только окатила презрительным взглядом. И спросила совершенно спокойно:

— Что вы со мной сделаете?

— Ограблю, — не стал скрывать Палек.

— И все?

— А что тебе еще нужно, детка? Извини, жрать я хочу больше, чем трахаться.

— Тогда вы просчитались. У меня нет денег. А если больше вам ничего не надо, то требую меня отпустить!

Палек невольно хмыкнул. Требует она, как же! Точно клисса! Даже похожа чем-то внешне на того долбаного магоса. Родственники, что ли? Ну, так ей и надо тогда.

— Не горячись, детка, я же могу и передумать. Арфактумы снимай и драгоценности. Все, сколько есть.

— Нет у меня ничего.

— Не ври мне! — Палек рывком вытряхнул девушку из куртки. В карманах звякнуло, но их можно проверить и позднее. — Что у нас тут? О, какой ремень! Заговоренный, небось?

— Обычный.

— Да он же мужской, тебя им два раза обмотать можно! Стала бы ты его таскать, если не заговоренный, а, глубокоуважаемая клисса? Снимай, кому сказано. И браслет тоже.

Девушка побледнела и сжала кулаки. Выглядело это довольно нелепо.

— Снимай, снимай, а то вместе с рукой оторву, — пригрозил Палек.

Оторвать бы, конечно, не оторвал, но уж больно не хотелось возиться с мелкими застежками, среди которых вполне могли затаиться и какие-нибудь отравленные иглы. Видно же, что штучная работа, не из дешевых, а от таких вещей всего можно ожидать.

— Браслет не отдам, — сверкнула глазами потеряшка.

Палек картинно вздохнул. Хотел же по-хорошему, а!

В итоге пришлось ухватить девушку за горло и вжать в стенку. Совсем-то убивать, пожалуй, не стоит, а вот чуток придушить можно, чтобы не сопротивлялась.

Клисса испуганно захрипела, вцепилась в держащую ее руку и попыталась пнуть нападавшего. Удар был слабенький, но пришелся аккурат в один из синяков, оставленных магосом. Палек поморщился, с трудом подавив желание приложить девчонку головой о стену, чтобы не

рыпалась. Хотя, почему нет? Если еще раз дернется...

Потеряшка, словно прочитав его мысли, понятливо замерла. Ей явно не хватало воздуха, но вырваться девчонка больше не пыталась, только грудь часто вздымалась от попыток вдохнуть... Грудь на вкус Палека была маловата, даже ухватиться не за что. Да и вообще жертва попалась худосочная, не в его вкусе. Вот Марленка — другое дело, там и спереди есть на что посмотреть, и сзади. И не только посмотреть, что важно!

Эх, дуреха! Ну чего ей в родной деревне не сиделось... хороший же план придумали!

Злость всколыхнулась с новой силой, пальцы на чужом горле сжались сами собой. Девушка издала малопонятный то ли хрип, то ли всхлип, закатила глаза и обмякла.

Ну и черти с ней, теперь уж точно мешать не станет. Осталось снять с нее пояс, браслет... подвесочку вот эту странную с песочными часами. А куртку можно и целиком забрать, лишней не окажется.

Потерять сознание от того, что тебя душит какой-то бугай в темной подворотне — довольно стремно. Но еще более стремно прийти в себя и обнаружить, что тот же бугай расстегивает на тебе шорты.

Или нет, не шорты... только ремень.

Сначала Алина, конечно, хотела завизжать и вырваться, но внезапно прорезавшийся здравый смысл потребовал, чтобы она осталась на месте и притворилась, что все еще в отключке. И черт с ним, с ремнем, тут бы в живых остаться.

Сбежала, называется! Проявила чудеса хитрости и изворотливости! Дура, вот как есть дура! Сидела бы сейчас в теплом баре с кофе и блинчиками и проблем не знала, а не лежала на влажной после дождя земле, чувствуя, как чужие руки расстегивают пряжку, шарят по карманам, задирают майку, чтобы...

Бррр!

Алина все-таки не выдержала, вздрогнула от омерзения и с воплем оттолкнула от себя грабителя. И сама очень удивилась, что получилось именно оттолкнуть, а не беспомощно ткнуться ладонями.

Отлетевший на несколько шагов назад бандит тоже выглядел ошарашенным. Морщась от боли, он ощупывал место, куда пришелся толчок, и настороженно смотрел на девушку.

— Проваливай! — хрипло крикнула она, поднимаясь.

Голос дрожал, горло болело, но ей почему-то совсем не было страшно, в груди разливалось новое, незнакомое до этого чувство, болезненно-острое, но принесшее с собой уверенность. Все теперь ощущалось ярче, яснее, ночная мгла больше не скрадывала цвета, видно стало так же хорошо, как днем. Даже лучше.

Вокруг грабителя темным комком пульсировал страх. Алине показалось, что только упрямство мешает ему сейчас развернуться и сбежать. Упрямство и злость.

— Вали отсюда, а то от тебя мокрого места не останется!

Это не было пустой угрозой. Девушка чувствовала, что если сейчас сожмет кулак или, допустим, топнет ногой, противник разлетится на части. Ей совсем не хотелось его убивать, но она знала — может. Может и сделает, если он попробует еще раз к ней прикоснуться.

И он, кажется, тоже об этом знал.

Противостояния взглядов грабитель не выдержал.

— Вот же чертова ведьма, — буркнул он, сплюнул, развернулся и быстрым шагом двинулся прочь. Даже не побежал, упрямый, хотя очень хотелось.

Несколько секунд Алина просто стояла и смотрела ему вслед, потом моргнула, и наваждение внезапно исчезло. Ночь стала просто ночью, такой же темной и неудобной, как всегда. Запоздало пришел страх, закружилась голова, ноги подкосились — и девушка непременно упала бы, если бы не вовремя подхвативший ее под руку Долан.

Алина даже не успела заметить, откуда он появился. Дышал мужчина тяжело, явно преодолел все расстояние от бара бегом. А она ведь далековато успела уйти.

— Клисса, вы в порядке?

— Д-да, — с легкой запинкой проговорила Алина, прижимаясь к своему похитителю и пытаясь не думать, как это выглядит со стороны.

Ей срочно надо было почувствовать рядом живого человека, чтобы хоть как-то выгнать из памяти воспоминания о чужих руках, исследующих ее тело и ищущих спрятанные арфактумы... или чего-нибудь еще. При одной мысли об этом сердце колотилось как безумное, и желудок скручивало от омерзения.

Дура! Дура! Какая же она дура!

— Клисса, вы дрожите. У вас голова горячая. — Долан осторожно отстранил девушку от себя и приложил руку к ее лбу. — Все-таки простыли?

— Нет, я просто... — Алина задумалась. А что она, собственно, сделала? Отшвырнула здорового мужчину и прогнала его силой взгляда? Бред какой-то! Рассказать кому — не поверят. Да и стыдно рассказывать. — Я просто испугалась, что заблудилась.

Голос предательски дрожал, и от каждого слова возникало такое чувство, будто по горлу изнутри кто-то водит наждачкой. На душе творилось примерно то же.

— Главное, что сейчас все хорошо, — неожиданно тепло улыбнулся мужчина.

В переулке за спиной послышался гулкий топот. Алина вздрогнула всем телом, обернулась, но это оказались всего-навсего Коба и Грызь.

— Ну и здоров же ты бегать, начальник! — Коба тяжело оперся о стенку, пытаясь отдышаться. — А ты, клисса, конечно, натворила делов! В такие закоулки забралась... Еле нашли!

— А как вы, кстати, меня нашли? — заинтересовалась Алина.

Паника медленно отступала, на смену ей пришло привычное любопытство.

Долан достал из кармана плоскую коробочку, демонстративно потряс. Внутри глухо стукнулись друг о друга камни.

— Это мои! — опознала Алина.

— Пока еще нет. Но очень к вам стремятся. — Мужчина достал кольцо, надел на палец (оно едва налезло даже на верхнюю фалангу мизинца) и по-особому потрянул рукой. Камень мигнул раз, другой, а затем засветился ровным светом и выпустил в пространство тонкий зеленоватый луч, который уперся в грудь Алины.

— Ух ты! — сказала она и немедленно потрогала луч пальцем. Он совершенно не ощущался, спокойно проходил через руку, не преломляясь и не теряя интенсивности, но при этом тело насквозь не просвечивал.

— Пока камни у меня, я найду вас где угодно, клисса. Так что не осложняйте жизнь окружающим и ведите себя смирно.

— Простите, — вздохнула девушка. — Глупо получилось с этим побегом.

— Очень глупо, — подтвердил Долан таким спокойным тоном, что Алине немедленно захотелось провалиться под землю. Лучше бы ругался. — И что вы собирались делать дальше?

— Найти милицию.

Ответ почему-то вызвал взрыв хохота у Грызя и Кобы. Да и их начальник не удержался от многозначительного хмыканья. После чего поднял с земли свою куртку и протянул Алине:

— Посмотрите там во внутреннем кармане.

Алина послушно запустила руку в карман и нащупала плоскую металлическую штучковину размером чуть меньше ладони. При прикосновении она слегка кольнула пальцы электрическим разрядом; точно такое же ощущение было, когда девушка дотрагивалась до своих камней.

Вытащив находку наружу, Алина обнаружила, что в ее середину действительно вставлен камень, но какой-то неправильный — мутно-белый и совсем маленький, как жемчужина. А над камнем шла переливающаяся надпись «Милития» и чуть ниже более мелкими буквами «Служба безопасности Истока». И еще ниже: «В. Долан» — и пятизначный номер.

— Ой, — пробормотала девушка. Ощущение полного идиотизма происходящего достигло своего пика. — Тогда зачем же вы меня похитили?

— Вы уже спрашивали. Я уже отвечал. Успокойтесь, завтра вечером все закончится.

— Но почему вы сразу не сказали?

— А что бы это изменило?

Действительно, что? Может, не было бы этого бессмысленного побега и ощущения собственной непроходимой тупости. Не было бы невесты чего испугавшегося грабителя. Не было бы дурацкой слабости, от которой она теперь едва стояла на ногах, а мир вокруг плыл, кружился и никак не мог остановиться.

— Долан, простите, — отчаянно смущаясь, пробормотала Алина. — Кажется, обратно вам

придется меня нести. Я не смогу...

Мужчина без лишних вопросов подхватил ее на руки. Расстегнутая пряжка ремня предательски громко звякнула, и девушка вдруг явственно поняла, что ее похититель-спаситель уже давно это заметил. Заметил, но ни слова не сказал про пряжку, про задранный майку, про синяки на запястье... Ох, а ведь и на шее, наверное, тоже следы остались. Может, там не так заметно? Ну да, мечтать не вредно...

Алина печально всмотрелась в четкий отпечаток чужих пальцев на руке, хотела прикрыть его хотя бы браслетом, но украшения на месте не оказалось.

И вокруг на земле — тоже.

Грабитель все же не остался без добычи. Зато Алина оказалась без связи.

Через некоторое время Долан опустил задремавшую девушку на кровать в гостиничном номере, заботливо прикрыл ее одеялом и вышел в коридор.

Четверо раздолбаев стояли там же, безудержно зевая и пытаясь выглядеть серьезно и виновато. Получалось разве что у Гмади.

— Начальник, ну прости... недоглядели, — выступил вперед Коба.

— И кто на что ставил? — прозорливо сощурился Долан.

Наемник даже не попытался отвертеться:

— Грызь считал, что у нее вообще не хватит духу сбежать. Истер говорил, что хватит, но минут на десять, а потом сама струсит и вернется. А я как знал, что искать придется! Ну и вот...

— Сколько выиграл?

— Двадцать вий.

— Вот ты за гостиницу и платишь. Еще раз так «недоглядите» — всех верну туда, откуда выпустил.

— Да ладно, нормально же все закончилось, — осторожно влез Истер, но под тяжелым взглядом начальника потупился и замолчал.

Гмади без лишних слов протянул Долану маленькую плоскую фляжку, и на этот раз милит не стал отказываться. Жидкость обжигающей волной хлынула в желудок, и жизнь сразу же стала казаться чуть менее противной штукой.

— Ну а ты на что ставил? — не сдержал любопытства Долан, возвращая фляжку.

— На то, что вы будете очень злы, независимо от результата спора.

— Я очень зол, — подтвердил милит. — И очень хочу спать. Искренне надеюсь, что, когда я проснусь, девчонка никуда не денется.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой выясняется, что у Ракуна есть не только враги, но и друзья

Насмотревшись на деревенские трактиры, глиняные горшки, домотканую одежду и повозки с лошадьми, Нина ожидала, что Викена окажется классическим старинным городом: крепостная стена, замок, узкие улочки и еще более узкие окошки.

Однако первое, что бросилось в глаза задолго до прибытия, — широкая и гладкая дорога с разметкой, указателями и полосатыми столбиками по обочинам. Разве что цвет асфальта был не привычно серый, а тускло-зеленый, почти болотный.

И катились по этой дороге вполне современные, хоть и непривычно выглядящие автомобили: и легковые, и грузовые, причем бензином или газом от них не пахло совершенно.

Попадались и лисапеды — Нина уже поняла, что здесь это не просторечное словечко, а вполне официальное название для шустрых двухколесных агрегатов. От привычных ей велосипедов они почти не отличались, разве что колеса чуть шире и седло немного другой формы. Зато цвета — на любой вкус.

Хотя первенство, конечно, оставалось за лошадьми, как оседланными, так и впряженными в многочисленные и разнообразные повозки и телеги. В одной из них путники и ехали, радуясь, что неведомое божество, отвечающее в этом мире за везение, наконец-то обратило на них свой взор.

Никто не простыл после дождя, грязь достаточно подсохла, чтобы по ней можно было благополучно добраться до моста, а чуть дальше, на перекрестке, их нагнала телега, и пожилой возница любезно (то есть за не слишком грабительскую цену) согласился подвезти путников аж до самой Викены. А еще этот прекрасный человек не приставал с расспросами, не рассказывал о себе, не пытался завести светскую беседу о погоде, а просто спокойно читал газету, изредка отвлекаясь от нее, чтобы убедиться, что лошади идут в верном направлении.

Нина с интересом глазела по сторонам, на покрытые зеленью холмы и петляющую внизу по склону дорогу, а Ракур валялся на дне телеги, грыз травинку, пялился в безоблачное небо и думал о чем-то своем. Марлена сидела грустная и сосредоточенная, пейзажи ее явно не радовали.

Наконец девушка решилась, подобралась ближе к магосу и тихо, чтобы не услышал шелестящий газетой возница, спросила:

— А тогда, на дороге... ну, когда вы остановили реку... Как это получилось?

— Ну, я же магос, в конце концов, — сощурился на солнце Ракур.

— Но ведь камень...

— ...в этот момент был у меня.

— Но я же видела...

— ...что он был у меня, — с нажимом повторил магос и наконец-то повернулся к собеседнице. — Только так и никак иначе. Дай-ка руку.

Марлена неуверенно протянула руку, и Ракур быстро застегнул на ее запястье тонкую серебряную цепочку.

— Считай, что это подарок. В знак дружбы, — ухмыльнулся он, и от этой ухмылки у девушки внутри все похолодело. Она казалась не просто недоброй, а прямо-таки пугала до дрожи. — Одно лишнее слово, и эта штука оторвет тебе руку. Мы друг друга поняли?

Марлена торопливо закивала.

Нина, слушавшая разговор краем уха, неодобрительно поморщилась — методы магоса ей не нравились, но сейчас явно было не время и не место выяснять отношения. Поэтому она повернулась к вознице и, чтобы хоть как-то отвлечься, вежливо поинтересовалась:

— Что пишут?

— Да всякое, — охотно ответил тот. — Грозу вот обещают на сегодня. Только, кажись, промахнулись с прогнозом, все еще вчера вылилось. Или вот публичная лекция профессора Гатига сорвалась. Говорят, куча народа в зал набилась, полдня ждали, а профессор так и не явился. А лекция платная, теперь вся эта толпа денег назад хочет, петиции пишет.

— Это не тот Гатиг, который теорию структур преподает? — заинтересовался Ракун.

— Откуда же мне знать, господин магос? Пишут «крупный специалист в области сравнительного анализа структур индивидуальных арфактумов». Это вот что значит?

— Камни разные между собой сравнивает. Ну да, точно он, больше некому. Вредный старикашка. Раньше тоже, бывало, объявит зачет или экзамен — и сам же его пропустит. Так что берегись, клисса, — магос шутливо ткнул Марлену в бок, — если выгорят твои гениальные планы по обретению наследства, то общаться тебе с этим прекрасным человеком минимум три года.

Девушка поморщилась и демонстративно отодвинулась подальше от Ракуна. Сейчас ее явно интересовала только цепочка. Марлена смотрела на нее таким взглядом, будто та вот-вот превратится в ядовитую змею и ужалит в руку.

Нина украдкой порадовалась, что магос не подбросил и ей такой же «подарочек», и неожиданно поняла, что он даже не просил ее молчать об увиденном и услышанном. Просто поделился историей, точно зная, что никуда дальше эта информация не уйдет.

Доверяет, что ли?

Или проверяет?

Город возник совершенно неожиданно. Сначала вдоль дороги начали попадаться отдельные домики с садами-огородами, затем их стало больше, они начали жаться плотнее друг к другу, все теснее соприкасаясь стенами, пока не слились в сплошной ряд, изредка разрываемый узкими проулками.

Здания попадались в основном каменные, в два или три этажа. С разноцветных стен на прохожих смотрели таблички со звериными мордами, цветами, всяческой утварью, стилизованными изображениями людей или совсем уж абстрактными символами. Для садов места уже не хватало, остались только цветочные горшки на подоконниках и маленьких ажурных балкончиках.

От всего этого отчетливо веяло стариной. Да и одежда на местных жителях выглядела

старомодно: длинные юбки, перчатки, сюртуки и жилеты, шляпы и шляпки всех форм и размеров — как будто кто-то отмотал время лет на сто назад.

— Не понимаю, — пробормотала женщина. — Здесь что, все эпохи перемешаны? Заречье, например, глухая деревня без малейшего налета цивилизации. Там даже ложки деревянные. Прости, Марлена.

— Не за что прощать, — спокойно ответила трактирщица. — Деревня — она и есть деревня.

— Наверное. Но здесь же все совсем по-другому! Газеты, транспорт, вон там жалюзи на окне, урны, дорога нормальная... Да у меня дома урн меньше, а ям на дороге больше, чем здесь! И при этом все такое старинное: корсеты, кринолины, лошади, картинки вместо табличек с адресами. От несоответствия голова взрывается, но если сейчас выяснится, что вот та девушка с корзинкой на самом деле не человек, а робот-служанка, я даже не удивлюсь.

— Что такое робот? — спросила Марлена.

— Нет, это живая, — одновременно с ней решил возница, вглядываясь в указанную девушку. — Роботы жужжат, лязгают и страшные.

Ракун промолчал, но скорчил такое лицо, что Нина почувствовала себя полной дурой. Лучше бы не спрашивала, а сама разобралась потихоньку.

— Успокойся, женщина! — все-таки снизошел до ответа магос. — Местных роботов ты сразу узнаешь, поверь. У тебя, кстати, будет шанс на них полюбоваться. А все несоответствия исключительно от близости к Истоку. В крупных городах используют почти все наши изобретения, которые могут повторить. Ну и развивают, как умеют. А в глубинку техника не доходит, ее же там даже чинить некому, если что. Вот и поотстали. Ничего, догонят со временем.

— Но транспорт-то есть. Пустили бы рейсовый автобус в то же Заречье, не пришлось бы столько времени добираться.

— Не окупится. Да и кому он там нужен, в этом Заречье? Они в соседнюю деревню-то выбирают раз в год на ярмарку.

— Я три раза была в Копилатах, — произнесла Марлена с такой интонацией, что непонятно было, возразила она магосу или подтвердила его слова. Судя по содержанию — все-таки подтвердила.

— Но почему? — удивилась Нина. — Тут же совсем недалеко. Мы сколько сейчас ехали, часа четыре? А вчера и того меньше.

— Сколько от твоего родного города до ближайшего? — сощурился Ракун.

— Часов пять на машине.

— И сколько раз ты туда ездила?

— Ну... — Нина задумалась, подсчитывая. — Два раза, и оба по работе.

— Вот тебе и ответ.

Гладкая дорога кончилась, и копыта лошадей звонко застучали по брусчатке. Дома вдоль

улицы снова отлепились друг от друга: теперь это были отдельные особняки. Некоторые из них прятались от мира за высокими заборами и зарослями розовых кустов, двери других выходили прямо на тротуар.

Возле одного из таких домов телега остановилась.

— Приехали, господин магос, — сообщил возница.

Ракун кивнул и лихо сиганул через низкий бортик. От его ночной слабости не осталось и следа.

— Спасибо, что подвезли, — поблагодарила Нина, осторожно выбираясь из телеги и вытаскивая лисапед.

— Отчего бы не помочь хорошим людям, — улыбнулся возница.

— Особенно за их деньги, — в тон ему ответил магос, но было заметно, что ничего против он не имеет.

Марлена с опаской рассматривала дом, перед которым они стояли. Двухэтажное здание неожиданно оказалось высоким и массивным, как гранитная скала. Никаких украшений, лепнины и веселенького орнамента на стенах, все строго и лаконично: высокие двустворчатые двери без узоров, с простыми латунными ручками, однообразные прямоугольные окна, завешенные изнутри плотными шторами блекло-серого цвета, и никаких цветочков на подоконниках.

Нина хотела подбодрить настороженную трактирщицу, но вместо этого только поежилась. Ее дом тоже немного пугал.

— Расслабьтесь, дамы, здесь нас не съедят, — хмыкнул магос, пиная дверь. — По крайней мере если постараетесь вести себя прилично и не начнете вслух сравнивать хозяина дома с лисом.

— А он похож? — немедленно уточнила Нина.

— Ни капельки.

— Тогда почему мы должны?..

Невысказанный вопрос повис в воздухе, потому что в этот момент дверь распахнулась. На пороге стоял мужчина, и Нине хватило одного взгляда, чтобы понять — это дворецкий. Был он в точности такой, какими их изображают в многочисленных фильмах: высокий, подтянутый, совершенно седой, в строгом черном смокинге и с профессионально-беспристрастным выражением лица.

При виде стоящей на пороге тройцы в его глазах не промелькнуло ровным счетом ничего. Абсолютно безликим голосом слуга произнес:

— Добрый день, достопочтенный магос. К сожалению, хозяин сейчас занят. Не будет ли вам так угодно подождать в гостиной?

— Будет, — легко согласился Ракун, вступая в особняк, как к себе домой. — Дамы, за мной! Не отставать, а то заблудитесь!

Нина и Марлена переглянулись и одновременно переступили высокий порог.

Дворецкий с грохотом закрыл дверь и, не меняя выражения лица, двинулся вглубь здания. Магос последовал за ним.

Внутри дом оказался таким же неприветливым, как и снаружи. Каменный пол, однотонные стены, запах пыли, старой мебели, табака и еще чего-то непонятного, горьковатого. Потолки были высоченными, но это не добавляло простора. Наоборот, складывалось ощущение, что стены вот-вот сомкнутся и раздавят непрошенных гостей.

Из небольшого холла они свернули в темный коридор с несколькими узкими дверями в боковых стенах и одной двустворчатой в торце. Именно за ней располагалась гостиная, отличавшаяся от остальных помещений разве что наличием столика, дивана и нескольких довольно потертых кресел.

Единственным ярким пятном в комнате оказался портрет, висящий напротив входа: изображенный на нем грузный пожилой мужчина был ослепительно рыжим, прямо-таки оранжевым, как лисапед Заськи.

И только тут Нина сообразила, что все это время катила местный аналог велосипеда за собой. И никто, совершенно никто, ей об этом не сказал: дворецкий ни на мгновение не изменил выражения лица, ошарашенная обстановкой Марлена не заметила бы сейчас даже танк, а Ракуну и вовсе было наплевать: увидев диван, он немедленно завалился на него прямо в сапогах.

Нина беспомощно повертела головой, пытаясь понять, куда можно поставить лисапед, и в итоге не придумала ничего лучшего, чем прислонить его к стенке. Не в дверях же бросать, в самом деле!

Дворецкий незаметно исчез, но вскоре вернулся с кофейником и чашками.

— Опять эта гадость? — поморщился Ракун. — У вас что, другие напитки закончились?

Слуга ничего не ответил и снова скрылся за дверью.

— Почему ты не любишь кофе? — не сдержала любопытства Нина, подсаживаясь к столику. И только тогда поняла, как же она, оказывается, устала. Сидеть в мягком кресле оказалось сродни блаженству.

— Какая разница?

— Интересно. Он же вкусный. — Нина подняла чашку, с наслаждением принялась, сделала глоток. И сразу же раскаялась в своих словах.

Кофе был безумно, нечеловечески крепкий и горький, плохо процеженные крупинки хрустели на зубах, а сахара не имелось и в помине.

— Нравится? — поинтересовался мужской голос от дверей. И это совершенно точно был не дворецкий.

— Да, очень, — подтвердила Нина, и для этого ей понадобилось немалое самообладание. И еще большее — чтобы не вздрогнуть и не выронить чашку, а осторожно поставить ее на столик и, спокойно обернувшись, разглядеть вошедшего.

Стоящий в дверях мужчина оказался почти точной копией портрета: ослепительно рыжий,

полноватый, с невыразительным бледным лицом и такими же бледными глазами. Разве что заметно моложе — ему было на вид лет сорок, а человеку с портрета, пожалуй, под шестьдесят.

Хотя, учитывая волшебное средство для омоложения, внешность совершенно ничего не значила.

— А по мне — пить невозможно, — заметил вошедший. — Моя кухарка совершенно не умеет варить кофе.

— Тогда зачем предложил? — буркнул с дивана Ракун. Он даже не подумал встать или каким-то другим образом выразить уважение хозяину дома.

— Тебя позлить, — улыбнулся мужчина, опускаясь в свободное кресло. Улыбка у него оказалась неожиданно приятной, мягкой.

— У тебя получилось. Алекс, мне срочно нужен Силь.

— Не мешало бы для начала поздороваться. И представить своих спутниц. И переодеться. Это во-первых. А во-вторых, с чего ты взял, что он здесь?

— Я понятия не имею, где он, просто не горю желанием тащиться в Исток, весь день мотаться там, разыскивая его по барам, ночлежкам и притонам, чтобы потом выяснить, что все это время он находился у тебя. Особенно в таком виде. Потому что, да, мне не мешало бы переодеться.

— И?

— Что «и»? — Ракун поднял на рыжего удивленные глаза и наконец-то соблаговолил сесть нормально.

Хозяин дома закинул ногу на ногу, достал из кармана портсигар, извлек сигару, не торопясь, со вкусом, закурил. И только после нескольких затяжек пояснил:

— Тебе нужен Силь и переодеться, но ты не пошел к нему на работу, а нагрязнул ко мне, причем до сих пор не поздоровался. И?

— Здравствуй, — огрызнулся магос. — Алекс, у меня проблемы. Возможно, меня ищут. Не хочу его подставлять.

— А меня подставлять можно?

— Да кому ты нужен?

— Девушки, как вы этого хама вообще терпите? — развернулся к гостям хозяин дома.

— С трудом, — созналась Нина. — Простите его, вчера выдался очень тяжелый день.

— Да у него каждый день тяжелее предыдущего, иначе почтенный магос изволит скучать и тосковать. — На бледном лице снова появилась улыбка, и Нина неуверенно улыбнулась в ответ. — Вот так-то лучше. Что ж, давайте знакомиться. Меня зовут Александр Лисар, и я имею несчастье быть старым другом вашего спутника. А к вам как обращаться, милые дамы?

— Марлена Флувис, — представилась трактирщица. — Приятно познакомиться, господин

Лисар.

Она все еще отчаянно стеснялась, но уже достаточно совладала с собой, чтобы не сидеть на краешке кресла, уставившись в пол. Более того, Нине даже показалось, что здесь, в этой старомодной гостиной, девушка смотрится гораздо уместнее, чем она сама. В конце концов, Марлена из этого мира, из этой эпохи и уж точно знает, как себя вести, даже если из родной деревни выезжала два с половиной раза. И у нее нормальная для местного слуха фамилия, даже красивая.

— Ну а вы, госпожа? — повернулся к Нине Лисар.

— А она не госпожа, — хмыкнул со своего места Ракун.

— Я не тебя спрашиваю. Итак?

Нина вопросительно глянула на мага. Если хозяин дома представился полным именем, то, наверное, ей тоже можно. Или все-таки нет? И если нет, то что говорить? Не выхухолью же себя называть, в самом-то деле. Уже не смешно.

Ракун предостерегающе мотнул головой, но Лисар каким-то чудом уловил его движение и замешательство Нины, нахмурился и обернулся к дивану:

— Ты ей рассказал?

— Просто предупредил, что не стоит светить имя, — развел руками магос. — Ничего больше.

— Что он должен был рассказать? — сразу же отреагировала Нина.

— Молчи, выхухоль.

— Почему «выхухоль»? — вежливо удивился Лисар.

— Потому что у некоторых дурацкое чувство юмора. — Нина вздохнула, мысленно смиряясь с тем, что в этом доме ее теперь тоже будут звать глупым прозвищем. — А вы имя не скрываете.

— У меня, к счастью, больше одного имени. Как, полагаю, у большинства присутствующих в этой комнате. Так что нет ничего страшного в том, что одно из них известно всем. Тем более что мое имя в некотором роде семейная традиция. Отца звали Александром, и деда тоже. — Лисар кивнул на портрет.

— Кстати, про деда, — снова вмешался магос. — Обрати-ка внимание на ту штуку в углу.

Хозяин дома повернулся к лисапеду, и на его лице немедленно отразился крайне разнообразный спектр эмоций, оно даже порозовело. Правда, Нина ожидала реакции вроде: «Кто притащил сюда это грязное старье?!» — а получила незамутненный восторг, словно мужчина увидел величайшее мировое сокровище. И это сокровище, судя по всему, стоило того, чтобы немедленно броситься к нему.

— Ну надо же, вторая модель! — воскликнул Лисар, с энтузиазмом ощупывая руль и счищая грязь с педалей. — И в каком хорошем состоянии! Не знал, что ими еще пользуются! Где вы раздобыли этот раритет?

— У нас в сарае, — созналась Марлена.

— Так вот, маленький экскурс в историю для жителей отдаленных деревень и других миров. — Ракун улыбнулся, явно довольный произведенным эффектом. — Когда-то это устройство называлось «лисаропед», по имени его создателя. Это потом уже упростили для краткости.

Марлена охнула, сообразив, в чьем доме они находятся, а вот на Нину информация особого эффекта не произвела. Внук известного изобретателя — это далеко не сам изобретатель. Да даже если бы и сам... Подумаешь, велосипед изобрел. Вот если бы ракету или компьютер — другое дело!

Сам хозяин дома тоже не выглядел слишком довольным своей известностью. Кажется, ему даже стало немного стыдно за прилюдные объятия с лисаропедом, поэтому он торопливо отряхнулся, выпрямился и попытался сделать серьезное лицо. Хотя вряд ли его пафосный вид мог теперь кого-то обмануть. Особенно Нину, которая и вовсе смотрела не на лицо Лисара, а на его руки, покрытые мозолями, мелкими ссадинами и какими-то темными, намертво въевшимися в кожу пятнами. Такие руки могли бы быть у автомеханика, а не у дворянина, аристократа, или кто он там...

Кто он, кстати?

Лисар не походил на простого горожанина, слишком богатый дом, да и с Ракуном он общался как с равным. Но никаких украшений у мужчины на первый взгляд не обнаружилось — ни сережек, ни колец, ничего, содержащего камни. Хотя из-под ворота рубашки выглядывала какая-то цепочка...

Лисар поймал взгляд Нины и вопросительно склонил голову:

— Что-то хотели, дорогая безымянная гостья?

— Вы магос или нет? — напрямик спросила Нина. Наверное, она могла бы и как-то поизящнее сформулировать, но никакой подходящей фразы в голову не пришло.

— Нет, — ничуть не удивился вопросу Лисар. — Не магос и даже не наследник. Хотя мог бы им стать, если бы дед думал об интересах семьи немного больше, чем о политике.

Все не сговариваясь повернулись к портрету.

Кроме Ракуна. Он резко поднялся и направился к дверям, бросив на ходу:

— Я в душ. Пожалуйста, прекрати тянуть время и найди мне одежду и Силя. В произвольном порядке. Мы погостим у тебя пару дней.

— Будет исполнено, достопочтенный магос, — язвительно буркнул ему в спину Лисар и обернулся к гостям. — Думаю, вам тоже стоит привести себя в порядок. К сожалению, в доме нет женской одежды, поэтому вынужден предложить вам воспользоваться мужским гардеробом, если это не противоречит вашим взглядам и убеждениям.

Убеждениям Нины чужая мужская одежда не противоречила совершенно. Более того, она всерьез считала, что местные вещи будут смотреться на ней приличнее, чем разноцветные и обтягивающие шмотки Алины. Марлена тоже заверила, что все в порядке, она рада любой помощи, и Лисар сам повел девушек на второй этаж, где располагались комнаты для гостей.

Маршрут оказался гораздо более длинным и сложным, чем предполагалось. Кажется,

проектировщик дома был маниакальным фанатом извилистых коридоров и дверей, хаотично раскиданных по самым невероятным местам. Прямой лестницы на второй этаж не существовало, она поднималась только на один пролет, который выходил на узкую закрытую веранду, из которой вело несколько выходов. Среди них требовалось выбрать правый, затем пройти через анфиладу темных, явно неиспользуемых комнат, и только тогда глазам открывалась новая лестница. А за ней, конечно же, новый лабиринт из коридоров.

Первое время Нина честно пыталась запоминать дорогу, но быстро сдалась.

— Все хочу указатели по стенам развесить, но руки не доходят, — виновато улыбнулся Лисар после очередного поворота. — Дедушка тот еще параноик, и дом строил с таким расчетом, чтобы любой незваный гость здесь просто заблудился. Еще и ловушек в стены напихал столько, что я до сих пор не уверен, что нашел все.

— Вы говорили, он увлекался политикой? — вежливо поддержала беседу Марлена.

— Увлекался — это мягко сказано. Старый лис погряз в ней по самые уши и охотно затаскивал туда же окружающих. В общем, это довольно грустная история, в результате которой он лишился большинства своих сбережений и головы, а вся семья — прав на наследование камня.

— Просто забрали камень — и все? Разве так можно? — удивилась Нина.

— Можно. Редко, но случается, что кого-то лишают камня по решению суда. Проводят специальный обряд — и линия наследования прерывается, а сам камень уходит в фонд.

— А вернуть его потом как? — заинтересовалась Марлена, и в этот момент она явно думала не об абстрактном камне лисаровского деда, а о своем собственном.

— Написать заявление и надеяться, что его не отклонят. При необходимости повторить через десять лет. — Лисар вздохнул, потер переносицу и добавил: — Мое отклонили уже трижды... Кстати, мы пришли. Вот ваши комнаты, располагайтесь. Я распорядюсь, чтобы принесли одежду, а к обеду вас пригласят. И, пожалуйста, не пытайтесь перемещаться по дому без сопровождения.

Комнаты для гостей напоминали отдельную квартиру: две спальни, выходящие в общую гостиную, туалет и ванная. В ванной, к восторгу Нины, обнаружилась горячая вода. Смеситель, правда, отсутствовал, только два крана со здоровенными латунными вентилями: из одного тек едва ли не кипящий поток, из второго — ледяной.

Но после ночевки под открытым небом это казалось досадной мелочью, а не проблемой. Тем более что в качестве компенсации предлагался огромный набор разнообразных баночек с шампунями. По крайней мере пахли они как шампуни. И глаза щипали как шампуни.

Мышцы слегка ныли после вчерашнего велосипедного марш-броска, но боль быстро растворилась в воде, и Нина с удивлением отметила, что чувствует себя прекрасно, по крайней мере физически. Омолодившийся организм воспринимал нагрузки чуть ли не с благодарностью.

С душой все обстояло намного сложнее, там творился совершеннейший хаос: беспокойство за Алинку, шок от пребывания в другом мире, магия и арфактумы, лошади и машины, чужие люди и осколки их биографий, дом, напоминающий лабиринт, Ракун, то насмехающийся, то спасающий в последний момент, — все это смешивалось друг с другом, варилось, как в

огромном котле, булькало, шипело и изредка выплескивалось наружу. Но Нина понимала: если сейчас она нырнет в этот котел, пытаясь разобраться, то просто сварится целиком. Проще было не трогать этот безумный коктейль, а то и вообще не думать о нем. По крайней мере до той поры, когда все закончится и появится возможность запереться где-нибудь и нарветься вволю.

Когда-нибудь.

Не сейчас.

Нина решительно вылезла из ванной, закуталась в здоровенное махровое полотенце (гостевых халатов и тапочек местный сервис, к сожалению, не предусматривал), босиком пошлепала в их маленькую гостиную. И обнаружила Марлену в состоянии, близком к истерике. Девушка стояла посреди комнаты, идеально прямая, с поджатыми губами, зажмуренными глазами — и явно пыталась не разрыдаться.

— Что случилось? — встревожилась Нина.

— Вот это! — буркнула Марлена и раздраженно дернула цепочку на запястье. — И все остальное тоже!

Нина понимающе улыбнулась. Видимо, не только у нее внутри эмоции бурлили и требовали выхода, но трактирщица со своими самостоятельно справиться не могла. По крайней мере сейчас. Пришлось брать ее за руку и чуть ли не силой усаживать в кресло.

Помогло мало, девушка все еще была на грани истерики, но теперь хотя бы не изображала памятник. Нина огляделась в поисках какой-нибудь чашки, не нашла, вернулась в ванную, вытряхнула из стакана новые зубные щетки, налила воды и сунула несчастной страдалице:

— Выпей и объясни толком, что стряслось?

Марлена, лязгая зубами о край стакана, сделала большой глоток. Затем еще один, уже более уверенный.

— Просто все как-то разом навалилось, — прошептала она. — Я никогда так далеко не уезжала из дома. Никогда не расставалась с Заськой. Не думала, что все получится так...

— Но ты же хотела уехать, — удивилась Нина. — Даже мечтала. Причем не сюда уехать, а в Исток, а это ведь гораздо дальше.

— Мечтала. Но мечтать — это одно. А когда реальность... Кажется, я не готова. Я не знаю, как себя вести, не знаю, что делать. Я даже не знаю, как половина всех этих вещей называется. — Девушка обвела рукой гостиную, чуть не расплескав остатки воды из стакана.

— Ты сидишь на диване, а перед тобой стол, — охотно подсказала Нина.

— Да я же не об этом. Тут ковры, картины, мебель — я даже дышать на все это боюсь. Мы пойдем на обед, а там посуда, вилки-ложки, салфетки всякие... вдруг я что-то не то возьму? Или что-то не то скажу? Вы мыться пошли, я зашла в соседнюю комнату... ну, понимаете, надо было... А там унитаз. Я знаю, что это унитаз, я про него слышала от знакомых, но никогда в жизни не видела. Я им даже пользоваться не умею! Какая из меня клисса, я же деревенщина!

Марлена все-таки разрыдалась, закрыв руками искажившееся лицо и едва не уронив при этом

стакан.

— Ну все, все, успокойся. — Нина приобняла девушку и погладила по судорожно вздрагивающим плечам. — Мне тоже страшно, и я тоже никогда не уезжала так далеко от дома. И понятия не имею, какая там вилка для рыбы, а какая для дефлопе. Ничего, прорвемся! А унитаз... подумаешь, нашла проблему! Пошли, объясню, как пользоваться.

Трактирщица встала, сделала несколько неуверенных шагов в нужном направлении и снова замерла.

— А вдруг мне камень не отдадут? Этот человек, Лисар, он сказал, что могут не отдать. И что, получается, все зря?

Вот это действительно была проблема. Не для Нины, конечно. В конце концов, какое ей дело до бед деревенской девчонки, с которой они всего-то второй день знакомы? Особенно если вспомнить, что именно из-за этой девчонки Ракурн чуть не лишился своего камня. То, что он ее после этого не пришиб сгоряча, можно считать чудом. А то, что не бросил посреди дороги и взял с собой в дом к другу, вообще заставляло думать, что магос внутри гораздо добрее, чем хочет казаться.

Но Нина и сама постоянно ловила себя на мысли, что жалеет Марлену. Девчонка испугалась, запуталась, хотела как лучше, но наделала глупостей — и очень боялась не суметь, не выдержать. И еще больше боялась показать собственный страх, и этим до безумия напоминала Алинку. Хотя на первый взгляд у высокой фигуристой блондинки и худенькой большеглазой брюнетки не имелось совершенно ничего общего.

Конечно, кроме того, что обе они были упрямыми и мечтательными малолетними дурочками и с детства хотели стать волшебницами.

— Камень, камень... — вздохнула Нина, легонько подталкивая трактирщицу в спину. — Вот если не отдадут, тогда и начнешь думать. А заранее на плохое настраиваться — гиблое дело. Так что выше нос!

Марлена тряхнула головой — не то кивнула, не то попыталась разогнать грустные мысли. И решительно шагнула в сторону туалета.

Через несколько минут, когда Нина объяснила девушке все необходимое и загнала отмокать в ванную, в дверь постучали.

— Открыто, — бросила Нина прежде, чем успела сообразить, насколько прилично в этом доме и в этом мире встречать посетителей, завернувшись в полотенце.

Вошедший дворецкий равнодушно скользнул взглядом по полуобнаженной фигуре, положил на кресло стопку одежды, сообщил, что обед будет сервирован через час, и удалился. Чтобы сразу же постучать в соседнюю дверь.

— Да? — раздался из-за стены голос Ракуна.

— Господин Лисар просил передать, что ждет вас в кабинете.

— Отлично, сейчас спущусь.

В коридоре раздались шаги: дворецкий спешил по своим делам. Видимо, магоса сопровождать не требовалось, он и без эскорта прекрасно перемещался по дому, напичканному ловушками.

Нина торопливо натянула первые попавшиеся штаны и рубашку, неожиданно оказавшиеся почти впору. Видимо, Лисар пожертвовал гостям не свою одежду, а чью-то еще, сам-то он был раза в два крупнее. Обувки не принесли, пришлось снова влезать в Алинкины кроссовки. Женщина быстро огляделась, пытаясь сообразить, не забыла ли что-нибудь важное, и внезапно замерла, уткнувшись взглядом в здоровенное зеркало, висящее на стене.

В зеркале отразилась растрепанная девочка-подросток с влажными, торчащими во все стороны волосами, и Нина с удивлением сообразила, что впервые видит себя после омоложения. Так вот, значит, какая она теперь...

Конечно, женщина прекрасно помнила, как выглядела двадцать лет назад, и знала, что сейчас выглядит точно так же. Но одно дело — знать в теории, и совсем другое — собственными глазами видеть непривычно молодое лицо. Она же теперь ребенок совсем, Алинкина ровесница!

Только взгляд не такой, как раньше, — слишком взрослый, настороженный и слегка испуганный. Ну да, в этой ситуации любой бы испугался.

Соседняя дверь хлопнула, в коридоре снова зазвучали шаги — более громкие и быстрые, чем у дворецкого. Нина осторожно выглянула из комнаты, успела заметить спину магоса, сворачивающего за угол, и отправилась следом, сама не вполне понимая, зачем это делает.

Видимо, молодость сказывалась не только на внешности, но и на поступках. Нина вела себя как ребенок, осознавала это, но даже не пыталась остановиться и вернуться обратно. Стало безумно любопытно, о чем Ракун собирается беседовать с Лисаром. Да, они старые друзья, и у них, наверное, тысячи общих тем для разговора, но вдруг речь пойдет об Алине? Или о ней, Нине? Вдруг обсуждать начнут что-то, что ей знать не положено? Тогда тем более необходимо все выяснить!

Кроссовки касались пола мягко, почти беззвучно, зато шаги магоса слышались издалека, поэтому следить за ним оказалось несложно. Да и идти пришлось недолго: пара поворотов и короткая лестница вниз, и Нина оказалась в просторной комнате с огромным панорамным окном вместо одной стены. Напротив него стояли низкая засаленная банкетка и разлапистый фикус в кадке, отчего помещение напоминало приемную какого-то офиса. Не хватало разве что таблички с именем-фамилией на двери, за которой скрылся Ракун. Видимо, там и находился кабинет.

Окно выходило во внутренний двор, но рассмотреть его женщина не успела, потому что за дверью вдруг раздался грохот и сразу за ним сдавленное мычание, больше похожее на сдерживаемый с трудом крик. Нина подскочила поближе, прислушалась.

— Давно он там? — Голос Ракуна звучал взволнованно.

— Третий день. — Вторым собеседником совершенно точно был Лисар. Разговор велся чуть ли не шепотом, но слышала Нина хорошо: похоже, оба стояли у самой двери.

— Так долго?

— Приступы становятся все длиннее. Надеюсь, к вечеру отпустит.

Мычание повторилось, перешло в едва слышный протяжный стон. Кто бы ни издавал эти звуки, он находился от входа намного дальше собеседников.

— Паршиво, — мрачно прокомментировал магос. — Он способен сейчас адекватно соображать?

— Я тебя вообще-то слышу, морда полосатая! — хрипло прозвучало издалека. Говоривший делал длинные паузы, переводя дыхание после каждого слова, голос его дрожал.

— Силь, мы можем войти? — осторожно спросил Лисар.

— Дайте мне пять минут, — выдохнул голос.

Снова загрохотало, затем заскрипело, как будто кто-то с трудом двигал по полу шкаф, потом некоторое время не было слышно ничего. Или это сердце Нины билось так громко, что заглушало остальные звуки? Она стояла, прижавшись ухом к щели между дверью и косяком, и мучительно боялась пропустить что-то важное или выдать себя неосторожным движением.

Пять минут показались вечностью. Причем не только для нее, но и для ожидающих в комнате мужчин.

— Может, окно открыть? Духотища же, — приглушенно спросил Ракур. — Я уже взмок.

— Не вздумай, ему так легче, — так же шепотом ответил Лисар. — Выйди, проветришь. Я позову.

Дверь распахнулась быстрее, чем Нина успела отскочить. Застуканная с поличным шпионка оказалась лицом к лицу с магосом. И выражение этого лица не обещало ничего хорошего.

— Женщина, что ты здесь делаешь?

— Судя по всему, подписываю себе смертный приговор... — вздохнула Нина.

Ну действительно, зачем глупые отговорки, когда и так все понятно.

— До смертного приговора пока далеко, а вот подписка о неразглашении уже близко, — вклинился в разговор Лисар, поглядывая на женщину с укоризной, но без особой злобы. — Предупредил же, чтобы без сопровождения по дому не ходили.

— Простите, — торопливо ответила Нина. — Я признаю, что сделала глупость. Обещаю молчать. Хотя пока не совсем понимаю, о чем.

Мужчины переглянулись.

— И что с тобой теперь делать? — слегка раздраженно поинтересовался Ракур.

— А что ты с Марленкой сделал? Волшебный браслетик на руку — отличная гарантия молчания.

— На всех болтливых женщин браслетиков не напасешься. Иди к себе и без моего разрешения не высывайся, потом поговорим.

Нина оглянулась на выход из приемной и неожиданно обнаружила сразу несколько арочных проходов. Она совершенно не помнила, через какой попала сюда. Пришлось смущенно признаться:

— Сомневаюсь, что найду обратную дорогу.

— Выхухоль! — рыкнул магос, и в это слово каким-то чудом уместилось все, что он думал об умственных способностях стоящей перед ним женщины.

И сама Нина была с ним в этот момент абсолютно согласна. Ей стало отчаянно стыдно.

— Закройте дверь, идиоты! — прохрипели из комнаты. — Ракун, тащи свою бабу сюда, сам разберусь.

— Она не моя, — огрызнулся магос.

— Твои проблемы. Шевелись и хватит выстуживать мой кабинет.

— Это мой кабинет, — осторожно напомнил Лисар, втаскивая Ракуна и Нину внутрь и закрывая дверь.

— Сейчас — мой!

В кабинете оказалось темно и душно, пахло апельсинами и еще чем-то сладким, напоминающим жженый сахар. Единственное окно занавешивала плотная ткань, а других источников света не было вовсе, поэтому разглядеть удалось только стол, заваленный бумагами, и несколько шкафов вдоль стен, а дальняя от окна часть комнаты скрывалась во мраке. И именно туда направились мужчины, увлекая Нину за собой. В результате она едва не напоролась на темную ширму, перегородившую комнату.

Лисар сдвинул одну из секций ширмы в сторону и нырнул в хрипло дышащую темноту. Нина замерла, собираясь с духом. Судя по звукам и гнетущей атмосфере, за перегородкой скрывался по меньшей мере Дарт Вейдер.

— Иди уже, — подтолкнул женщину в спину Ракун.

И она обреченно шагнула вперед.

Первым делом в глаза бросился камин. Дров в нем не было, зато на каменной плите лежал здоровенный булыжник, отсвечивающий красным, как догорающие угли в костре. И тепло от этого булыжника шло в точности как от костра, потому в этой части комнаты оказалось еще жарче. И сладко-горелый запах тоже стал сильнее, настолько, что начала кружиться голова.

В мерцающих отблесках местного обогревателя Нина рассматривала обстановку: кушетка с мягким, перекрученным бельем выглядела так, как будто с нее только что встали, пара стульев, еще один стол, поменьше предыдущего, за которым виднелось огромное, очень массивное кресло.

Из-за размеров кресла человек, сидящий в нем, смотрелся совсем крошечным. Впрочем, насколько Нина могла судить, он и так был не слишком крупным. Местный Дарт Вейдер на вид казался очень юным, совсем подростком, и напоминал старинную фарфоровую куклу: хрупкий, миниатюрный, с очень бледной кожей, тонкими чертами лица и неожиданно яркими, пронзительно-синими глазами. Светлые вьющиеся волосы чуть ниже плеч дополняли облик юноши, делая его похожим на ангела, неизвестно как очутившегося в этом грешном мире.

Но грешный мир к ангелу явно относился очень жестоко, поэтому сейчас локоны висели

слипшимися сосульками, белки глаз покраснели от полопавшихся сосудов, губы были искусаны до крови, ногти обломались, а на щеке виднелись длинные свежие царапины. Несмотря на духоту, он кутался в теплый халат и зябко ежился.

Заметив вошедших, юноша попытался встать, но сил у него хватило только на то, чтобы чуть приподняться и сразу же рухнуть в кресло.

— Ты почему не в постели? — набросился на него Лисар.

— Дел полно, — буркнул тот, кивая на заваленную бумагами столешницу. Между папками, книгами, подшивками и разрозненными листами тут и там валялись какие-то склянки, блистеры от таблеток и использованные шприцы.

Нина ощутила, как страх растворяется, уступая место жалости. Впрочем, не похоже, что этот человек позволял кому-то себя жалеть. Ему явно было очень плохо, но он не кичился своим состоянием, как некоторые больные, хотя и не пытался его скрыть. Глупо скрывать очевидное.

Что с ним такое, интересно? И не заразно ли это?

— Прошу прощения за мой вид, — произнес юноша, обращаясь в первую очередь к Нине. Хриплый сорванный голос резко контрастировал с ангелоподобной внешностью, впечатление это производило жутковатое. — И раз уж вы здесь, сразу предупреждаю: то, что вы видите, является государственной тайной. Садитесь.

Нина опустила на ближайший стул, Ракун развалился на кушетке, небрежно сдвинув все белье на один край. Лисар, к которому требование, судя по всему, не относилось, спокойно прошел к столу и начал убирать с него все ненужное — кроме упаковок от лекарств в мусор отправились обертки от шоколада, апельсиновые корки и огрызки карандашей. Последних набралось особенно много, даже сейчас юноша вертел один из них в бледных пальцах.

И сколько ему на самом деле лет? Выглядит едва на шестнадцать, но держится намного взрослее того же Ракуна. Хотя, похоже, что все они, включая Лисара, ровесники.

— Извините, что я так влезла... — робко начала Нина, но хозяин кабинета оборвал ее взглядом и обернулся к магосу:

— Зачем пришел? Очень коротко.

— За информацией, — спокойно ответил Ракун. — Мне нужно все, что у тебя есть на одного милита. Он занимался делом моего брата и Галины, когда...

— Виктор Долан. — Юноша подтянул к себе ближайший лист бумаги и начал писать прямо поверх старых строчек.

— Ты что, их всех наизусть помнишь?

— Большинство. Хорошо, будет. Дальше?

— Моя племянница Алина, восемнадцать лет. И два ее камня в придачу. Девушку похитили вчера утром к югу отсюда, возле Заречья, возможно, этот самый Долан. Фото будет, если найду, но...

— Найди. И... — Юноша запнулся на мгновение, болезненно дернулся, карандаш дрогнул,

оставляя на бумаге лишний штрих. — Ее внешность и приметы мне в письменном виде, подробно. И все обстоятельства похищения, тоже письменно. От обоих. Позже прочитаю.

Нина кивнула. Подходящая фотография среди Алинкиных вещей точно найдется, она видела ее накануне.

— Нужны адреса скупщиков краденого здесь, в Викене, — продолжал Ракур. — Из тех, кто по арфактумам. И узнать, не покупал ли кто-то из них чужие камни.

— Чужие камни? — удивленно переспросил Лисар, отвлекаясь от наведения порядка. — Как это вообще возможно?

— Как выяснилось, вполне возможно.

— Это все? — нервно спросил юноша.

— А ты еще в состоянии слушать?

— Нет. — Бледные обкусанные губы растянулись в слабое подобие улыбки. — Остальное письменно... или завтра.

— Браслет, — вспомнила Нина. — Браслет, на который приходят сообщения. Если его можно отследить, то...

— Завтра, — едва слышно выдохнул юноша и вдруг дернулся назад, вжался в спинку кресла, застонал сквозь зубы. Карандаш в его руке хрустнул и развалился на две половинки.

— Пошли все вон! — гаркнул Лисар, меняясь в лице.

Ракур не заставил себя упрашивать и выскользнул наружу, увлекая за собой Нину. И только когда дверь за ними захлопнулась, обнаружилось, что Лисар остался внутри. Из кабинета доносился его голос, неразборчиво шепчущий что-то успокаивающее и заглушающий чужие хриплые стоны.

— Пошли. Не надо тебе это слушать. — Ракур взял Нину за руку и решительно потянул к нужному выходу.

Она не сопротивлялась, только с наслаждением вдыхала свежий воздух. После кабинетной духоты и навязчивых сладких ароматов мысли в голове текли вязко, неспешно, и тело ощущалось как чужое.

— У него какая-то болезнь?

— Нет, результат одного хитрого проклятия.

— И что именно является государственной тайной? Само проклятие, существование этого человека или его нахождение здесь? — свела концы с концами Нина.

— Все перечисленное, — хмыкнул магос. — Вот и что с тобой теперь делать, с такой умной и такой любопытной?

— Рассказать все как есть. Кто он? Надеюсь, не какой-нибудь беглый принц?

— Да брось, какой из него принц? Всего-навсего заместитель начальника внешней разведки

Истока по первому витку.

Нина прикинула масштаб проблемы и уважительно протянула:

— Ничего себе «всего-навсего».

Наверное, если бы этот странный тип действительно оказался принцем или даже королем, она бы удивилась куда меньше. В конце концов, король всего лишь глава одного конкретного государства. А измученный хрупкий человек в огромном кресле, получается, занимает довольно высокий пост в целой системе миров.

И тут они к нему со своими проблемами...

— А он точно нам поможет?

— По крайней мере информацию по своим каналам поищет, как только придет в норму. А может, и раньше. Но если что, не забудь: ты его не видела. Ни в этом доме, ни в этом мире. И особенно — в таком состоянии.

— Конечно не видела. Вообще не представляю, о ком ты, — улыбнулась Нина. — Я ведь даже не знаю, как его зовут.

— Александр Силь, — легко нарушил секретность Ракун. И недоуменно потрянул головой, удивляясь собственному приступу откровенности.

— Не многовато ли Александров на единицу площади?

— По статистике, это одно из самых популярных имен среди официальных.

— Тебя, случайно, не так же по документам зовут?

— Нет, у моих родителей была гораздо более извращенная фантазия.

Ракун подвел Нину к дверям ее комнаты, и только тогда она сообразила, что он все еще держит ее за руку. И вообще стоит как-то очень близко. Отмытый, чисто выбритый и пахнущий чем-то аппетитно-пряным. Куда приятнее той гадости, насквозь пропитавшей кабинет.

Нина принялась:

— Это что, корица?

— Это один рыжий придурок надо мной издевается и подсовывает то кофе, то дурацкие шампуни, — поморщился магос. — Скоро совсем в детство впадет, начнет кнопки на стул подкладывать.

— Да ладно тебе, очень приятный запах. Ты теперь пахнешь как имбирный пряник.

Судя по выражению лица Ракуна, с пряником его еще не сравнивали. И это сравнение его не обрадовало.

— Нарываешься, женщина!

— Пряник, — хихикнула Нина, чувствуя непонятную эйфорию. Голова вдруг стала легкой, как

после шампанского. Хотелось делать глупости и самой же над ними смеяться. — Пря-а-а-аник!

Лицо магоса озарилось пониманием.

— Ты этой дрянью надышалась, что ли? Когда успела, мы же в кабинете и были-то всего несколько минут? А ну возьми себя в руки!

Она честно попыталась. Безуспешно. Где-то внутри еще теплились остатки сознания, и настоящая Нина в этот момент мысленно билась головой о стену, но сделать с собой ничего не могла, потому что внешней оболочке хотелось тыкаться носом в волосы Ракуна и орать: «Имбирный пряник! Рождественский!» А еще хотелось попробовать его на вкус, вдруг он и сам как пряник. Лизнуть в шею, например...

Она и лизнула.

Этого магос уже не выдержал: пинком распахнул дверь, схватил женщину в охапку и потащил ее в ванную. Где открыл на полную мощность кран с холодной водой и засунул под струю голову истерически хихикающей Нины.

Сразу же раздался неуверенный, но от этого не менее громкий визг. Почему-то сбоку.

Ракун удивленно повернул голову на звук и увидел замершую в углу Марлену, совершенно голую, не считая цепочки на запястье. Трактирщица как раз потянулась за полотенцем, уронила его от неожиданности, поэтому даже прикрыться толком не успела, так и застыла, боясь лишний раз шевельнуться. Фигура у нее оказалась, надо сказать, очень даже неплохая, любоваться можно было долго.

Он и любовался, пока не прервали.

— Отпусти, я уже в норме, — произнесла Нина совершенно трезвым голосом, пытаясь вырваться из захвата. Ракун послушно разжал руки — не хватало еще, чтобы захлебнулась.

Жертва силевской ароматерапии выглядела довольно жалко: по волосам стекали потоки воды, рубашка насквозь вымокла и крайне аппетитно просвечивала в нужных местах. Грудь была, конечно, поменьше, чем у трактирщицы, но тоже достойная внимания.

— Вот ты енот-потаскун, а! — фыркнула Нина, поймав взгляд магоса.

— Полоскун, — машинально поправил Ракун и ухмыльнулся. — Тебя вон как хорошо прополоскал, сразу мозги на место встали.

— Пряник имбирный! — буркнула женщина, отжимая волосы.

— Выхухоль!

— Кобелина!

— Зануда!

— Не стану вам мешать, — пробормотала Марлена и, укутавшись наконец-то в полотенце, выскользнула из ванной.

Хлопнувшая дверь сработала как стоп-кран. Нина решительно тряхнула головой, пытаясь избавиться от остатков дурмана. Котел с эмоциями бурлил все сильнее, и держать это адское

варево под контролем становилось сложнее с каждой секундой.

Но она все-таки постаралась и как можно спокойнее произнесла:

— Прости. Не знаю, что на меня нашло.

— Бывает, — пожал плечами магос. — Я пойду к себе. Если еще раз захочешь меня лизнуть — заходи.

И спокойно вышел, прихватив с полки ближайшую баночку с шампунем.

Нина выдохнула, присела на край ванны и закрыла руками горящее от стыда лицо. Да что же сегодня за день такой дурацкий, все наперекосяк! А может, и не день виноват, а она сама такая недотепа? Ведь все одним и тем же воздухом дышали, почему только ее пробрало? Да еще так внезапно и глупо.

Сейчас голова снова работала как надо и услужливо подсовывала все, забытое накануне из-за обилия событий и впечатлений. Точно, самое главное не сделали!

Нина сорвалась с места и выскочила в коридор, успев перехватить Ракуна у дверей его комнаты.

— Уже соскучилась? — язвительно поинтересовался мужчина.

— Перебьешься! — отмахнулась она. — Отправь Алинке сообщение, пожалуйста. Ну, что мы ее ищем...

Магос замер, вцепившись в дверную ручку. Натянуто улыбнулся:

— Еще утром отправил. Не дошло.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой речь идет в основном об арфактумах

Рубашка была мокрая насквозь и вряд ли успела бы высохнуть до обеда, поэтому пришлось закопаться в чемодан Алины, безуспешно пытаясь найти хоть какую-то приличную одежду: то есть без покемонов, имперских штурмовиков, символики Хогвартса и разноцветного далека в ромашках. Не то чтобы Нина имела что-то против далекое или ромашек, но в атмосфере пафосного особняка они смотрелись не слишком уместно. Как и шорты, короткие пестрые юбки и художественно-рваные джинсы, которые неугомонная девчонка искренне считала идеальной одеждой.

В итоге, когда в дверь постучали, Нина натянула на себя первую попавшуюся футболку — со злобным енотом, вооруженным бластером — и невольно хихикнула. Ладно, пусть будет енот. В некотором роде это даже символично.

Столовая в доме Лисара была напрочь лишена той возвышенной чопорности, какую так любят изображать в исторических фильмах. Нине даже показалось, что это единственное уютное помещение в темном и давящем здании — оно оказалось небольшим и очень светлым, овальный стол окружали массивные удобные стулья, по стенам висели фарфоровые тарелочки с пейзажами, в углу стояла здоровенная клетка с разноцветными канарейками. Идиллия, да и только!

Кормили здесь тоже вкусно и вполне привычными вещами; кухарке однозначно удавалось все,

кроме кофе. А кофе, как назло, хотелось, и Нина всерьез задумалась, можно ли сварить его самостоятельно (если каким-то образом найти кухню, конечно).

Обед прошел в дружелюбной атмосфере искреннего притворства.

Марлена отчаянно стеснялась и боялась, но изо всех сил строила из себя светскую даму. Кстати, почти получалось.

Лисар увлеченно рассказывал о новых способах преобразования энергии и каких-то там аккумуляторах и корчил из себя совершенно беззаботного человека. Только курил больше, чем ел, а на его руке, держащей сигару, Нина разглядела свежие царапины. Примерно такие могли бы остаться, если бы в кожу впился ногтями кто-нибудь, ничего не соображающий от боли.

Сама Нина ничего из себя не строила, с любопытством осматривалась и осваивалась, задавала вопросы и даже записывала некоторые ответы в блокнот. Но когда никто не видел — замирала, уставившись в стену пустыми глазами, и нервно комкала в руках салфетку.

А Ракун притворялся, что ничего не замечает и что его все устраивает.

Впрочем, его действительно многое устраивало: одежда была чистой, еда вкусной, из волос почти выветрился дурацкий запах пряностей, а необходимая для дальнейших действий информация уже перемещалась по многочисленным тайным и явным каналам, стекаясь в одну точку.

Кое-что добралось до магоса даже раньше, чем он рассчитывал. Сразу после обеда Лисар передал ему список скупщиков, работающих с арфактумами.

Большинство из них Ракун знал лично, еще некоторых — заочно, но попадались и такие, о которых он вообще никогда в жизни не слышал. Интересно, настолько хорошо прятались или просто занялись своим незаконным промыслом совсем недавно? В любом случае начать магос решил именно с последних, благо сразу два места находились совсем близко.

Конечно, он мог вообще никуда не ходить и наслаждаться тем, что камень вернулся на место, но больше заняться было все равно нечем. А сидеть взаперти и ждать, пока не появятся хоть какие-то новости про племянницу, очень не хотелось. Лучше уж побегать и размяться.

Нина сразу же сунула нос в список:

— Это те, кому Палек хотел продать твой камень?

— Возможно. Пробежусь по ним, пока других дел нет. Может, нарою что-нибудь.

— Тебе помочь?

В вопросе звучала твердая уверенность, что помощь необходима.

Скорее всего, помощь действительно была необходима, но самой Нине. Запереть ее сейчас в четырех стенах без новой информации и возможности действовать значило по возвращении найти женщину, накрутившую себя до предела. Кроме того, она действительно могла оказаться полезной: не идею подать, так хоть у дверей покараулить, чтобы всякие посторонние личности не лезли в серьезные разговоры.

Вот только Ракуну сейчас требовались трезвая голова и полная свобода действий, без

расспросов и нравоучений. С этой точки зрения иномирянка в помощницы никак не годилась. Можно, конечно, попросить у Лисара пару крепких парней, но если возникнут проблемы, не хотелось бы подставлять друга. Значит, надо выбирать из тех, кого не жалко.

— Эй, трактирщица, — окликнул он Марлену. — Помнишь того типа, что перекупил твой камень? Узнаешь его, если увидишь?

— Я же ребенком совсем была, господин магос. — Девушка задумалась, чуть прикрыла глаза, вспоминая. — Может, и узнаю, но поручиться не могу.

— Тогда собирайся, прогуляемся немного.

— А мне что делать? — удивилась Нина. Глаза у нее сразу стали как у брошенной собаки.

Как она вообще до своих лет дожила с таким подходом к жизни?!

— Откуда я знаю, женщина?! Почему я должен придумывать тебе занятие? Ну... книжки почитай по истории с географией. Алекс, у тебя же есть какая-нибудь литература кроме справочников по механике? Проводи даму в библиотеку, пусть развлекается.

Лисар посмотрел на Ракуна с явным неодобрением, но спорить не стал. Галантно предложил Нине руку и вывел ее из столовой. Магос скопировал его жест, но уже в отношении Марлены:

— Пойдем. Покажу тебе город.

И направился к противоположной двери. Благо в каждом помещении этого дома их было несколько. По задумке архитектора это, вероятно, могло помочь сбежать от какой-нибудь облавы. Хотя ни старшего Лисара, ни среднего подобная предусмотрительность не спасла.

— Зачем вы ее обижаете? — робко спросила трактирщица, как только они остались одни.

— Я просто привык использовать людей по назначению, — хмыкнул Ракун. — Сейчас ее место — в библиотеке, твое — рядом со мной.

Марлена смущенно опустила взгляд и одновременно с этим выпятила грудь. Получилось забавно, но соблазнительно. Прогулка обещала стать веселой.

После десятка проверенных магазинчиков, баров, лабораторий и одной комнатухи на чердаке боевой пыл магоса слегка поутих. Все опрошенные в один голос заявляли, что никогда в жизни не рискнули бы покупать чужие камни, даже если бы законные владельцы впихивали их им собственноручно. Мол, толку с этих штук никакого, куда их потом девать — непонятно, прятать от милитов и поисковиков из фонда тоже бесполезно. В общем, не дело бы вышло, а сплошной убыток.

В глубине души Ракун был со всем этим абсолютно согласен, но ведь Палек вез камень в Викену не для того, чтобы зарыть под ближайшим забором. Значит, требовалось искать заказчика и надеяться, что он вообще есть в списке. В последнем магос, честно говоря, сомневался, ведь даже Силь не мог знать всего.

Очередной адрес привел Ракуна в тупик, причем в самом прямом смысле слова. В списке значилась ювелирная лавка Фольта, но в указанном месте обнаружился только узенький просвет между двумя домами, заканчивающийся дощатым забором. Для очистки совести магос

прошел по проулку до самого конца, но ничего интересного не обнаружил. Стены смыкались так плотно, что пройти можно было только одному, и не обнаружилось в них никаких потайных дверей или подозрительных окошек. Да и забор оказался просто забором, кривоватым, не слишком высоким и с выломанной доской.

За забором виднелась широкая и людная улица. Ракун выглянул в дыру, осмотрелся и замер, наткнувшись взглядом на женщину, идущую по противоположной стороне дороги. Очень красивую, очень богатую и очень знакомую женщину.

Тина выглядела шикарно. Кажется, даже немного помолодела с их последней встречи. Она принадлежала к тем ярким брюнеткам, которые всегда приковывают к себе мужское внимание: томный взгляд, пухлые губы, прекрасные формы, ярко-алое платье — длинное, чтобы не смущать местных, но с таким глубоким декольте, что все встречные оглядывались (мужчины — с восхищением, женщины — с завистью). И точно такого же цвета камень на шее.

— Красивая, — вздохнула Марлена, подныривая под руку Ракуна, чтобы лучше разглядеть. — Господин магос, а мне такое платье пойдет?

Ракун усмехнулся этому неумелому кокетству и честно признался:

— Нет, цвет не твой.

Тина остановилась, словно почувствовав, что за ней наблюдают, и резко повернулась к забору. Ракун попытался отпрянуть в сторону, но для этого пришлось бы сначала отодвинуть Марлену, а сделать это в узком переулке не было никакой возможности. В итоге магос так и застыл — головой наружу.

Надежда, что бывшая любовница не узнает его после стольких лет, таяла с каждым мгновением. Тина смотрела прямо на Ракуна со странной смесью удивления, вожделения и недоверия, и от этого взгляда зудели все шрамы разом. Безумно хотелось прямо сейчас рвануть к ней, походя доломав забор и сбив с ног служанку, несущую за хозяйкой свертки с покупками. А потом схватить красотку в охапку, затащить куда-нибудь, да пусть даже в этот самый переулок, вжать в стену и целовать, долго, жадно, отрываясь разве для того, чтобы содрать платье, и...

...нельзя! Ради нее самой — нельзя!

Ракун выдохнул сквозь сжатые зубы, демонстративно улыбнулся и притянул к себе Марлену — так, чтобы даже на той стороне улицы не осталось сомнений, что происходит за забором. Трактирщица, успевшая вообразить невесть что, немедленно обняла магоса в ответ. Вот и умница!

Тина на это понятливо улыбнулась, подмигнула и пошла дальше по своим делам, прекрасная и недоступная, оставив мужчину гадать, почему из всех его бывших женщин он столкнулся именно с этой.

Шрамы все еще зудели, и Ракун нервно поскреб плечо. Пожалуй, если бы речь шла только о сохранности его шкуры, он бы рискнул и хотя бы поговорил. Но подставлять Тину нельзя было ни в коем случае, особенно при служанке.

Трактирщица негромко мурлыкнула и потерлась щекой о грудь магоса. Он торопливо разжал руки и отстранился, насколько позволяла ширина переулка. Не так уж много она, к слову, позволяла.

Хотелось выбраться куда-нибудь, где чуть меньше стен и чуть больше воздуха, но путь к спасительному выходу намертво отрезала Марлена. Протискиваться мимо нее Ракун не рискнул, чтобы не нарваться на еще одну порцию объятий, но быстро нашел другой способ сбежать — вышиб локтем ближайшую доску (благо она все равно гнилая была) и вывалился в дыру.

Трактирщица недовольно фыркнула, но полезла следом.

— Извините, конечно, но как-то вы странно себя ведете. Даже для мага.

Ракун не ответил, огляделся, пытаясь определить, где оказался, как теперь вернуться обратно, не ныряя в проулок, и надо ли это делать. И замер, наткнувшись взглядом на вывеску «Украшения от Фольта и сына». Оказывается, вход в ювелирную лавку находился на соседней улице.

— Кто это был? Ну, та женщина? — не унималась Марлена.

— Я тебя с собой взял вопросы задавать или делом заниматься? — нахмурился маг.

— Делом, — потупилась девушка.

— Тогда быстро выкинь все лишнее из головы, и пойдем выбирать тебе колечко. Учти, выбирать придется долго и старательно, пока я не скажу «хватит».

Трактирщица понятиливо кивнула, бросила быстрый взгляд в витрину магазина, улыбнулась собственному отражению, поправила прическу — и мигом стала похожа на светскую даму, по какой-то прихоти нацепившую не слишком подходящий ей по размеру мужской костюм. Ракун удовлетворенно кивнул. Несмотря на отсутствие образования и должного воспитания, девица быстро соображала и прекрасно умела притворяться. В любом случае маг был рад, что не оставил ее гнить в деревне, потому что такие таланты требуют применения.

По крайней мере длинноносый и вертлявый продавец в лавке ни на миг не усомнился, что заглянувшая пара собирается что-то купить. Ракун демонстративно скучал, а Марлена разглядывала выставленные в витрине драгоценности с таким видом, словно у нее дома их два ящика.

— Ну я не знаю... — тянула она, рассматривая очередное кольцо. — Узор нравится, но камни все портят. Это же рубины, да?

— Чистейшие рубины, госпожа, — угодливо кивал продавец.

— Вот в этом-то и проблема. Мой... друг считает, что красный мне не идет. Возможно, у вас есть другие камни?

— Если госпоже угодно, вы можете выбрать любое украшение, а камень мы при необходимости подберем индивидуально. Какие вас интересуют?

— Ох, я не уверена... Главное, чтобы натуральные. Для зачаровывания же подходят только натуральные? — Марлена с сомнением посмотрела на Ракуна, не переигрывает ли, но тот удовлетворенно кивнул. Разговор шел в верном направлении.

— Тогда, наверное, госпоже стоит посмотреть готовые арфактумы? — сразу же предложил

продавец.

— А у вас есть? Конечно, я посмотрю. Мы же посмотрим, милый?

«Милый» кивнул, пряча усмешку, и подумал, что, как только Силь придет в себя, надо обязательно показать этот самородок ему. Потому что выгорит ли у трактирщицы с камнем — непонятно, а работа по способностям для нее найдется точно.

Продавец, извинившись, нырнул в подсобку, долго звенел там ключами и наконец подтащил к прилавку резную деревянную шкатулку. Открыл и начал осторожно доставать предметы, по одному выкладывая их на прилавок:

— Вот это кольцо поможет отличить настоящее золото от подделки. Видите, мигает при прикосновении? Этот кулон определяет температуру тела... впрочем, вам вряд ли понадобится, чаще для детей берут. Также имеются светильники на любой вкус.

Ракун поморщился. Все предложенные арфактумы были автономными и довольно простенькими, разве что перед подругами покрасоваться. Если в лавке и хранились по-настоящему серьезные вещи, то демонстрировать их случайным покупателям не спешили.

Значит, придется спрашивать напрямую.

— А что-нибудь помощнее есть? — Ракун приблизился к прилавку, слегка приобнял Марлену, давая понять, что девушка его интересует больше, чем содержимое шкатулки. — Управляемые или настраиваемые?

— К сожалению, нет, достопочтенный магос. Мы все-таки ювелирная лавка, а не магическая, поэтому можем предложить только вещи, разрешенные к свободной продаже.

— А если у меня нет времени ходить к специалистам, а что-нибудь эксклюзивное хочется прямо сейчас? Возможно, у вас завалялось нечто, способное меня удивить, господин Фольт? Ведь я же правильно понимаю, что вы и есть владелец?

— Вы абсолютно правы, я и есть владелец. Но все равно ничем не могу вам помочь, — неожиданно твердо ответил мужчина. — Мы работаем только легально.

Врал, конечно. Работал бы легально — не попал бы в список Силя, тот в подобных вещах не ошибался. Но прямо сейчас предъявить торговцу было нечего, поэтому Ракун просто поставил мысленную галочку «перепроверить» и разочарованно развел руками:

— Жаль, жаль... А ты себе так ничего и не присмотрела, дорогая?

— Нет, — грустно поджала губки Марлена. — Разве что вот тот браслет, на смену моему старому. — И девушка выразительно тряхнула цепочкой на запястье.

Вот ведь хитрюга! Зато сразу стало понятно, чего она пыталась добиться объятиями и кокетством — избавления от злополучного украшения. Ничего, перебьется!

Покупать браслет магос, конечно, не собирался, но из любопытства всмотрелся в предложенную вещицу... И в следующее мгновение уже перемахнул через прилавок, заломил торговцу руку и впечатал в стену прямо длинноносой физиономией.

— Что вы себе позволяете? — запричитал Фольт. Получалось у него очень жалобно и очень

гнусаво.

— Откуда у тебя этот браслет?

— Не помню... Видимо, товар принимал кто-то из работников.

— Тогда где документы на продажу? Вы же работаете только легально!

Торговец сосредоточенно засопел, но на помощь звать не поспешил, хотя в лавке наверняка была предусмотрена сигнализация, не магическая, так механическая. Значит, понимал, что появление охраны или милитов его участь не облегчит, а только усугубит.

Магос почти бережно потрепал его по жиденьким волосенкам, он любил понятливых.

— Я поищу... — сдался наконец Фольг. — Сейчас найду вам все бумаги, только отпустите меня.

Ракун разжал руку, готовясь в любую секунду схватить торговца снова. Кивнул Марлене, чтобы последила за входом, и направился в подсобку следом за нервно вздрагивающим Фольтом. Тот не артачился, прошел напрямую к сейфу, снова зазвенел ключами... И вдруг кинул их в лицо магосу, а сам с небывалой прытью рванул дальше по коридору, к черному ходу. Почти добежал, но свистнувший магический кнут захлестнул его ноги, заставив с грохотом растянуться на полу.

Магос даже подходить не стал, так кнутом его обратно и подтянул.

Торговец брыкался, ругался и страдальчески закатывал глаза, даже не представляя, как ему помогли ботинки с высокими голенищами. Не будь их, контакт магического оружия с голой кожей был бы куда более болезненным, а страдания — куда более искренними.

— Так откуда эта милая побрякушка? — Ракун потряс перед Фольтом браслетом. — Только не надо больше про документы, я прекрасно знаю, что их не существует.

— Принесли утром, — вздохнул торговец, вытирая кровь, льющуюся из разбитого носа.

— Кто принес? Где взял? Сколько получил? Или мне ответ на каждый вопрос выбивать из тебя придется?

— Человек один принес, давно со мной работает. Задолжал когда-то, теперь отработывает. Не знаю, как зовут, никогда не интересовался, мне имя его без надобности, он на поводке у меня, от магического контракта все равно не сбежит. Где он товар взял — тоже не знаю. Мы вообще о другом с ним договаривались, но что уж теперь... Притащил браслет — и ладно. Я даже не знаю, что эта штука делает, экспертизу провести не успел. — Фольг, крайне довольный собой, замолчал. Вон сколько всего рассказал. Полезной информации, правда, ноль.

— Как он хоть выглядит, человек твой?

Торговец сбивчиво описал. Ракун, который почти не сомневался, что все приметы укажут на милита, недоверчиво хмыкнул. Обернулся через плечо, смерил взглядом маячившую в торговом зале Марлену. Случаются ли такие совпадения, или надо начинать подозревать в похищении Алинки еще и трактирщицу с бывшим ухажером? С другой стороны, была бы Марлена замешана в чем-то — не указала бы на браслет.

А если специально, чтобы запутать? С такой станется!

Торговец нетерпеливо заерзал на полу:

— Я все сказал, господин магос. Правда. Отпустите, а? А если вам браслет этот дорог — так забирайте. Бесплатно забирайте. Мне чужие вещи не нужны, совсем не нужны. У нас все легально.

Ракун тряхнул рукой, убирая кнут. Сощурился:

— Последний вопрос: что этот парень должен был принести тебе изначально?

— Ничего... Ничего особенного. — Фольт нервно сглотнул, снова заерзал.

— Так зачем скрывать, если ничего особенного? О чем вы договаривались?

— Господин магос, вы не понимаете, о чем спрашиваете. Меня убьют, если скажу.

— А если не скажешь, я сам тебя убью. — Кнут снова материализовался, змеей метнулся к торговцу и завис напротив его глаза. — Впрочем, могу помочь освежить воспоминания. Парень должен был принести тебе камень. Настоящий и активный магический камень. Думаю, тебе самому он без надобности, заказчик кто-то другой. Кто?

— Я н-не могу сказать. — Фольт заикался от страха, потел, шмыгал носом. Кончик кнута мерно покачивался перед его лицом, готовясь в любой момент ужалить. — Не могу, понимаете?

— Имя! — гаркнул Ракун, замахиваясь.

Торговец вскинул руки, пытаясь защититься, сжался и за мгновение до удара выдавил:

— Ал...

И умер. Просто умер, как будто выключился, без хрипов, стонов, судорог и других побочных эффектов. Кнут его так и не коснулся.

Ракун развеял оружие, присел рядом с Фольтом, недоверчиво пощупал пульс, выпрямился.

— Проклятие!

Это было одновременно и ругательством, и констатацией факта. Что еще могло убить человека так внезапно, если не проклятие? Ну не сердечный же приступ, в самом деле!

Неведомый заказчик хорошо позаботился о собственной безопасности и о том, чтобы доставить как можно больше проблем тому, кто попробует выбить информацию из торговца.

Проблем Ракуну не хотелось, вполне хватало имеющихся. И находиться в магазинчике не хотелось, в любой момент кто-нибудь мог заглянуть внутрь, но магос переборол себя: методично обыскал тело торговца, подобрал ключи, открыл здоровенный сейф, пролистал хранившиеся там документы, но ничего полезного не нашел. Внутри обнаружилась еще одна ячейка, открывавшаяся магически и настроенная исключительно на владельца, так что вскрыть ее с ходу не имелось ни малейшей возможности.

Тупик. Совершеннейший тупик.

— Марлена, иди сюда, — тихо окликнул Ракун.

Девушка приблизилась, удивленно посмотрела на тело, подняла глаза на магоса, но не вскрикнула, не заистерила и не попыталась сбежать. Волнение выдала только дрожь в голосе, когда она спросила:

— Зачем вы его убили?

— Если бы я... Он сам. Пошли-ка отсюда. — Ракун направился к черному ходу, сочтя его более безопасным.

— Нас теперь арестуют?

— С чего бы? Мы ничего противозаконного не сделали, а за расспросы не арестовывают.

А если и арестовывают, то в итоге все равно выпускают с извинениями. Иногда очень удобно быть магом и дружить с нужными людьми.

Дверь черного хода открывалась на небольшую тихую улочку. Ракун повертел головой, определяя направление, и двинулся к дому Лисара. На душе было мерзко, голова кружилась — чертов кнут выкачивал энергию, как насос, поэтому магос не слишком любил им пользоваться. Будущее объяснение с Силем тоже не добавляло позитива. Не убьет, конечно, и от милитов, если что, прикроет, но очень разозлится. А объясняться придется, потому что такие вещи лучше сообщать лично, не дожидаясь, пока информация дойдет до этого хмыря своим ходом, обрастая по дороге чужими домыслами и не относящимися к делу фактами.

Но сначала надо было заглянуть в еще несколько мест. Все-таки обещал.

День прошел в попытках уложить в голову как можно больше информации об Истоке и том мире, где они сейчас находились. Сначала Нина делала это назло магосу — вот как выучит все наизусть, как поразит его своими знаниями! — но быстро остыла и продолжила читать уже для себя, изредка делая пометки в блокноте. И все больше склонялась к мысли, что Ракун оказался прав: это сейчас для нее намного важнее беготни по городу.

Но проблема заключалась не в том, что он не взял ее с собой, а в том, что взял Марлену. Женщина старательно вгрызалась в историю, географию и политологию, а мысли раз за разом возвращались к дневным событиям. Да уж, показала она себя во всей красе: сначала, как идиотка, пыталась подслушать разговор под дверью, а потом лизаться полезла. И та дурацкая сцена в ванной... И внешне, конечно, никакой конкуренции с фигуристой блондинкой Нина не выдерживала. Поэтому и сидела теперь в библиотеке вместо того, чтобы...

Она со злостью захлопнула книгу, потянулась за следующей, но так и не открыла, снова задумалась.

...вместо того, чтобы — что? Гулять по городу под ручку с магосом?

Тьфу, какие глупости в голову лезут!

Следующая книга оказалась тоненькой брошюрой по схематической записи структур заклинаний. Скорее всего, она попала в подобранный Лисаром стопку случайно, зацепившись за обложку очередного толстого талмуда, но Нина из любопытства открыла и ее.

И пропала.

История с географией были немедленно отложены на потом, а Нина побежала исследовать стеллажи, разыскивая более подробную информацию о местной магии. Основу библиотеки составляли технические справочники и энциклопедии, поэтому нужных книг обнаружилось не так уж и много, всего несколько штук. Страницы с непонятной теорией, перегруженной сложными терминами, женщина пролистывала не глядя, а вот схемы оказались простыми и вполне понятными. Даже задания для новичков практически один в один походили на простенькие программы из институтских методичек.

— Hello, world! — пробормотала Нина и с головой погрузилась в чтение.

Через несколько часов прозвучал тактичный стук в дверь. Возникший на пороге дворецкий бесстрастно оглядел стол, заваленный бумагой: на одной странице блокнота сложные схемы не помещались, поэтому приходилось подкладывать еще и еще, расширяя поле деятельности. От карандаша остался жалкий огрызок, грубо заточенный найденным здесь же ножом для конвертов. Солнце давно село, и над головой Нины вились сразу три светлячка, еще несколько парили над дальним краем стола, подсвечник тоже пошел в дело — он прижимал страницы учебника, не давая им перелистнуться.

Сама Нина, увлеченно вырисовывающая третий вложенный цикл, даже не заметила слугу, пока он не подал голос:

— Ужин подан, госпожа. С вашего позволения, я провожу вас в столовую.

— Ага, — откликнулась гостья, задумчиво осматривая дело рук своих. В теории схема получилась вполне рабочая. А на практике как проверить, без камня-то? Разве что магоса попросить...

Дворецкий все еще терпеливо ждал, но отрываться от дела не хотелось, поэтому Нина нашла компромисс — подхватила учебник и пошла в столовую прямо с ним. Заметно похудевший блокнот работал закладкой.

В столовой неожиданно обнаружили не только хозяин дома, но и вернувшиеся Ракун с Марленой, и, совсем уж внезапно, Силь. Выглядел он намного лучше, чем днем, хотя царапины на щеке и синяки под глазами никуда не делись. Но теперь у этой фарфоровой куклы хотя бы румянец появился, да и ел он вполне себе с аппетитом, только на магоса смотрел очень уж злобно, как будто тот в чем-то провинился.

Магос на него не смотрел вообще.

Марлена тоже старалась не смотреть, с несчастным видом ковырялась в тарелке.

— Я что-то пропустила? — осторожно спросила Нина.

— Попробуйте курицу, милая гостья. Очень вкусно, — невпопад предложил Лисар.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой имена имеют значение

Чем ближе они подъезжали к месту назначения, тем тише становилось вокруг.

Шоссе сменилось на узкую проселочную дорогу, вдоль которой тянулись глухие заборы, за ними виднелись крыши особняков. Алине живо представились типичные новые русские, выкупившие участок, чтобы сидеть там, спрятавшись от чужих глаз, и изредка устраивать

закрытые вечеринки для таких же богатеев. Сейчас вечеринками и не пахло, дорога оставалась практически безлюдной.

Но тишина была не только снаружи, но и внутри небольшого фургончика — почти точной копии брошенного в горах. Никто не шутил и не спорил, лица и позы похитителей становились все напряженнее. Долан и вовсе с самого утра пребывал не в духе и снова ехал верхом отдельно от остальных. Сначала Алина думала, что он все еще злится на нее за дурацкую попытку побега, но потом поняла, что дело не в этом. Точнее, не только в этом. Он по-прежнему общался с ней подчеркнуто вежливо, не допуская грубости, но заметно нервничал.

Несколько раз девушке казалось, что он почти готов махнуть рукой, послать к черту все свои планы и повернуть обратно. Но потом милит снова сжимал зубы и направлял коня вперед. Повозка покорно тащилась следом.

— Такое чувство, что вы меня на казнь везете, — озвучила Алина свои мысли во время очередной остановки.

Долан посмотрел на нее с таким видом, словно она почти угадала, и девушка на всякий случай решила больше вопросов не задавать. Правдивый ответ слышать не хотелось, вранье — тем более.

Тоскливое настроение усиливала все еще болевшая шея. Всерьез навредить Алине грабитель не успел, дышала она с утра нормально, а если и хрипела, то только от волнения, но синяки остались здоровенные и четкие. В итоге зелененькую косынку пришлось превратить из банданы обратно в шейный платок, чтобы хоть немножко скрыть этот ужас.

И заключительной вишенкой на торте из неприятностей оказалась потеря браслета. С его исчезновением как будто пропала последняя связь с домом, последняя надежда, что все закончится хорошо. Алина изредка бросала взгляд на запястье, втайне надеясь, что магическое украшение вернется обратно само по себе, но лимит чудес на ближайшие дни, видимо, исчерпался.

И даже колеса у повозки больше не отваливались.

Поездка закончилась внезапно. Только что повозка в траурном молчании катилась по дороге и вдруг остановилась у очередного забора. На вид он ничем от соседних не отличался: высоченная кирпичная стена с широкими воротами для машины или телеги (естественно, запертыми) и рядом небольшая калиточка для пешеходов. Во дворе, почуяв посторонних, грозно залаяли собаки.

Пока Коба долбился в калитку и требовал открыть, Долан помог пленнице выбраться из повозки, пригладил ей волосы, стряхнул с одежды какие-то невидимые пылинки, даже ремень поправил... и все это время старательно избегал ее взгляда.

Ну точно, как перед казнью.

— Пожалуйста, скажите, что меня сегодня не убьют, — попросила Алина.

Вместо ответа милит поморщился, отвернулся и направился к калитке, которую наконец-то соизволили открыть.

Девушка последовала за ним как привязанная. Бежать было некуда, сопротивляться —

бесполезно. Только и осталось, что изо всех сил проявлять самообладание.

Вскоре они уже шли к притаившемуся за забором особняку по вымощенной камнями тропинке, петляющей по саду. Имелась и другая дорога — широкая аллея, ведущая от ворот напрямую к главному входу, но Долан почти сразу же свернул с нее в сторону.

В итоге Алине так и не удалось как следует разглядеть величественное здание с колоннами и барельефами, потому что подошли они к нему совсем с другой стороны. В этой части сада было сумрачно, как в глухом лесу: многочисленные деревья скрывали закуток от посторонних глаз, а тишину нарушала только плещущаяся в пруду рыба.

Пруд почти вплотную примыкал к стене, густо увитой плющом. И там же, в стене, пряталась маленькая неказистая дверца, которая даже на вход для прислуги не тянула. Тем хоть иногда пользуются, а эту, кажется, вечность не открывали, вьюнок успел плотно оплести ручку.

Долан толкнул дверь, без колебаний обрывая тонкие стебельки. Изнутри пахнуло прохладой и сыростью, как из подвала. Как выяснилось, это и был вход в подвал. Сразу за дверью начиналась узкая лестница с крутыми ступеньками, уходящими в темноту. Под потолком висел малюсенький светящийся шарик, но его силы не хватало, чтобы разогнать мрак.

Мужчина услужливо придержал Алину за руку, помогая спуститься.

С каждым шагом сердце бухало все громче, а вырваться и броситься обратно хотелось все сильнее. А еще хотелось очень по-женски грохнуться в обморок, вот прямо здесь, на лестнице. И вообще ничего не решать, не знать, не чувствовать. Очнуться через несколько часов и обнаружить, что все закончилось. Или вовсе приснилось.

Или не очнуться, если ее сейчас действительно убьют. Может, эта лестница, каменные стены и шарик-фонарик — вообще последнее, что она видит в жизни?!

Жалость к себе накатывала волнами, и каждая последующая оказывалась мощнее предыдущей.

«Не реветь!» — строго напомнила себе Алина. И сильнее вцепилась в руку Долана.

Рука была теплая и живая.

Не мог человек с такими руками вести ее на верную смерть, просто не мог.

Хотя... похитить-то смог.

Лестница наконец-то закончилась, за последней ступенькой начинался коридор — тоже узкий и темный, но Долан уверенно шагнул в него, и Алине оставалось только последовать за ним. Идти пришлось совсем недолго: до ближайшей двери, в которую мужчина коротко постучал. Звук, усиленный эхом, гулко разнесся по помещению, но ничего не произошло.

Выждав небольшую паузу, Долан постучал еще раз — и снова не дождался ответа.

— Можно идти обратно? — с преувеличенной бодростью спросила Алина.

Похититель обернулся к ней, улыбнулся как-то грустно и слегка сочувственно. Шепнул:

— Пожалуйста, клисса, продержитесь еще немножко.

И решительно открыл дверь.

За дверью находилась комната странной восьмиугольной формы. Необычную геометрию подчеркивал узор в виде розы ветров на полу.

Алина пыталась убедить себя, что это просто планировка такая странная, и она совсем ничего не значит, но воображение уже дорисовало зал для жертвоприношений. В пользу этой версии выступали и сводчатый потолок, с которого местами свисали клочья паутины, и голые каменные стены без окон. Впрочем, это ведь подвал, здесь и не должно быть окон! Зато обнаружилась еще одна дверь — ровно напротив той, через которую они вошли.

Посреди комнаты располагался не помост для невинной жертвы, а письменный стол. Обычный, деревянный, с двумя стульями по обеим сторонам. На один из этих стульев Долан и предложил Алине сесть. Пленница послушалась, и воображение немедленно переключилось на новую обстановку: теперь девушка чувствовала себя не жертвой перед казнью, а студенткой на экзамене. Только сурового препода не хватало.

Всеобщее угрюмое молчание в столовой прервал Лисар.

— У меня вопрос! — объявил он, для привлечения внимания постукивая ложечкой по бокалу с вином.

Нина неохотно подняла голову от книги, лежащей на коленях. Там как раз рассматривались редкие случаи зависимости структуры заклинания от уровня камня. В камнях и их уровнях Нина по-прежнему не разбиралась, поэтому многое было непонятно, хотя и интересно. Наверное, не стоило так небрежно пролистывать теорию. С другой стороны — а зачем ей вообще все это, камня-то своего нет? Разве что для общей информации.

— Действительно важный вопрос! — повысил голос Лисар и указал на Нину ложечкой. — Уважаемая госпожа, как вас все-таки называть?

— Не знаю, — развела руками женщина.

Она с обеда пыталась придумать себе какое-нибудь приличное имя, но все идеи казались слишком уж выпендренными или, наоборот, простыми и безвкусными. Но хозяин дома все еще смотрел на нее, и Нина неожиданно для себя выдала:

— Александра?

Лисар хмыкнул, Силь изящно улыбнулся в салфетку, Ракун подавился и закашлялся.

— Что? — повернулась к нему Нина. — Зато не буду привлекать лишнего внимания. Сам же говорил, что имя популярное.

— Не настолько популярное, женщина! Сразу трое в одной комнате — это уже перебор, тебе не кажется?

— Четверо, — поправил Лисар, выразительно кивнув в сторону мелькнувшего в дверях дворецкого. Тот весь разговор, несомненно, слышал, но никак не отреагировал. Нина вообще всерьез сомневалась, что он умеет изменять выражение лица.

— Тем более! — фыркнул магос. — Ладно, это все ерунда. А вот у меня на самом деле

серьезный вопрос: раз тут все так или иначе в курсе наших проблем, может, кто-нибудь придумает, что делать дальше? Только к милитам не посылайте, а то сам кого-нибудь куда-нибудь пошлю.

— Тебе после сегодняшнего только к милитам... — буркнул Силь, после чего выловил из вазы здоровенный апельсин и занялся чисткой.

— А что сегодня было? — насторожилась Нина.

Ракун отвернулся, молча налил себе вина и залпом выпил.

— Ну, давай, герой, выкладывай, — поторопил Лисар. — Я ведь тоже не в курсе, так что хватит жаться, как девчонка.

— Я сделал глупость, — сознался наконец магос. И нехотя начал рассказывать.

А Нина, отложив книгу, принялась записывать. Схема вырисовывалась поинтереснее магической. Особенно когда Ракун сокрушенно закончил:

— В общем, этот самый «Ал», скупающий камни, может оказаться кем угодно. Любым из многочисленных Александров, Алексисов или Алис.

— Или это вообще фамилия, — робко вставила Марлена.

Она, кажется, так удивилась, что ее не выгнали из-за стола во время важного разговора, что изо всех сил старалась быть незаметной. Но не выдержала.

— Вот, даже трактирная девка понимает, что у нас миллион вариантов, — вздохнул магос.

— Около ста миллионов, если ориентироваться исключительно на имена, — поправил Силь, с блаженной улыбкой принимаясь к апельсиновой корочке. — Но если думать головой, а не тем, чем ты обычно это делаешь, то круг подозреваемых можно сузить.

— Сужай, — великодушно махнул рукой магос. — У меня не получается.

— Вообще-то очень даже получается. — Нина отложила карандаш и пододвинула блокнот к центру стола. Оба Александра удивленно переглянулись и синхронно склонились над схемой. — Правда, мне не хватает некоторой информации, так что поправьте, если ошибусь. Считается, что камень имеет силу только в связке с магом. Камень, не привязанный к наследнику, уходит в общее хранилище...

— Фонд, — подсказал Лисар.

— Да, в фонд. Кто может забрать камень из фонда?

— Какой-нибудь неучтенный наследник, например. Мало ли, вдруг всплывет. — Хозяин дома вытащил очередную сигару, задумчиво повертел в руках. — Или учтенный, но оставшийся без наследства, типа меня.

— Нет, вы не поняли, — качнула головой Нина. — Не кто имеет право забрать камень, а кто вообще может это сделать? Прийти и взять? Камни ведь физически где-то хранятся, в каком-нибудь помещении. В это помещение заходят люди, уборщики, смотрители, кто угодно. Или даже просто мимо ходят, но могут заглянуть, забрать камень и смыться. То есть теоретически

некто имеет возможность изредка брать камни из фонда и использовать в своих целях.

— Допустим, — согласился Лисар. — Но какое это имеет значение для нас?

— Такое, что камень Марлены забрал человек из фонда. И он явно заинтересован в этом камне лично.

— Но они же бесполезны без владельца! — вмешался Ракурн.

— Заткнись и слушай, — неожиданно жестко оборвал его Силь. — Продолжайте, пожалуйста, госпожа Александра.

Нина поежилась под его взглядом и украдкой сверилась с собственными записями:

— Давайте просто предположим, что утечка из фонда возможна. Теперь перейдем ко второму пункту: известно, что некто скупает камни у владельцев или у мошенников, не жалея денег. Причем происходит это довольно давно: камень Марлены забрали несколько лет назад, камень Ракуна готовы были купить прямо сейчас. Не думаю, что это единичные случаи. Возможно, их больше, и за все время никто ничего не обнаружил. Значит, у нашего преступника есть способ принудительно разрушить связь между камнем и наследником или скрыть ее. Господин Лисар, я правильно понимаю, что специалисты фонда обладают такими возможностями? Как именно это происходит?

— Существует некий ритуал, но вот его подробности — внутренняя тайна фонда, вряд ли ее знает кто-то посторонний. Те, кто проходил этот ритуал официально, направлялись с него напрямик на эшафот. Да и не так уж часто это случалось. На моей памяти — раза три.

— Но я не проходила никакого ритуала! — встрепенулась Марлена. — Меня даже не спрашивали ни о чем.

— Значит, личное присутствие человека не обязательно, — кивнул Лисар. — Или существует несколько вариантов ритуала, каждый из которых применяется в зависимости от некоторых условий. Возможно, дело в том, что наша милая гостья была в тот момент еще ребенком, или в том, что отречение проводил ее ближайший родственник.

Нина кивнула. Об этом она тоже думала, но хотела упомянуть чуть позже. Сейчас более важным казалось другое:

— А теперь предположим, что исчезновение Алины тоже имеет отношение к делу. В конце концов, похитили не только ее, но и два ее камня. Причем похитители знали, в какой именно день за ней поедут и кто поедет. Кто мог знать об этом?

— Долбаный фонд! — не то ответил на вопрос, не то выругался Ракурн. — Я же давно на них не работаю, но девчонку хотел сам перевезти. Забрал камни под расписку, на определенную дату. Но зачем похищать-то? Я бы и так первым делом привез ее к ним вместе с камнями.

— И если бы она оттуда не вышла, поставил бы на уши весь Исток, — добавил Лисар.

— Он и так уже почти поставил, правда, моими руками, — хмыкнул Силь. — А организаторы похищения, видимо, считали, что все пройдет тихо, без лишних свидетелей. Слушай, полосатый, может, тебя вообще убить хотели?

— С помощью жвачки? Брось, это даже не смешно! Целиком она меня все равно бы не

сожрала.

— Возможно, организатор планировал убийство, но исполнитель сплеховал, — вставила Нина, быстро дорисовывая в блокнот очередную стрелочку и знак вопроса.

Ракун следил за ее рукой с затаенной надеждой. А вдруг эта женщина с ее странной логикой действительно умудрится найти ответы на все вопросы? Или хотя бы на большинство.

Остальные тоже слушали Нину с любопытством: Лисару явно нравились гостя и ход ее мыслей, а по взгляду Силя понять что-то было сложно, но Ракуну показалось, что он получает своеобразное удовольствие от всего происходящего. А вот Марлена вела себя странно: вроде бы и участвовала в общей беседе, но не на равных, а как будто украдкой. Стеснялась, что ли? Да вроде днем держалась вполне свободно...

— Исполнитель — в данном случае милит Долан, — припомнил Силь. — Я с ним несколько раз пересекался по разным делам. Не похож он на того, кто может сплеховать. А если он работает на преступника, то ошибка такого уровня будет стоить ему жизни, карьеры... может, еще чего-нибудь важного.

Ракун фыркнул:

— Все проще, умники. Если бы он действительно хотел меня убить, то не караулил бы потом в трактире и не выпустил бы оттуда живым.

— Тем не менее в роли свидетеля ты явно путаешь преступникам все планы, — отрезал Силь.

Нина задумалась, снова покрутила туда-сюда свою схему, мысленно сводя концы с концами. Потянулась поправить очки, вспомнила, что их нет, смущенно отдернула руку и спрятала ее за спину. Выглядело это донельзя трогательно, и Ракун почувствовал, что улыбается. Именно улыбается, а не ухмыляется привычно и всем на зло. Пришлось срочно менять выражение лица.

А Нина тем временем озвучивала новую идею:

— А если этот Долан пытался не убить, а только изобразить убийство, чтобы потом можно было отчитаться перед нанимателем? Может, он только делает вид, что работает на преступника? Какой-нибудь агент под прикрытием, а?

— Я бы знал, — уверенно произнес Силь. — Разве что он не по рабочей необходимости, а по собственному почину так развлекается. Но тогда он просто идиот, если решил самостоятельно проворачивать такие дела во внешнем мире. Если приказали устранить свидетеля, а тот благополучно выжил, то исполнителя самого убьют за такую оплошность, как только узнают.

— Не обязательно, — откликнулась Нина. — Возможно, его миссия закончится раньше, чем заказчик узнает, что свидетель жив. Тогда...

Над столом повисло молчание, прерываемое только тиканьем часов и чириканьем канареек.

— Очень скоро произойдет некое событие, после которого живые свидетели перестанут иметь значение, — озвучил общую мысль Лисар. — Или не произойдет, если милит действительно не преступник и успеет настоящего преступника остановить. Но кто преступник, мы по-прежнему не знаем.

Ракун задумался, оглядел склонившихся над схемой героев интеллектуального труда и решил тоже немного блеснуть эрудицией. В конце концов, почему нет?

— Ставлю на то, что во всем виноват Тивасар, — решительно выдал он.

— Почему он? — хором удивились мужчины.

— А кто это? — так же хором спросили Нина и Марлена.

— Потому что он глава фонда и точно имеет доступ ко всем камням и ритуалам, — одним махом ответил Ракун на оба вопроса. — А еще у него куча денег, особняк неподалеку отсюда, и он мне не нравится.

— Он никому не нравится, мерзкий тип, но это не повод для обвинений, — отмахнулся Лисар. — И он, кстати, совсем не Ал, а Герберт, кажется.

— Да что вы прицепились к этому «Ал»? Может, это вообще не имя. Или... — Отказываться от своих же слов магосу очень не хотелось, но нелюбовь к Тивасару все же победила. — Может, я действительно неправильно расслышал. Так что предлагаю нагрянуть к нему в особняк. Или хотя бы покрутиться рядом, поспрашивать, не видели ли неподалеку Алинку и милита.

— Ты уже сегодня покрутился, хватит. Завтра пошлю людей. — Силь с грохотом отодвинул стул и поднялся, давая понять, что разговор окончен.

— А вдруг завтра окажется поздно? — не унимался Ракун. Друг, возможно, был прав, но сидеть дома и ничего не делать казалось просто невозможным.

— Я сказал — нет! И не смотри на меня так, а то на цепь посажу.

В случае с этим хмырем угроза вполне могла стать не просто фигурой речи, поэтому Ракун поморщился, но кивнул.

— Так-то лучше. Никто никуда не пойдет, пока я не отосплюсь. — Силь выловил из вазы очередной апельсин и направился к выходу из столовой, но на полпути вдруг пошатнулся, врезался в птичью клетку, вцепился в нее свободной рукой и замер, пережидая головокружение.

Нина дернулась помочь, даже со стула вскочила, но Ракун ухватил ее за пояс и рывком вернул на место. Помощь от посторонних белобрысым задохлик не принимал ни в каком виде, поэтому и прятался во время приступов у кого-нибудь из друзей. А до ранга друга женщине было еще очень и очень далеко.

Впрочем, тут помощь и не требовалась. Силь постоял еще немного, задумчиво принохиваясь к апельсину, затем отлип от клетки и спокойно, как ни в чем не бывало, продолжил путь.

— Не забудь проветрить мой кабинет от своей дряни! — крикнул ему вдогонку Лисар. И наконец-то вспомнил, что сигару нужно поджечь.

После нескольких минут молчаливого ожидания противоположная дверь вкрадчиво, со скрипом, открылась, и в помещение зашел мужчина. От его вида Алине стало еще больше не по себе, чем было до этого, потому что вошедший ей сразу не понравился. Очень худой, очень высокий, похожий на жука-палочника. И с дурацкими тоненькими усиками.

— Прошу прощения за задержку, — произнес мужчина, подсаживаясь к столу.

Голос у него, разумеется, тоже оказался дурацкий. Неприятный такой голос, царапающий, скрежещущий.

— Принесли? — проскрипел мужчина, обращаясь к Долану.

Тот без лишних слов выложил на стол коробочку с камнями и снова застыл, чуть склонив голову.

Длинные худые пальцы немедленно вцепились в коробку, мужчина приоткрыл крышку, удовлетворенно кивнул и даже выдавил из себя какое-то подобие улыбки.

— Что ж, вижу, вы хорошо справились с заданием. А теперь, пожалуйста, подождите снаружи несколько минут. Мы с юной госпожой обсудим наше возможное сотрудничество, а потом я вас позову.

Долан коротко кивнул и вышел. Сквозняк из закрывающейся двери хлестнул Алину по голым ногам, и сразу стало очень холодно, до дрожи. Впрочем, тут и без холода хватало причин дрожать. От того, что кто-то чужой разглядывает ее камни, стало неприятно до омерзения.

— Итак, давайте знакомиться. — Мужчина нервно побарабанил пальцами по столу, свысока поглядывая на пленницу. — Можете называть меня «господин Тивасар».

Алина мысленно выругалась. Большинство прочитанных ею книг уверяло, что если преступник называет свое имя жертве, значит, оставлять ее в живых он не собирается.

С другой стороны, в тех же книгах герой обычно каким-то чудом выживал, так что, может, не все так плохо?

— Так как вас зовут, клисса? — не отставал мужчина.

— Алина, — выдавила девушка и невольно подивилась бредовости происходящего. Неужели этот тип заказал ее похищение, но при этом не знал даже имени? Все страньше и страньше.

— А второе имя? Как вас родители назвали?

— Откуда я знаю? — удивилась пленница. — Так и назвали, наверное. Или вы ожидали услышать, что я какая-нибудь Эванжелина-Мариетта-Сью?

— Нет, я... Признаться, я ожидал, что вы более осведомлены о своей биографии. — Длинные пальцы снова отстучали по столешнице замысловатый ритм.

— Когда бы я успела? Мне про другие миры-то рассказали только позавчера, и подробная родословная к рассказу не прилагалась, — хмыкнула Алина.

Страх парадоксальным образом уходил, уступая место азарту. Такое с ней уже бывало, и не раз: пока сидишь и ждешь — чего угодно, хоть того же экзамена в институте — не можешь нормально вздохнуть от паники, а стоит начать говорить, отвечать, как-то действовать — и все получается само собой. И слова нужные откуда-то берутся, и коленки дрожать перестают, и идеи в голове появляются. Особенно если накануне хоть что-то выучила.

— И что, совсем никаких идей по поводу имени? — В голосе Тивасара прозвучала плохо скрываемая надежда.

— Пять минут назад я была свято уверена, что оно у меня одно, — пожала плечами Алина. — Так чем оно вас не устраивает?

— Его не устраивает. — Мужчина выудил из коробочки кулон на цепочке, осторожно тронул пальцем желтый камень, что-то неразборчиво прошептал. Поморщился. — Нет, не отзывается. К сожалению для вас.

— Скорее уж к сожалению для вас.

— Нет, клисса, для вас. Я, видите ли, хотел решить этот вопрос без крови и насилия.

Ага. Значит, хотел, но теперь передумал.

Этот вывод Алине категорически не понравился, но от ее предпочтений сейчас вряд ли что-то зависело. Если бы она знала нужное имя, еще могла бы подумать, стоит ли его называть. Но называть было действительно нечего. Даже выдуманным отделаться не получилось бы, раз этому странному типу камни сами подсказывают правду.

Странный тип тем временем еще немного полюбовался на кулон, а потом положил его на стол и подтолкнул к Алине.

— Отрекайтесь.

— Что? — не поняла девушка.

— Раз я не могу отречься вашим именем, вам придется сделать это самой. Если пойдете мне навстречу сейчас и добровольно, будете только в выигрыше. Мне нужен всего один камень, вот этот. Второй останется вам, станете пользоваться по своему усмотрению, даже статус не потеряете. Это честная сделка.

С точки зрения Алины, честностью тут и не пахло. Больше всего хотелось быстро схватить оба камня и дать деру, но интуиция подсказывала, что далеко убежать ей не позволят. Даже за пределы особняка не выпустят.

Поэтому девушка просто спросила:

— Если я не соглашусь, вы меня убьете?

Тивасар задумчиво потеревил тонкие усики.

— Тут есть одна загвоздка. Видите ли, для моих целей владелец должен отдать камень добровольно. К счастью, критерии добровольности довольно размыты. Поэтому, клисса, я стану делать вам больно. Долго. До тех пор, пока не согласитесь. И вот тогда — только после этого — убью. Нравится альтернатива?

Альтернатива Алине не нравилась. Ей вообще в этом разговоре мало что нравилось. И совершенно непонятно было, что нужно делать. Отказаться от камня и забыть все, как страшный сон? А где гарантия, что ее после этого отпустят?

И еще — зачем Тивасару отцовский кулон? Вряд ли для пополнения коллекции редких драгоценностей. Скорей уж для какого-нибудь зверского злодейства. Стоит ли предотвращать зверское злодейство ценой собственной жизни?

И что там просил Долан, впихивая ее в эту комнату? Продержаться еще немножко? Это значит

— не надо соглашаться на предложение? Или надо? Или он это просто так сказал, чтобы успокоить трусющую девчонку, и она зря ищет скрытый смысл в случайной фразе?

— Я все еще жду вашего решения, — напомнил о себе Тивасар.

Решения не было.

В этот момент Алина как никогда хорошо поняла любовь собственной тети к схемам и блокнотам. В голове крутилось слишком много информации, и ее требовалось хоть как-то упорядочить, чтобы не потерять важное в нагромождении бесполезных фактов. Фактов накопилось много. И некоторые из них — например, тяга Тивасара именно к отцовскому камню и его равнодушные угрозы — навевали вполне однозначные мысли.

— Это вы убили моих родителей, — уверенно произнесла Алина.

И в тот же момент поняла, что камень добровольно не отдаст. Хочет выбивать из нее отречение силой — пусть выбивает. Она сколько-нибудь продержится. А там, глядишь, кто-нибудь спасет. В такие моменты всегда появляется кто-нибудь, кто спасает.

Тивасар обвинению не удивился. Надменно посмотрел на пленницу и старательно, как ребенку, пояснил:

— Их убил взрыв.

— Но взрыв подстроили вы.

— А вот это уже не ваше дело. Поэтому давайте вернемся к прерванному разговору, клисса. Быстренько отрекаетесь от камня — и идете куда хотите. Подсказать формулу отречения?

— Засуньте ее себе в...

Алина даже договорить не успела, а Тивасар уже привстал, перегнулся через стол и с размаха ударил ее по лицу; многочисленные кольца царапнули щеку, проехали острыми гранями по губам. Девушка попыталась отшатнуться, уперлась в спинку стула — и так вместе со стулом и опрокинулась назад, чудом не приложившись затылком об пол. Под лопатку кольнуло чем-то острым, как будто на иголку наткнулась, но проверять не было ни времени, ни желания.

На языке появился привкус крови. Алина осторожно и даже несколько удивленно потрогала губы — на пальцах тоже осталась кровь. А боли не чувствовалось, совсем. Зато картинка перед глазами вдруг изменилась, словно кто-то переключил настройки монитора. Точно так же, как случилось ночью с тем грабителем.

И точно так же пришло понимание, что она может прямо сейчас убить человека, даже не прикасаясь к нему. Или хотя бы прогнать одним взглядом.

Тивасар, как назло, на девушку даже не смотрел и никакой метаморфозы не заметил. Пока она пыталась понять, что с ней происходит, в дверь постучали — мужчина спокойно поднялся, выглянул наружу, а затем и вовсе вышел из комнаты, оставив пленницу без присмотра.

Он, видимо, совсем не боялся, что она сбежит.

И действительно, куда бежать-то? В помещении было две двери, за одной из которых скрылся сам Тивасар, а за второй ждал Долан. Не такой уж большой выбор!

Алина поднялась, схватила со стола отцовский кулон, натянула на палец кольцо... и едва успела опереться о столешницу, чтобы не упасть. Наваждение исчезло так же внезапно, как появилось. Силы закончились, лицо запоздало обожгло болью, на глаза навернулись слезы.

Но жалеть себя было некогда, идти требовалось в любом случае. Прямо сейчас, пока оставался шанс. И Алина, упрямо сжав зубы, двинулась к двери, надеясь, что она не заперта.

Дверь распахнулась раньше, чем девушка успела до нее добраться. Застывший на пороге Долан мельком оглядел пустую комнату, остановил взгляд на Алине, вполголоса чертыхнулся и протянул ей руку.

— Быстрее. Идти можешь?

Алина неуверенно кивнула. Где-то на задворках сознания мелькнула мысль, что один раз этот человек уже привел ее в ловушку и, значит, может сделать то же самое вновь. Но выбор все равно отсутствовал, и очень хотелось верить хоть кому-то. Особенно если этот кто-то смотрит с сочувствием и жалостью. Хотя как еще на нее сейчас смотреть: шея в синяках, губы разбиты? Попала в сказку, называется!

— Далеко собрались? — раздался позади равнодушный голос Тивасара.

Долан немедленно задвинул спутницу себе за спину и встал в проходе, в упор глядя на мужчину:

— Мы договаривались, что насилия не будет.

— Насилие еще даже не начиналось, — сощурился Тивасар. — А если вас что-то не устраивает, вы свободны. Девушку только оставьте, я с ней не закончил.

Лица Долана Алина не видела, но даже со спины стало заметно, как он напрягся и словно бы стал шире в плечах.

— Это значит «нет»? — уточнил Тивасар. — Вот уж не думал, что вы настолько щепетильны, господин милит. А еще мне говорили, что вы ответственный и исполнительный человек. Как же так?

Долан не ответил, только, не глядя, отодвинул Алину еще глубже в коридор. Под лопатку снова чем-то кольнуло, девушка машинально пощупала рукой майку — и удивленно уставилась на вытащенную из нее булавку с круглой головкой.

С не меньшим удивлением на нее посмотрел Тивасар.

— Надо же, как интересно. И как вы это объясните? — спросил он, указывая на булавку.

Долан обернулся, пытаясь понять, что именно надо объяснить, и изменился в лице. Алина сжалась — ей показалось, что сейчас он тоже ее ударит, но милит лишь беззвучно выругался, скрипнул зубами и на удивление спокойно ответил:

— Страховка, что вы меня не кинете и не нарушите договоренность. Как сейчас, например.

— Страховка, значит? — Голос Тивасара стал тихим, вкрадчивым, и звучало это еще более зловеще.

Алина пыталась понять, что случилось, но ничего умного в голову не приходило. Булавку

воткнул Долан, когда поправлял на ней одежду — это ясно. Но зачем?

Тивасар демонстративно покрутил одно из своих колец, пальцем стер с него кровь.

— Хм... — задумчиво протянул он. — Пожалуй, в таком случае мне тоже понадобится некоторая страховка, что все произошедшее останется только между нами.

— Моего слова вам недостаточно?

— Нет. Но вполне устроит, например, доказательство того, что магос мертв.

Алина вздрогнула. Что значит мертв? Он же писал ей на браслет. Или не он? Или они про какого-то другого магоса?

Что вообще происходит?!

— И как я должен это доказать? Труп притащить или отрезанного уха хватит? — удивился Долан. — Извините, но о таких вещах принято предупреждать заранее. Сейчас я вам уже ничего не найду, потому что его тело почти наверняка снесло течением далеко к югу.

— К югу? Ну надо же. А мне вот только что сообщили, что его буквально несколько часов назад видели в Викене. Живого и невредимого.

— Вам соврали.

— Мне совершенно точно соврали. Осталось выяснить, кто это сделал. Но, видите ли, тому человеку, который передал мне информацию, я доверяю несколько больше, чем вам. Поэтому у нас остался последний шанс разойтись мирно. Отдайте мне арфактум и девушку — и можете идти.

— До ближайшего охранника? Признайтесь, Тивасар, какой приказ вы им отдали: схватить меня или убить на месте?

До ответа владелец особняка не снизошел. Снова потеревил кольцо — уже другое — и четко произнес:

— Последний раз предлагаю: отдайте мне девушку и арфактум.

— Алина, — выдохнул милит, не сводя глаз с Тивасара, — беги!

И она рванула по коридору, крепко зажав в кулаке булавку.

Сзади сразу же загрохотало, пол задрожал, по стенам заплясали разноцветные отсветы. Кто-то закричал, но из-за шума голоса было не разобрать.

Безумно хотелось обернуться и посмотреть, что там происходит, или хотя бы убедиться, что Долан жив. Хотя если за ней никто не бежит, значит, наверное, жив. А вот как добраться до повозки, если во дворе охрана? Убить-то не убьют, она Тивасару нужна живая и в своем уме, но покалечить или просто поймать могут запросто.

За спиной что-то взорвалось, с потолка посыпалась каменная крошка, но Алина уже добежала до лестницы, бросилась вверх по крутым ступенькам. Сердце колотилось как бешеное, девушка задышалась от бега и от страха.

Вот сейчас бы пригодилось то странное всемогущество. Даже если оно ей просто почудилось и на самом деле она не может мановением руки прошибать стены, ощущение спокойствия и уверенности в себе при этом возникало потрясающее. Жаль, ненадолго. И сейчас вызвать его никак не получалось. Значит, придется справляться своими силами.

Лестница наконец-то закончилась, и Алина, толкнув дверь, вывалилась на улицу. После подвального полумрака солнечный свет показался чересчур ярким, резанул по глазам, из-за этого немедленно возникшая рядом охрана показалась двумя темными безликими силуэтами.

— Там... на вашего хозяина напали, — прохрипела Алина, пытаясь отдышаться.

Только бы поверили, только бы поверили!

Охранники переглянулись, достали оружие и метнулись в подвал.

Получилось! Девушка победно улыбнулась и бросилась вперед по извилистой тропинке, идущей вдоль пруда и дальше, вглубь парка. Деревья надежно скрывали от посторонних глаз, с центральной аллеи и из дома беглянку было не разглядеть.

Понятно, что нельзя петлять в зарослях бесконечно, но куда еще можно податься, Алина не представляла. Единственные ворота надежно охранялись, и вряд ли получилось бы обмануть очередных стражей так же просто, как предыдущих. И через забор не перелезть, слишком высокий. Может, если забраться чуть дальше, в нем найдется какой-нибудь пролом или калиточка?

Но едва Алина сделала несколько шагов с тропинки, как из густых кустов высунулась лохматая собачья голова и предупредительно гавкнула.

— Хоро-о-ошая собачка, — машинально пробормотала девушка, сама не особо веря собственным словам.

Собачка тем временем выбралась из кустов целиком, встряхнулась — и Алина резко захотела оказаться где угодно, лишь бы подальше отсюда. Можно даже в подвале, Тивасар хоть не кусается.

Парковый страж по размерам напоминал теленка, и глаза у него были тоже телячьи — крупные, томные и почему-то красные. И рога были — не слишком большие, но, похоже, довольно острые. В остальном пес больше всего напоминал лохматую, давно не чесанную кавказскую овчарку: здоровенные клыки, мощные лапы и нервно дергающийся хвост, облепленный репьями.

— Не ешь меня, пожалуйста, — без особой надежды попросила Алина, пятясь обратно к тропинке.

Пес в ответ вздернул верхнюю губу и грозно зарычал. Из пасти вязкой ниточкой стекала на землю слюна. Алина замороженно следила за ней, пытаясь двигаться как можно тише и аккуратнее, и некоторое время не было слышно ничего, кроме колотящегося сердца и приглушенного рычания. Поэтому когда за спиной вдруг хрустнула ветка, девушка чуть не подпрыгнула. Сразу представилось, что пока она играла в гляделки с одной собакой, сзади неслышно подкралась вторая, и сейчас они разорвут беглянку на мелкие клочки.

Но это оказался всего лишь один из местных охранников. В руках он держал пистолет,

выглядевший довольно нелепо — как детская игрушка, небрежно спаянная из найденных на свалке железяк. Но оружие было направлено прямо на Алину, поэтому шутить над его видом вслух не хотелось.

— Заблудились? — с легким ехидством поинтересовался охранник.

— Типа того, — вздохнула девушка, всерьез прикидывая, не наброситься ли на него с кулаками. Может, сразу пристрелит? А то обещанная Тивасаром перспектива пыток совсем не вдохновляла.

Но и умирать прямо сейчас не хотелось.

Вообще умирать не хотелось. Хотелось узнать, где все-таки дядюшка-магос, что с Доланом и почему он поступил так, как поступил. И зачем им всем эта булавка, все еще зажатая в кулаке?

Охранник цыкнул на собаку, и та послушно заползла обратно в кусты.

— Пойдемте, клисса. Рогачей не бойтесь, они без приказа не тронут. А вас велели проводить в особняк.

— Провожайте, — кивнула Алина, вытирая о шорты вспотевшие ладони. Булавка выскользнула из руки, мягко упала на землю и была немедленно втоптана в нее каблуком.

Интересно, умеют ли эти самые рогачи искать вещи по запаху?

Гмади, спокойно дремавший в повозке, открыл глаза, стукнул кулаком по стенке, привлекая внимание остальных, и произнес одно-единственное слово:

— Валим!

Повторять не пришлось.

Коба хлестнул лошадей, и те послушно рванули вперед, зазевавшийся Грызь заскакивал в повозку уже на ходу.

Лошадь Долана недоуменно посмотрела им вслед, но догонять не бросилась, так и осталась щипать травку на обочине. Истер грустно помахал ей рукой, прощаясь. Жалко, что забрать не успели. Продали бы и хоть немного подзаработали. Потому что обещанных денег от милита они, судя по всему, уже не увидят.

Жалко...

Убедившись, что все в сборе, и погоня на хвосте не висит, Коба затейливо выругался и только после этого уточнил:

— Что, начальник допрыгался?

Гмади кивнул, сообразил, что никто на него не смотрит и неохотно озвучил:

— Да.

— Может, объяснишь, как ты это понял? — не особо веря в успех, спросил Истер.

Амбал зевнул, достал свою фляжку, сделал большой глоток. И только после этого все-таки сообразовал ответить:

— Нет.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой Нина узнает кое-что о Ракуне, а Алина — о Долане

Нина думала, что завалится спать сразу после ужина, но все получилось с точностью до наоборот: сон не шел, энергия была через край, а заняться было категорически нечем. Даже учебник по магическому программированию не радовал, зато кофе хотелось все сильнее.

Но искать кухню в одиночку казалось явно не лучшей затеей, поэтому женщина просто лежала, смотрела в потолок и пыталась не думать. Вообще не думать.

Чуть слышно скрипнула дверь в прихожей, и Нина сразу метнулась туда — чтобы заметить, как в комнату протискивается Ракун, нагруженный башней из картонных коробок и разноцветных свертков.

Верхняя коробка зацепилась за дверной косяк и скользнула вбок, увлекая за собой остальные. Какое-то время магос еще балансировал на месте, пытаясь выровнять шатающуюся башню, но очень быстро плюнул на это гиблое дело и просто разжал руки. Коробки и свертки с глухим стуком посыпались на пол, прямо под ноги удивленной Нины.

— Это тебе, — объяснил магос.

— Что это? — Нина осторожно потрогала ближайший сверток. Он оказался неожиданно мягким и легким.

— Сама посмотри.

Женщина потянула за бечевку и развернула шелестящую упаковку. Внутри оказалась белая блузка — тонкая, почти прозрачная и на вид вполне по размеру.

— Спасибо, — пробормотала Нина, разглядывая кружевной воротник. Подарок оказался очень приятным, но все же настораживающим. — В чем подвох?

— Никакого подвоха. Я же обещал тебе новые вещи, раз чемодан угробил. Вот, принес всякого. Развлекайся, а я пошел. — Ракун развернулся к двери, отпихнув ногой с дороги одну из коробок.

— Погоди, — остановила его Нина. Если у магоса приступ хорошего настроения — надо пользоваться. — Можешь показать, где здесь кухня?

— За ужином не наелась?

— Нет, кофе хочу. Только нормального, сама сварю. Так можно? Меня оттуда не выгонят?

— Не, Хильда добрая и всех любит. — Ракун махнул рукой, приглашая следовать за ним. Нераспакованные коробки так и остались в беспорядке валяться по полу. — Только зачем тебе кофе, на ночь глядя, женщина?

— Заснуть не могу, — вздохнула Нина.

Магос удивленно поднял брови. Если в этом заявлении и была логика, то от него она упорно

ускользала. Обычно люди пьют кофе, чтобы не спать, а не чтобы заснуть. С другой стороны, тот факт, что люди вообще пьют кофе, Ракуна удивлял не меньше. Если в детстве он эту гадость просто не любил, то после некоторых событий даже запах выносил с трудом.

Поэтому до кухни он Нину проводил, единственной местной кухарке с рук на руки сдал — и позорно сбежал, не дожидаясь начала кулинарного священнодействия, только бросил на прощанье:

— Обрати сама доберешься? А то у меня еще дела есть.

Нина кивнула. Кухня оказалась совсем рядом со столовой, а дорогу оттуда она уже практически выучила.

— Хороший мальчик, только непутевый, — вздохнула кухарка Хильда, провожая магоса взглядом.

На вид она была типичной доброй старушкой: полноватая, опрятная, с седыми волосами, забранными в тугий пучок. А еще от нее вкусно и по-домашнему пахло сдобным тестом. На мгновение Нина почувствовала себя ребенком в гостях у бабушки. Ощущение странное, потому что собственную бабушку она никогда в жизни не видела и, соответственно, в гости к ней попасть не могла.

— Вы давно его знаете? — не удержавшись от любопытства, спросила Нина, пока кухарка доставала из шкафчиков все необходимое.

— Да, считайте, с детства. Как пришел однажды с молодым хозяином, так почти на месяц тут поселился. Лет пятнадцать ему тогда было. Старый лис поворчал, конечно, но разрешил — не выгонять же ребенка на улицу. Кто ж знал, что его по всему Истоку в это время искали с собаками и арфактумами. Когда брат за ним явился, я думала, он его прямо здесь прибьет, но нет, обошлось. За уши оттрепал только. Такой серьезный был парень, обстоятельный... пусть покоится с миром... — Старушка вздохнула. — А этот прохиндей — вечно в синяках, как беспризорник какой. Я думала, с возрастом остепенится, как камень получит, да куда там! Сколько раз сюда приходил весь побитый, в рванье каком-то... Ох, вспомнить страшно! И нашего лисенка вечно во что-то втягивал. А уж когда они малыша притащили...

Хильда резко замолчала, сообразив, что заболталась. Выставила на стол большую турку, банку с кофе, сахар и специи и отошла в сторонку, чтобы не мешать Нине, но та увлеклась разговором больше, чем кулинарией.

Словоохотливая кухарка оказалась отличным источником информации, она явно не хуже хозяйина знала обо всем, что происходило в доме. Не зря же говорят, что слуги всегда в курсе всех событий.

— Малыш — это Силь? — осторожно уточнила Нина.

— Ну да, — кивнула старушка. Желание поделиться воспоминаниями оказалось сильнее необходимости сохранить тайну. — Он и сейчас-то хорошенький, а тогда еще милее был: глазищи, кудряшки. Я сперва не разглядела, подумала даже, что эти два балбеса девчонку приволокли. На руках ведь принесли, он весь в крови был, ходить не мог, говорить не хотел, ото всех шарahalся. Ничего, выходили, прижился, несколько лет тут прожил. Старый хозяин все ругался: не дом, мол, а приют для сырых и убогих. Но мальчишек он любил, как своих, уж я-то знаю. Так и повелось, что если им помощь нужна — первым делом сюда бегут. И сейчас вот опять: малыш болеет, отлеживается, а Эллерт... вам там виднее, что стряслось.

Нина чуть кофе мимо турки не сыпанула.

— Эллерт — это Ракун?

— Ну да. Ой, вы не знали разве? — всплеснула руками кухарка.

— Он никогда имя не называл.

— Так и это не имя, а фамилия. А имя он никому не говорит, упрямец. Хотя мальчишки-то наверняка знают. Они все друг о друге знают. — Хильда сокрушенно вздохнула. Видимо, ей и самой было интересно. — Вы не думайте, что я такая болтушка. Фамилию-то он не скрывает. А про малыша рассказала только потому, что вы и так его видели. А чужим бы я никогда, будьте уверены. Уж сколько лет тут работаю — и никому ни полслова. И вам того же советую.

С точки зрения Нины, лучший способ не выболтать ненароком какую-нибудь тайну — вовсе ее не знать, поэтому она изо всех сил старалась умерить свое любопытство. Но некоторые моменты очень уж терзали.

— А почему Лисар и Силь его полосатым называют?

Старушка хихикнула в кулак:

— Да его все теперь так зовут. Это наш дошутился. Они вечно так развлекались — то ботинки к полу прибьют, то перца в суп подсыплют. Дети, что с них взять. Ну и лисенок наш как-то подкараулил во сне Эллерта да изрисовал ему все лицо. Хотел енота изобразить, но получился тигр какой-то. А краска ядреная попалась, никак отмываться не хотела, так он полосатый и ходил. Ну, походил бы недельку, не развалился, но ему как раз надо было в Исток ехать да в наследство вступать. Ух, как они эту краску сдирали, все втроем, вместе с кожей. В итоге так он и поехал: местами крашенный, местами ободраный. Очень злился, конечно. Напоследок лисенку замочную скважину смолой залил, дверь выламывать пришлось.

Кухарка снова хихикнула. Нина представила себе раскрашенную физиономию Ракуна — и тоже не удержалась от улыбки. И едва успела снять с огня убегающий кофе.

Кофе, к слову, получился отличный, а вот насладиться им в полной мере не удалось: едва Нина пригубила напиток, как за дверью раздался шаг. Очень знакомые, очень быстрые, но при этом неожиданно тихие, как будто один полосатый енот пытался незаметно проشمыгнуть мимо кухни.

Нина немедленно выглянула в коридор и застала магоса полностью одетым и даже с сумкой через плечо — видимо, в этот раз в бездонные карманы поместилось не все.

— Ты куда это собрался? — удивилась женщина. — Просили же остаться дома.

— Гуляю, — прошипел Ракун, выразительно поглядывая в сторону кухни. Видимо, догадывался, что любопытная Хильда мигом наострила уши.

Нина понятливо кивнула, вышла в коридор и прикрыла за собой дверь. И уже тише, почти шепотом спросила:

— Так куда?

— Не могу просто сидеть на месте и ждать, чем все закончится, — не стал скрывать магос. —

Если девчонка действительно у Тивасара, то надо ее вытаскивать, пока не поздно.

— Почему именно у него?

— Интуиция.

Прозвучало это как явная отговорка. Нина была уверена, что только интуицией дело не ограничивалось, но спорить не стала.

Просто спросила:

— Возьмешь меня с собой? Или снова в библиотеку отправишь?

— А если отправлю — ты сразу побежишь докладывать, что я смылся? — прозорливо уточнил Ракун. Нина пожалала плечами. Вряд ли она стала бы немедленно рассказывать о сбежавшем магосе окружающим, на пару часов терпения хватило бы. Но не переубеждать же этого параноика, который так удачно сам себе придумал оправдание. — Ладно, пошли, только потом не жалуйся. И приготовься к тому, что, когда вернемся, Силь убьет нас собственноручно.

— Тебя.

— Что?

— Это ведь была твоя идея, — развела руками Нина. — А я — слабая женщина, не посмела отказать.

Каждый милит — самоуверенная скотина, и лучше всего это известно самим милитам.

Долану доводилось бывать в других мирах, и каждый раз он удивлялся, обнаруживая, какое отребье там порой занимается охраной закона и порядка. Конечно, практически всегда находились отдельные герои или даже какой-нибудь элитный отряд, приближенный к тому или иному правителю, служить в котором было честью, но это считалось скорее исключением, чем правилом.

С милитией Истока дело обстояло куда строже — для того, чтобы попасть туда, требовалось пройти сложный отбор. Проверяли все: физическую подготовку, интеллектуальный уровень, умение ориентироваться в стрессовых ситуациях и кучу других, на первый взгляд довольно странных и совершенно ненужных навыков. Причем выдержавшие испытание получали не работу, а лишь шанс ее обрести, потому что самое сложное ждало их впереди.

Камни.

Для обычных людей, не относящихся к древнему магическому роду, стать милитом означало получить камень. Пусть неказистый, маленький и не слишком мощный, но его силы вполне хватало, чтобы справиться с большинством арфактумов. Такие камни имели искусственное происхождение, по сути — отходы производства, но сладить с ними было не легче, чем с настоящими. И довольно часто случалось так, что новобранцы, показавшие лучший результат во время отбора, не могли пройти инициацию и сразу оказывались на уровень ниже, чем их менее талантливые, но более везучие однокашники.

Долан никогда не считался ни особо везучим, ни особо талантливым. Честный середнячок, ничем во время учебы не выделявшийся, и получение камня эту ситуацию почти не изменило.

Он работал так же, как до этого учился: без взлетов и падений, стабильно и размеренно, пока однажды старательному новичку не доверили крупное дело. Действительно крупное — громкое, резонансное, межмировое, связанное с большими деньгами и влиятельными людьми. Он вгрызся в это дело с привычными энтузиазмом и обстоятельностью... и с оглушительным треском провалился.

Возможно, треск этот был воображаемым и звучал исключительно в ушах самого Долана, но следующие несколько лет его неотрывно преследовало чувство, что все вокруг этот промах помнят и только его и обсуждают. «Это тот самоуверенный придурок, который пытался копать под Тивасара», — говорили друг другу окружающие. Или молчали, но во взглядах явственно читалась насмешка.

Еще через несколько лет Долан понял, что так и должно было случиться. И что он действительно придурок. Точно такой придурок, какой требовался для этого дела — ответственный, исполнительный, вдумчивый... до безумия наивный, совершенно не понимающий, что такие преступления в принципе не раскрываются. Любое происшествие в лабораториях фонда по умолчанию считается несчастным случаем. Всегда.

А если газетчики или оппозиционеры вдруг с этим не согласны, им всегда можно отдать на растерзание молодого амбициозного парня, который действительно пытался разобраться. Со всей тщательностью пытался, носом землю рыл... но так ничего и не вырыл.

По результатам расследования никаких правонарушений не обнаружено, взорвавшиеся виноваты сами, дело закрыто. Расходимся, господа.

Через еще сколько-то лет за плечами у Долана уже было множество серьезных дел, наработанный опыт и интуиция, определенная известность и авторитет, а он смотрел в зеркало и видел все того же придурка, который не смог разобраться со взрывом в лаборатории. И это грызло каждый день, сидело в душе как заноза. Потому что он точно знал — никакой это не несчастный случай, преступник есть, и он на свободе. Знал, только доказать никак не мог.

Долан подозревал Тивасара с самого начала. Накануне взрыва он серьезно повздорил с обеими жертвами, грозил им увольнением и прочими карами, и слышали это очень многие. Но подтвердить официально не согласился никто.

За главой фонда водилось немало темных делишек, как, пожалуй, за любым богатым и влиятельным человеком. Но, как любой богатый и влиятельный человек, официально магнат был перед законом кристально чист, а те, кто пытался копать под него целенаправленно, очень быстро теряли работу, здоровье, а то и жизнь.

Жизнью своей Долан дорожил, да и здоровьем тоже, но все равно попытался. Хотя бы в рамках разумного. Но сразу же уперся в стопроцентное алиби. В результатах экспертизы говорилось, что взрыв спровоцировало некое постороннее магическое вмешательство, произошедшее в момент работы над арфактумом. Официально в это время в лаборатории находились всего два человека, и если один из них работал, то помешать мог только второй. В результате погибли оба.

Тивасар в этот момент присутствовать в лаборатории не мог, потому что его даже в Истоке не было. Они с женой находились в своем особняке, в первом витке, и это подтвердили и жена, и слуги, и (самое главное) сканер ауры, установленный на воротах.

Кто-то мог совершить убийство по его приказу, и Долан начал обрабатывать все сомнительные

контакты, но тоже не преуспел — вариантов просматривалось слишком много, а доказательств набиралось слишком мало.

На горизонте назойливо маячил брат убитого, идеально подходящий подо все версии: и на фонд он периодически работал, и возле особняка магната его несколько раз видели, и хвост из темных делишек за ним тянулся длинный, и скрывал он что-то совершенно точно, и первым делом удрал из Истока, несмотря на прямой запрет... И даже с алиби у него возникли явные проблемы: в нелепое вранье испуганной девицы из внешнего мира Долан не поверил ни на секунду. Да и просто не нравился милиту этот наглый тип.

Всеми правдами и неправдами Долан добился разрешения отследить перемещение его камня в день убийства — тут-то и обнаружилась проблема. Ракуна действительно не было в это время в Истоке. Но и в двадцать третьем витке у той девицы магоса тоже не было. На карте явственно светился ближайший мир, причем район Викены.

Но не лаборатория фонда, даже близко не она.

Опять тупик!

Подозревать Ракуна Долан не перестал. Невинный не стал бы врать и юлить, значит, что-то там не чисто.

И копать под Тивасара не перестал тоже. Просто теперь занимался этим тайком: собирал информацию, знакомился с нужными людьми, делал выводы, ждал. И дождался: узнал, что магнат ищет надежного человека, который не боится грязной работы и может перемещаться по мирам, не вызывая подозрений.

Ему выпал шанс, и шанс не стоило упускать.

Он и не упустил: взял отпуск, прихватил с собой команду головорезов посообразительнее, написал несколько писем нужным людям... и, на всякий случай, завещание.

Судя по всему, последняя предосторожность была не лишней.

Долан запоздало подивился, что все еще жив. Сам он на месте Тивасара, не задумываясь, прибил бы попавшегося милита, но магнат ограничился показательной трепкой.

Какое-то время Долан сопротивлялся его напору: часть вражеской магии нейтрализовал вделанный в жетон камень, от физических ударов защитила форма, кое от чего получилось просто уклониться, но против Тивасара милит все равно выступал как ребенок против взрослого. Магнат был с ног до головы обвешан боевыми арфактумами и такими щитами, что пробить удалось бы разве что из танка, а Долан даже пистолет с собой не взял. В самом деле, зачем ему служебный пистолет, в отпуске-то?!

Отличный отпуск получился! Первоклассный! И сам попался, и девчонку подставил.

Мысль про девчонку странным образом придала сил, и Долан наконец-то решился открыть глаза. Вернее, один глаз — второй дернуло болью, прострелило от виска до челюсти, но открыться он так и не соизволил. Зато чувствительность, притупившаяся за время отключки, наконец-то включилась, и теперь все, что могло болеть, болело, остальное просто ныло или зудело.

Зрение наконец-то сфокусировалось, из расплывающихся пятен медленно сложилась фигура

Алины на фоне красно-бурого кирпичного потолка — девушка склонилась над Доланом, дотронулась прохладной ладонью до его лба и спросила:

— Пить хотите?

Милит задумался, что лучше: кивнуть или попытаться ответить словами. Оба способа коммуникации вызвали некоторые сомнения. Грубо говоря, он не был уверен, что не вырубится, попытавшись сделать хоть что-то.

В итоге кое-как разлепил губы, склеенные запекшейся кровью, и выдавил:

— Очень... хочу.

— А нету! — злобно ответила девчонка и отвернулась.

Правда, почти сразу повернулась обратно, поправила какую-то штуку, укрывавшую Долана вместо одеяла. Присмотревшись, милит обнаружил собственную куртку. Рубашка отсутствовала. Вернее, его кое-как перевязали ее остатками. Ран было явно больше, чем ткани, так что практическая польза от такой перевязки вряд ли имелась, но девчонка явно старалась помочь хоть как-то. А что злилась сейчас... Да кто в такой ситуации не злился бы?

— Простите, что втянул вас в это. — Вторая попытка заговорить оказалась успешнее первой — тело слушалось заметно лучше, даже дыхания на фразу хватило.

— Да заткнитесь вы! И хватит вертеться, а то все раны разойдутся, — буркнула Алина и украдкой поморщилась — от резкого движения разбитая губа снова лопнула, выступила капелька крови, которую девчонка машинально слизнула.

Долану на миг стало больнее, чем от собственных травм.

— Простите, — упрямо повторил он. — Если сможете, конечно.

— Если выживу, то, наверное, смогу. Вопрос в том, выживу ли.

Алина зябко поежилась и нырнула куда-то вбок, уходя из поля зрения. Долан повернул голову следом, и от движения боль с новой силой сдавила виски, вгрызлась в спину и плечи. Зато наконец-то получилось разглядеть что-то кроме потолка, хотя разглядывать здесь было особо и нечего. Подвальное помещение, похожее на винный погреб, разве что без бочек или бутылок. Каменный пол, кирпичные стены, зачем-то вбитый в потолок крюк, никакой мебели, одинокий и тусклый шарик-светлячок, трепыхающийся под самым потолком.

И — совсем уж неожиданно — пожилой мужчина, дремлющий в углу на тонком матрасе.

Долан наконец-то сообразил, что под ним тоже не голый камень, а шерстяное одеяло — местами дырявое и изрядно напитавшееся кровью. Только поэтому он еще не отморозил спину на холодном полу.

Алине в тонкой майке и коротких шортах приходилось куда сложнее: она прыгала по подвалу, пытаясь согреться и бормоча себе под нос песенку про пингвинчиков, которым не холодно.

— Возьмите мою куртку, клисса, — велел Долан.

— Вам не нравится идея умереть у меня на руках от заражения крови? Думаете, от воспаления легких будет быстрее?

— Алина, пожалуйста, наденьте куртку, — повысил голос милит. — И никто не умрет. Я оставил указания друзьям. Если завтра не выйду на связь, то они сообразят, где меня искать.

— Молодой человек, нельзя ли чуть потише? — раздраженно одернули с матраса. Человек, спавший там, с кряхтением потянулся, подул на замерзшие руки. — Завтра все мы будем уже мертвы, так что ваши друзья в лучшем случае оплачат ваше тело.

Долан присмотрелся к неожиданному соседу и с удивлением обнаружил, что знает его. Профессора Гатига несколько раз приглашали читать новобранцам лекции о камнях и арфактумах — так, для общего развития. Один раз он даже сообразовал появиться.

Выглядел профессор как типичный пожилой ученый — лохматый, седой, с кустистыми бровями и бородавкой на носу. И с неизменной тяжелой тростью, которую таскал с собой в основном для статуса или, возможно, чтобы злобно стучать ею по полу и мебели. Поговаривали, что на самом деле эта трость — какой-то очень мощный и многофункциональный арфактум, но все на уровне слухов.

Судя по тому, что сейчас профессор остался без трости, слухи можно было считать доказанными — обычную палку отбирать не стали бы.

Или стали бы?

Долан, стиснув зубы, чтобы не застонать от боли, проверил собственные карманы. У него забрали все: и жетон, и арфактумы, и деньги, и даже носовой платок. И ботинки сняли. Параноики!

Зато на Алине красовались оба ее камня. Впрочем, толку от них до инициации не имелось никакого, а без арфактумов и подавно. Но девчонка с похвальным упорством старалась не унывать:

— Коба и остальные знают, где мы. Они нас не бросят!

— Еще как бросят, — уверенно ответил Долан. — Если успели удрать, то обратно уже не вернутся. Придется справляться самим. Наденьте куртку!

Алина из чувства противоречия отступила подальше от милита. Он вздохнул и попытался подняться. Чувствовал себя мужчина вполне сносно, случалось и хуже. В основном тело украшала художественная россыпь из синяков и рассечений, болезненных, но не смертельных. А что голова трещит — это, видимо, сверху камнем прилетело. Попытка задержать Тивасара как раз этим и закончилась: магнат, увлекшись, раздолбал часть стены над дверным проемом, и Долана сначала оглушило взрывом, а потом завалило камнями.

Возможно, в обратном порядке.

Больше всего беспокойства вызывал не желающий открываться глаз, но оказалось, что не так все страшно — просто кровь из разбитого виска накрепко склеила ресницы. В итоге милит, кажется, выдрал половину из них, пока пытался обрести зрение, зато теперь мог смотреть обоими глазами. Правда, картинка все равно расплывалась и кружилась, пол под ногами шел волнами, и очень сложно было на этих волнах удержаться.

Но до Алины Долан все же добрался, решительно натянул на нее куртку, запахнул поплотнее — и наткнулся на настороженный, недоверчивый взгляд.

— Почему вы не предупредили, что используете меня как наживку? — уже совсем не злобно, скорее грустно спросила девушка.

— Не хотел пугать.

— Я в любом случае испугалась бы! Когда тебя похищают и куда-то тащат — это, знаете ли, очень страшно!

— Надо было, чтобы перед Тивасаром вы вели себя естественно.

— Неправда! Надо было, чтобы я вытянула из него как можно больше информации и не засветила эту проклятую булавку! И не пыталась бы так глупо сбежать. Я бы просто согласилась на все условия, а потом вы пришли бы с каким-нибудь отрядом спецназа и вытащили меня. Сейчас бы уже вытащили!

Долан покаянно опустил голову. Привести людей из Истока он смог бы не раньше завтрашнего заката, но девчонке совсем не обязательно это знать. Если ей так хочется его обвинить — пусть обвиняет. Тем более что в чем-то она права.

Да что уж там, практически во всем права!

— Рассказывайте. С самого начала, — велела Алина. В голосе неожиданно прорезался металл. — Зачем вы все это затеяли?

— Категорически поддерживаю! Молодой человек, немедленно объясните: чего вы пытались добиться своей глупой выходкой? — поддержал девушку ученый.

— Здравствуйте, профессор Гатиг, — наконец-то поздоровался Долан. — Может, тогда и вы расскажете, как здесь очутились и что происходит?

— Непременно, непременно, — закивал старик. — Но только после вас.

Что поделать, пришлось рассказывать.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, в которой ночная прогулка завершается неожиданным образом

Вечер плавно превращался в ночь, на небе сияли яркие звезды, а дорога мягко ложилась под колеса двух лисапедов.

Ракун не слишком любил этот вид транспорта, но сейчас он казался наиболее оптимальным: не ржет в самый неподходящий момент, в отличие от лошади, не ревет мотором, как машина, а по скорости даст фору и тому, и другому. А еще практически незаметен в темноте, особенно если взять черный, а не голубой в цветочек. Благо выбор в мастерской у Лисара был огромный, а останавливать магоса, который внезапно решил прокатиться, никто и не подумал.

Нина ехала следом, успевая и звездным небом полюбоваться, и за Ракуном понаблюдать. И то, что она видела, ей совсем не нравилось. Магос стал какой-то непривычно нервный, дерганый, и даже на волнение это списывалось с трудом. В конце концов, волновался он со вчерашнего дня, а нервничать начал только сейчас, когда они почти добрались до нужного места.

Беспокоило и то, что он так легко согласился взять ее с собой, не попытавшись отговорить или переубедить. Даже сам удобную причину для этого выдумал. И гора подарков, так и оставшихся неразобранными... Ведь явно же хотел сделать приятное, но попытался обставить

все так, будто просто выполнил обещание.

И не язвил почти.

Очень странно. Если бы речь шла о каком-то другом абстрактном мужчине, Нина подумала бы, что он пытается поухаживать или за что-то извиниться. Но извиняться было вроде как не за что, а ухаживания с образом Ракуна вообще плохо сочетались, по крайней мере такие неуверенные.

Да и о каких вообще ухаживаниях речь, он же ее двадцать лет знает! С чего вдруг?

С другой стороны, она его тоже двадцать лет знает. Так с чего вдруг?

Нина украдкой посмотрела на магоса, целеустремленно крутившего педали, поудобнее перехватила руль, чувствуя, как вспотели ладони.

И сама себе ответила: «Не вдруг. Совсем не вдруг».

И нажала на тормоз, потому что Ракун резко остановился у обочины, прыгнул на землю и покотил лисапед подальше от дороги, за кусты.

Вереница кустов тянулась еще метров сто, а потом прерывалась глухим забором, окружавшим чей-то участок. Видимо, именно там и жил неведомый злодей. Если магоса, конечно, не обманула интуиция (или некая информация, которую он старательно не хотел раскрывать).

Ракун тем временем вытащил из сумки стеклянный шар типа гадального. Внутри колыхалась неясная дымка, будто клоч тумана оторвали и непонятно как засунули под стекло. Нина подошла поближе, заинтересованно склонилась над шаром, но магос сразу же отдернул его, взвесил в руках — и отложил в траву. А потом вдруг начал раздеваться.

— Ничего не хочешь мне объяснить? — осторожно спросила Нина, глядя, как мужчина расстегивает рубашку и стягивает сапоги.

— Зачем? Сама сейчас увидишь. Только отойди на пару шагов назад и не двигайся с места, пока не скажу, что можно.

Нина дисциплинированно отошла подальше и приготовилась ждать. Было непонятно и любопытно.

До конца Ракун раздеваться не стал, трусы оставил. Видимо, они грядущему странному действию не препятствовали. Зато чем-то помешала сережка — магос вынул ее из уха, перевесил на шею, к ожерелью из разномастных арфактумов, и еще раз предупредил:

— Не двигайся с места. Вообще не шевелись.

— Может, еще и не дышать?

— Как хочешь, — отмахнулся Ракун, улегся на спину прямо в траву и потянулся за шаром. Дымка внутри заметалась, растеклась по стенам и тут же отпрянула от них, собираясь в центре. — Считай до тридцати. Медленно. Вслух.

— С начала или с конца? — педантично уточнила Нина.

— Хоть с середины. Просто чтобы я слышал твой голос, а ты знала, сколько осталось.

— Осталось до чего?

— Считай, — рывкнул магос, прижимая шар к груди. Руки у него едва заметно дрожали, но Нина попыталась убедить себя, что это просто от напряжения.

— Один... — неуверенно начала она, — два... три...

На счете «четыре» дыхание сбилось, и женщина чуть не вскрикнула, потому что Ракун вдруг зашипел сквозь стиснутые зубы и дернулся всем телом, с размаху впечатавшись головой в землю. Если бы все происходило на асфальте или на жестком полу, разбил бы затылок, а так только траву примял и волосы испачкал.

Нина пыталась смотреть именно на волосы — это оказалось легче, чем вглядываться в искаженное болью лицо, но взгляд все равно раз за разом возвращался именно к нему. Зрелище ее глазам предстало жуткое — у магоса разом словно бы свело все мышцы. На руках, судорожно вцепившихся в шар, вздулись вены.

Дымка внутри шара вдруг посветлела, заискрилась всеми цветами радуги и начала уплотняться, образуя человеческий силуэт. Зато тело магоса наоборот расплылось, стало нечетким, эфемерным, почти прозрачным.

— Десять! — почти кричала Нина. — Одиннадцать!

Очень хотелось считать быстрее, еще быстрее, как будто течение времени могло зависеть от скорости счета. Наверное, отслеживать по часам точнее и проще, но сейчас Нина не могла заставить себя перевести взгляд с Ракуна на собственное запястье. Не могла не смотреть на то, что происходит. И смотреть спокойно тоже не могла.

— Семнадцать.

Тело магоса снова начало уплотняться, на глазах становясь все более осязаемым и четким. Только вот это было совсем не его тело.

Человек, корчащийся от боли перед Ниной, оказался гораздо выше, но при этом худее, волосы стали короче, черты лица — мельче. А вот шрамы почему-то остались на своих местах.

— Двадцать четыре.

Дымка в шаре снова посветлела и, лениво колыхаясь, осела на самое дно. Некто, совершенно не похожий на Ракуна, резко выдохнул и разжал руки. Шар упал с его груди в траву и покатился дальше по узкой, едва заметной ложбинке. Нина хотела его поймать, но вовремя вспомнила, что нельзя сходить с места.

Шар остановился сам, наткнувшись на кочку. И в этот же момент магос пробормотал:

— Ненавижу это дело. Все, женщина, можешь выдыхать.

Голос был чужой, а вот интонации остались прежние, высокомерно-язвительные.

— Двадцать семь, — пробормотала Нина и осела в траву рядом с шаром.

Ноги не держали, и вообще ощущение возникало такое, будто это ее сейчас корежило, а не Ракуна.

— В обморок еще упади! — фыркнул магос, поднимаясь и отряхиваясь. С хрустом потянулся, покрутил головой, привыкая к новому телу. — Говорил же, что если меня раздеть, ты станешь беспомощной.

— Это не ты!

— А кто же еще? — Ракун вытряхнул из сумки второй комплект одежды и начал быстро натягивать на себя. Даже ботинки запасные припас.

— Не знаю. Мерзкий тип какой-то.

— Это ты угадала. Представляю тебе Герберта Тивасара. Если когда-нибудь увидишь этого человека — держись от него подальше.

— И зачем ты им стал? — Нина наконец-то пришла в себя, поднялась и принялась аккуратно складывать старую одежду, разбросанную магосом по всей округе.

— Потому что настоящего меня охрана прибьет еще на подходе к дому, а на хозяина у них рука не поднимется.

— А если ты с ним столкнешься?

— Не столкнусь. Потому что... — Ракун перехватил Нину за руку, посмотрел на часы. Перевел взгляд на дорогу — и почти сразу же на ней показалась машина, которая с диким ревом промчалась по направлению к Викене. Ну, как промчалась... Километров сорок в час по местным меркам, видимо, считались неплохой скоростью. — Потому что настоящий Герберт Тивасар только что уехал по срочному делу. Точно по графику.

— И откуда у него взялось это срочное дело?

— Несколько минут назад ему сообщили о пожаре в викенском отделении фонда.

— Ты рехнулся? Дома поджигать — это уже перебор! — нахмурилась Нина.

— Успокойся, женщина! Когда бы я успел? Нет там никакого пожара, ложная тревога. Но, надеюсь, на пару часов она Тивасара задержит. Так что спасибо, что проводила, а мне пора идти.

— Проводила? — До Нины с опозданием дошло, что сейчас ее прямо здесь, посреди дороги, и бросят.

Перспектива остаться в одиночестве ночью на темной трассе не слишком радовала, как и известие о том, что магос собрался лезть куда-то один, без поддержки. Хотя если подумать, чем бы она могла ему помочь? Только под ногами путалась бы...

— И что мне теперь делать? — смирилась Нина.

— Сидеть и ждать. Караулить лисапеды, вещи и вот эту штуку. — Магос протянул ей тонкую прозрачную трубочку, похожую на стержень от шариковой ручки, только заполненный мутно-белой жидкостью. — Если через два часа не вернусь, ломаешь ее пополам, собираешься и быстро-быстро уезжаешь.

— Что это? — Нина повертела трубочку в руках, жидкость внутри заколыхалась.

— Сигналка. Кому надо — поймут, что делать.

— А если этот Тивасар вернется раньше времени?

— Надеюсь, что нет, иначе мне крышка, — невесело усмехнулся Ракун. — Но если что — ломай сразу и немедленно уезжай. Даже не пытайся сама сунуться в особняк. Не вздумай вообще приближаться к этому дому и его хозяину!

— Почему? — нахмурилась Нина. — Почему тебе можно, а мне нет?

На самом деле она хотела сказать: «Почему ты туда рвешься, если там так опасно, но при этом нет никаких доказательств, что глава фонда и есть преступник?» Хотела, но оборвала себя на полуслове, потому что магос не просто подозревал Тивасара — он откуда-то точно знал, что тот виновен.

И сейчас — именно сейчас — Нина ему верила.

Только отпускать очень не хотела. Настолько, что вцепилась ему в руку и замерла, глядя в глаза.

Ракун в ответ улыбнулся и потрепал ее по волосам:

— Потому что мне надо, чтобы ты жила, дурочка. И не делай такое лицо, словно уже заранее меня похоронила. Ничего со мной не случится, просто разведая там все и вернусь.

— Тогда иди уже. Быстрее уйдешь — быстрее вернешься. — Нина решительно отстранилась.

— Эй, а поцелуй на удачу? — сощурился магос.

— Не буду я эту мерзкую рожу целовать.

— А когда свою верну?

— Вот когда вернешь — тогда и посмотрим.

— Хорошо, — легко согласился Ракун. И, внезапно наклонившись, чмокнул Нину в макушку.

После чего стремительным шагом направился к особняку, оставив женщину думать о том, что это сейчас вообще было. Мысли, как назло, выходили сплошь невеселые: слишком уж все походило на прощание.

Ворота перед особняком Тивасара, ничем внешне не примечательные, всегда представлялись Ракуну мифическим чудовищем. Чудовище пялилось на входящих глазами охранников, обнюхивало арфактумами, предупредительно рычало рогачьими глотками и очень редко выпускало обратно тех, кто рискнул сунуться к нему в пасть.

И то, что несколько раз магосу удалось выйти оттуда на своих двоих, ничего не меняло. Потому что в последний раз его из этих ворот выкинули избитого, едва дышащего и в одних штанах. Между прочим, среди зимы!

После этого Ракун точно знал, что по доброй воле никогда больше в этот дом не сунется. Еще сегодня утром первым рассмеялся бы в лицо тому безумцу, который осмелился бы такое предположить.

Но потом были мельком увиденная в городе Тина, странные логические цепочки рассуждений, выплывшие в разговоре за обеденным столом, и еще более странные, существовавшие только в голове магоса. Возможно, стоило озвучить их, но что бы это изменило? Догадки в любом случае остались бы догадками, а этого недостаточно, чтобы брать особняк магната штурмом. А раз так, проще все разведать самому.

Проще, тише, быстрее... и опаснее. Но когда происходило по-другому?

Ракун, прежде чем постучать, несколько раз вздохнул, собираясь с духом. Проекция ауры в шаре была старая, двадцатилетней давности, но вроде бы села надежно, а Тивасар за это время не так уж и изменился. Да и, в конце концов, ночь же. Кто станет разглядывать?

Охрана на воротах, однако, смотрела недоверчиво и удивленно.

— Что? — нервно гаркнул магос. — Машина сломалась, пришлось пешком возвращаться.

— Другую подогнать? Или ту обратно прикатить? Далеко она? — тут же затараторили излишне исполнительные ребята.

— Без вас все сделано, ее в город отвезут, там и посмотрят. Могу я уже пройти?

Охранники тут же посторонились, пропуская хозяина, и Ракун бодро направился к дому, надеясь, что там не успели сделать перепланировку. Крайняя глупость — заблудиться в собственном особняке.

Хотя одну глупость он уже сделал: вряд ли Тивасар стал бы оправдываться перед охраной. Скорее всего, даже взглядом бы их не удостоил. И ходил он не так, и говорил не так, но магос сейчас слишком нервничал, чтобы достоверно изображать этого мерзкого типа. Оставалось надеяться, что сойдет. И что это в последний раз. Самый-самый последний!

Слуги на внезапно вернувшемся хозяина тоже смотрели удивленно, но больше Ракун свою ошибку не повторял: не разглядывал их в ответ и не пытался объяснять свои действия. Просто шел вперед знакомым маршрутом, старательно не глядя по сторонам, и очнулся, только поднявшись по лестнице.

Мысленно выругался.

Первым делом он собирался отыскать подвал и тот самый погреб, где когда-то очень мило общался с владельцем дома и его кнутом, но ноги сами привели к комнате Тины.

Как и положено скучным добропорядочным гражданам, спальни у семейной четы Тивасар были отдельные. В комнаты Герберта Ракун никогда не заходил, да и не стремился туда попасть, а вот покои Тины успел изучить очень даже неплохо. И сейчас, стоя перед дверью, всерьез задумался, не постучать ли.

Может, он все неправильно понял, напридумывал ерунды, и сейчас прекрасная хозяйка дома даст логичные и однозначные ответы на его вопросы? Может, и подвал искать не придется? Может, он просто ошибся?

Честно говоря, Ракун очень хотел ошибиться.

Стук в дверь вышел слишком тихим, вкрадчивым, как будто не муж к жене пришел, а робкий слуга к хозяйке. Однако Тина расслышала, и из комнаты сразу же раздалось уверенное:

— Войдите.

Магос толкнул дверь и проскользнул внутрь.

Госпожа Тивасар сидела перед зеркальным столиком и заканчивала макияж. Увидев мужа, она едва заметно улыбнулась:

— Уже вернулся? Все нормально?

— Ложная тревога, — ответил Ракун, пытаясь уговорить колотящееся сердце.

Рядом с Тиной он всегда чувствовал себя как озабоченный подросток. Возможно, если бы их отношения дошли до логического конца, магос сейчас о красоте и не вспоминал бы, вычеркнул ее из памяти, как многих других. Но все закончилось так, как закончилось. То есть не закончилось вовсе. И от этого эмоции захлестывали еще сильнее.

— Что-то не так? — спросила Тина у собственного отражения.

— Все прекрасно, — поспешил заверить Ракун. — Ты обворожительна. Напомни, куда собираешься?

Госпожа Тивасар наконец-то оторвала взгляд от зеркала и удивленно посмотрела на стоящего в дверях мужчину. Ее рука с длинными, покрашенными алым ногтями скользнула к камню на груди. Тот ответил едва заметной искрой, и улыбка женщины сразу же превратилась из легкой и домашней в чарующую и призывную.

— Ах, это ты! Ну здравствуй, Ракун, — томно проворковала Тина и, торопливо докрасив губы, поднялась навстречу гостю.

— Здравствуй, — эхом отозвался магос, разглядывая ее.

Тина сменила обтягивающее платье, в котором щеголяла днем, на более удобный и практичный брючный костюм, совсем не похожий на ее обычные полупрозрачные пеньюары. Или отучилась от привычки смущать слуг (что вряд ли), или действительно собиралась куда-то, или ждала гостей.

На ночь глядя?

— Тебя так давно не было, — Тина подошла почти вплотную, провела кончиками пальцев по щеке Ракуна. — Я скучала.

— Я тоже скучал, — признался магос, аккуратно перехватывая ее руку и прикасаясь к ней губами. — Думал, что справлюсь, но когда увидел сегодня в городе... Что ты там делала?

— Ходила за покупками. Мне казалось, это очевидно.

— И в ювелирный магазин Фольта, видимо, заходила?

— Возможно... Не помню, — мурлыкнула Тина, всем телом прижимаясь к мужчине. Ее руки немедленно проникли к нему под рубашку, скользнули по груди, слегка задержались на шрамах. — Ох, это все Герберт с тобой сделал, да? Прости! Прости, пожалуйста, я не думала, что так случится. Поверь, я не хотела. Он не должен был ничего узнать. Нас выдали.

— И кто же это сделал?

Сердце уже не просто колотилось, оно билось в груди как дикий зверь, пытающийся вырваться на свободу из чересчур тесной клетки. Тина наверняка чувствовала это, не могла не почувствовать.

Эта женщина одним только голосом могла вить из него веревки, а от прикосновений инстинкт самосохранения вообще отказывал напрочь. Неудивительно, что в прошлый раз магос с ходу согласился на все ее условия, еще не зная, к чему это в итоге приведет.

Да и сейчас он почти потерял контроль, но все же взял себя в руки, склонился к женщине и повторил прямо в ее призывно приоткрытые губы:

— Кто нас выдал, Альбертина?

Вместо ответа она впилась в него безумным, несдержанным поцелуем. Руки, до того плавно скользившие по телу, теперь царапали кожу острыми ногтями. И Ракурн не выдержал — сжал ее в объятиях, забрался под блузку, повел ладонями по нежной коже...

Объяснения подождут! Все подождет! Еще больше часа в запасе!

Но все закончилось гораздо раньше. Только что магос чувствовал тонкие пальцы на своих плечах, как вдруг рука Тины рванула с его шеи шнурок с подвесками.

Ракурн даже удивиться не успел. Отстраненно подумал, что раньше она в порыве страсти за чужие арфактумы не хваталась, и успел порадоваться, что шнурок крепкий... но, как выяснилось, сам шнурок женщине и не требовался, достаточно было висящей на нем сережки. И как только она оказалась в руках Тины, алый камень на груди красотки снова коротко сверкнул.

— Стой! — крикнул магос, разрывая поцелуй, но опоздал.

Голова вдруг закружилась, в глазах потемнело, ноги стали ватными. С высоты Тивасаровского роста падать было не очень комфортно, но толстый ковер смягчил удар. Впрочем, Ракурн отключился еще до того, как это произошло.

— Вот заладил: кто выдал, кто выдал... — пробормотала Альбертина Тивасар, аккуратно стирая с губ остатки пропитанной чарами помады. — Никто никого не выдавал. Все знали обо всем с самого начала. Но как же не вовремя ты объявился...

Делать в подвале было абсолютно нечего, оставалось разве что разговаривать.

Говорили в основном Долан и старый профессор. Что-то выясняли, доказывали, убеждали, не особо заботясь, поняла ли их девушка из другого мира. Алина действительно понимала не все, но вопросы задавать не спешила. Профессор так вдохновенно рассказывал о каком-то своем открытии, что перебивать его казалось кощунством.

— Вот по дороге с симпозиума он меня и перехватил. — Гатиг с кряхтением поерзал на матрасе, разминая спину. — Интересная, говорит, у вас гипотеза, профессор. Жаль, что на практике все это реализовать невозможно. И вот дернуло же меня сказать, что еще как возможно. Надо лишь условия в точности соблюсти, собрать подходящие по параметрам камни — а за результат я ручаюсь. Кто же знал, что он действительно решится на эксперимент, да

еще столько лет спустя.

— Сколько? — немедленно уточнил Долан.

— Да почти тридцать. Я об этой истории и думать забыл, но на днях вдруг явился Тивасар и вежливо так предложил: а не хотите заехать ко мне в гости вместе со своими формулами и прочими результатами исследований? Я тут, говорит, совершенно случайно стал обладателем семи идеально подходящих друг к другу камней разного уровня, полный спектр, так сказать. И астрономические даты подходящие. Давайте же проверим вашу гипотезу!

— И вы так сразу согласились? Даже не подумали, как можно «случайно» получить семь камней в личное пользование?

— Молодой человек, — укоризненно протянул профессор. — Конечно, я об этом подумал. Сразу понял, что дело нечисто. Хотел выпроводить его по-тихому, но, знаете... Господин Тивасар очень хорошо умеет убеждать.

— Он вас бил? — сочувственно спросил Долан, потирая плечо.

— Что вы, пальцем не тронул. Я старый человек, могу от ударов и помереть ненароком. Разве что сюда вот запихал, да и то одеялом снабдил, позаботился. Но у меня, господин милит, две внучки, близняшки. И я хочу, чтобы они жили долго и счастливо. А наш радушный хозяин весьма однозначно дал понять, что если я откажусь от его предложения, то жить девочкам останется несколько дней. Поэтому я отдал ему все свои разработки... Если ритуал завершится успешно, Тивасар меня отпустит. И не надо на меня так смотреть, молодой человек! Я, знаете ли, не герой и не готов жертвовать собой и родными. Да и неужели вам совсем не интересно, что получится в итоге?

— Да я, честно говоря, так и не понял, что должно получиться, — сознался Долан.

Алина хихикнула. Видимо, не только ей было стыдно перебивать профессора ради уточнений.

— Я для кого тут полчаса распинаюсь, неучи? — обиженно буркнул Гатиг, но вовремя сообразил, что перед ним не коллеги-ученые с симпозиума, а милит, который магические структуры проходил по упрощенному курсу, и девочка, которая этому вообще не училась. — Хорошо, давайте еще раз. С помощью моих формул можно последовательно нарастить уровень камня, доведя его до абсолютного максимума. Таким образом мы получим настолько мощное средоточие силы, что сумеем воздействовать на любые другие камни и арфактумы.

— Это очень плохо? — на всякий случай уточнила Алина.

— Как сказать... — Долан, болезненно поморщившись, потер лоб. — Тивасар — глава Фонда распределения. У него есть доступ ко всей информации по камням: какой кому принадлежит, какой силой обладает, к кому перейдет по наследству и где находится в данную минуту. А теперь представьте, что он может в нужный момент просто заблокировать любой из чужих камней. Или наоборот, использовать по своему усмотрению, даже не прикасаясь к нему. Безграничный простор для шантажа, подкупа и прочих махинаций!

Алина представила. Если у всех обитателей Истока жизнь так или иначе вращалась вокруг камней, то человек, управляющий ими, фактически управлял всем миром. И немножко соседними.

Ничего так масштаб проблемы!

— То есть после ритуала Тивасар получит эдакое Кольцо Всевластия?

Профессор сокрушенно развел руками:

— Не знаю, что вы подразумеваете под Кольцом Всевластия, но в целом — да. После ритуала он станет самым могущественным человеком в Истоке.

— Если не взорвется в процессе, — добавил Долан.

— Если все делать правильно, то риск сведен к минимуму. Собственно, для этого и нужны именно чистые камни.

Две пары глаз снова уставились на профессора с синхронным недоумением.

— Чистыми принято называть камни, у которых в данный момент нет ни законного владельца, ни наследника, — объяснил Гатиг. Говорил он размеренно, как будто лекцию читал. — Причем важно, чтобы предыдущий владелец отказался от камня добровольно. Ни в коем случае нельзя использовать камни, последние хозяева которых умерли насильственной смертью, именно они чаще всего выдают при обработке избыточную реакцию в виде взрыва. Кроме этого есть еще множество факторов: определенные даты, совместимость камней, место проведения ритуала... Пожалуй, опасение в данном случае внушает место. Лучше заниматься этим непосредственно в Истоке, но первый виток тоже сгодится. Тем более что мы довольно близко к реке.

Профессор еще что-то говорил, но Алина уже не слушала — перебирала и сопоставляла факты. У Тивасара все было для идеального ритуала, кроме последнего, седьмого камня — желтой подвески, висящей на шее девушки.

Но пока он за этой подвеской не торопился. Может, решил помариновать пленницу подольше, надеясь, что она сама, без дополнительных угроз, примет верное решение? Как будто среди двух вариантов — отречься от камня или умереть — вообще мог существовать верный. Тем более что у Алины имелись все причины подозревать, что умрет она в любом случае — слишком много знает. Так что у нее теперь одна дорога: отправиться вслед за собственными родителями, так и не отомстив их убийце и даже не попытавшись его остановить.

Или...

— Убейте меня прямо сейчас! — Девушка в упор уставилась на Долана.

— Что? — опешил тот.

— То самое! Если обряд пройдет успешно, этот ваш Тивасар начнет изображать канцлера Палпатина и быстренько подомнет под себя все окрестные миры. Для того чтобы этому помешать, достаточно меня убить. Насильственная смерть владельца — и камень станет бесполезным. Просто сверните мне шею, ну? Или задушите. Или еще что-нибудь придумайте, только быстро, а то мне страшно.

— Рехнулась? — Милит от удивления даже на «ты» перешел, но быстро взял себя в руки: — Простите, Алина, но я не стану этого делать.

— Послушайте, Тивасар сам сказал, что убьет меня после обряда. Так назовите хоть одну причину, кроме вашей собственной щепетильности, почему мой вариант — не вариант?

— Ваш дядя меня прикончит. А ваша тетя ему поможет, — терпеливо разъяснил милит.

— Тетя? — заинтересовался Гатиг, до этого благоразумно не вмешивавшийся в разговор. — Мне казалось, у старшего Эллерта были только сыновья...

— Мамина сестра, — вздохнула Алина.

— Не из рода Эллертов, но при этом ваша кровная родственница? — дотошно уточнил профессор.

— Да. Она, конечно, очень расстроится, если со мной что-то случится, но... со мной же уже случилось. Поэтому давайте побыстрее.

«Очень расстроится» — это мягко сказано. Но ведь выбора-то нет? А такое самоубийственное решение — это вроде как добровольная жертва, смерть за правое дело. В книжках за такое памятники ставят и всякие почести воздают. Посмертно...

— Погодите, клисса, — оборвал ее суицидальные мысли Гатиг. — Умереть вы еще успеете. Но сейчас мне кажется, что у нас появился небольшой шанс. Слушайте внимательно...

Два часа ожидания тянулись бесконечно. Чтобы хоть как-то скоротать время, Нина читала про себя стихи и напевала вслух песни, бродила вдоль кустов, поглядывая на едва видимые в лунном свете стрелки часов, и решительно не знала, чем еще можно заняться. В итоге начала перебирать вещи Ракуна — исключительно от скуки. На всякий случай напредила себе, что нехорошо лазить по чужим сумкам и карманам, но ведь прямого запрета не было.

Зато она очень хорошо помнила указание насчет денег, спрятанных в сапоге. Сами по себе финансы ее сейчас не интересовали, но разве нормальные люди делают тайники в каблуках и таскают с собой булавки со встроенным микрофоном? Это отдавало каким-то шпионским романом и здорово будоражило воображение.

Да и вообще, если Силь управляет местной разведкой, то почему Ракун не может на нее работать?

С другой стороны, болезненный ангелочек, в отличие от своего полосатого друга, не вел себя как гормонально озабоченный подросток. Им бы условный внешний возраст местами поменять — идеально бы вышло.

Нина добросовестно обыскала вещи, но больше ничего, подтверждающего шпионскую версию, не нашла, а оставленные в карманах арфактумы могли оказаться чем угодно. И если омолаживающие таблетки и прилагающаяся к ним бутылочка с зельем выглядели знакомо и понятно, то рыба чешуйка и металлический чемодан размером со спичечный коробок больше походили на содержимое детского тайника.

Хотя...

Нина рассмотрела чемодан и недоуменно нахмурилась. Несмотря на миниатюрный размер, в глаза бросались отломанное колесико, треснувшая ручка, замотанная изолентой, и слегка расходящаяся молния на одном из карманов. Никаких сомнений, это был ее чемодан! Тогда почему Ракун сказал, что потерял его?

Со стороны города показалась знакомая машина, и Нина торопливо пригнулась, прячась за

кустами. Сунула арфактумы в карман, чтобы не мешались, сверилась с часами — время еще не вышло, но Тивасар уже вернулся. Плохо!

На всякий случай подождала еще немножко. В ночной тишине было слышно, как требовательно посигналила машина, как с лязгом открылись перед ней металлические ворота. И почти сразу же захлопнулись обратно. Ракур так и не появился.

Вот теперь точно все!

Стеклянная палочка с хрустом переломилась пополам. Белесый дымок выплыл из стержня, тонкой струйкой устремился в небо и растаял там без следа. Больше ничего не произошло.

Нина и сама не могла толком объяснить, чего она ждала: выстрела ракетницы, вопящей сигнализации или открывшегося портала, из которого повалил бы спецназ. Наверное, ее устроил бы любой заметный результат, но сейчас она не понимала, сработал ли арфактум хоть как-нибудь. Вдруг у него срок годности кончился!

Это нервировало, но возможность проверить отсутствовала, поэтому осталось только ехать обратно в Викену. Второй лисапед, видимо, предлагалось бросить прямо тут — не тащить же его за собой по трассе. И Ракуна тоже бросить. И выкинуть из головы дурацкие мысли о том, что он попал в беду и нуждается в помощи.

Просто взять и уехать, потому что обычная женщина из другого мира совершенно ничего не может сделать для его спасения.

Абсолютно ничего.

Точно.

Нина решительно тряхнула головой, выкатила лисапед на дорогу, проверила колеса — и поехала к воротам, на ходу изобретая план. Врать и притворяться она никогда не умела, но надо же когда-то начинать.

Особой шумихи в особняке заметно не было: никто не кричал, не бегал, не ругался. На нервный стук из калитки рядом с воротами выглянул охранник: широкий в плечах, усатый и очень недовольный. Весь его вид мог служить иллюстрацией к фразе «кого еще там принесло?», но при виде молоденькой растрепанной девушки мужчина смягчился и спросил почти вежливо:

— Чего тебе?

— Простите, пожалуйста, что в такой час беспокою... — искренне смущаясь, пробормотала Нина. — У вас насоса случайно нет?

— Какого еще насоса? — удивился охранник.

— Да вот, колесо спустило. Поможете? Я только подкачаю и сразу же уеду.

Глазки строить Нина умела не больше, чем врать, но тут этого и не требовалось. Наоборот, надо было выглядеть максимально невинно, как брошенный котенок под дождем. У Алинки такое хорошо получалось, да и у большинства студенток на экзаменах тоже. На оценки эти гримасы в итоге не влияли, но общее впечатление скорректировать могли.

Мужчина вздохнул, задумчиво потоптался на месте, пощупал колесо (действительно заметно промявшееся под его пальцами) и крикнул кому-то во дворе:

— Последи, я сейчас вернусь. А ты... — это уже относилось к Нине, — жди здесь, внутрь не суйся.

Нина с благодарностью закивала, и охранник скрылся во дворе, притворив за собой дверь. За время разговора рассмотреть удалось только широкую дорогу, ведущую от ворот к здоровенному величественному зданию. Там явно не спали — в большинстве окон горел свет.

Через некоторое время мужчина действительно вернулся с насосом. Нина неуверенно покрутила его в руках: конструкция была знакомая, а вот способ подсоединения к колесу заметно отличался от привычного.

Понаблюдав несколько минут, как ночная гостья пытается сообразить, что нужно отвинтить и к чему привинтить, охранник отодвинул неумеху в сторону и занялся подкачкой сам.

— Откуда ты только взялась такая? — усмехнулся он, ловко орудуя насосом.

— Из Заречья, — с готовностью ответила Нина. — Это деревня такая, ниже по реке.

— И не страшно одной кататься, да еще и ночью?

— Да я не думала, что так далеко заберусь. Ехала и ехала, погода хорошая. А стемнело как-то резко, я обратно повернула, но тут колесо вот... В общем, вы меня спасли!

Спаси-то спасли, а во двор так и не пустили. Видимо, придется прибегать к более радикальным мерам. Придумать бы их еще, эти меры...

Нина потянулась поправить очки, но вовремя вспомнила, что их нет на месте.

— Все! — Охранник с довольной улыбкой отсоединил насос. — Принимай работу. И удачно тебе добаться.

— Спасибо большое! — Нина запрыгнула в седло, махнула на прощанье рукой, проехала несколько метров... и, резко вывернув руль, полетела в придорожный кювет в обнимку с лисапедом.

Стало больно. Не так, чтобы заорать или потерять сознание, но вот поскулить от жалости к себе очень хотелось. Но это в планы не входило, поэтому пришлось сжать зубы, молчать и терпеть, не откликаясь на встревоженное: «Эй, ты там жива?» — долетевшее от калитки.

Расчет оказался верным: поднимать случайного велосипедиста охранник, может, и не побежал бы, а к почти знакомой девице метнулся только так, еще и напарника с собой позвал. Вдвоем они стащили с Нины лисапед и задумчиво усталились на неподвижное тело.

Нина позволила себе пошевелиться, приоткрыть глаза и тихонько застонать. Заодно проверила, не повредила ли что-нибудь на самом деле, но вроде обошлось несколькими синяками и ссадинами. Всего пару дней назад (и двадцать лет вперед) она бы так легко не отделалась.

— Ты как? Сильно расшиблась? — пробасил второй охранник, пока первый деловито ощупывал руки и ноги пострадавшей. Переломов, к всеобщему счастью, не нашел.

— Не знаю, — осторожно протянула Нина, пытаясь подняться и сразу же падая обратно. — Я

сейчас немножко полежу — и приду в порядок. Наверное...

— Полежит она, как же! — фыркнул усатый, осторожно подхватывая ее на руки. — Отморозишь себе все на голой земле, а я потом виноватым окажусь. Рик, поддержи дверь, я ее в подсобку занесу.

— Нельзя же посторонних на территорию, — неуверенно напомнил второй, но калитку придержал.

Нину занесли сначала во двор, а потом и в небольшое помещение возле ворот. Внутри стояли стол, пара табуреток, громоздкий пульт с рычагами вдоль одной из стен и продавленный диванчик. Вот на диванчик ее и уложили, строго велев не вставать и вообще не двигаться, пока не почувствует себя лучше. И если что — сразу звать.

— А водички можно? Пить очень хочется, — попросила пострадавшая.

И снова не соврала — пить действительно очень хотелось. А еще не мешало бы понять, что делать дальше.

За забор пробралась — молодец! Но здесь с нее теперь глаз не спустят, причем из самых благих побуждений.

На мгновение Нине стало даже стыдно перед охранниками: они искренне волновались за совершенно незнакомую девицу и даже не подозревали, какую змею пригрели на груди. Или все же подозревали?

Когда тот, которого называли Риком, помогал ей сесть и давал стакан с водой, взгляд у него был очень внимательный, изучающий. Ну да, футболка с енотом с образом деревенской девчонки увязывалась плохо. Но мало ли. Вдруг подарил кто!

— Как тебя зовут? — спросил охранник, забирая опустевший стакан.

— Сандра. — Вот и пригодилось новое имя. Даже придумывать не пришлось.

— У тебя есть кто-то в городе? С кем связаться, чтобы тебя забрали?

«Да уж явно не с Лисаром», — подумала Нина, красочно представив себе реакцию обоих друзей Ракуна на такую новость. Поэтому вслух пришлось импровизировать:

— Нет, никого там не знаю. Я сняла комнату у одной бабушки... она сама предложила, когда услышала, что мне надо где-то остановиться.

В каждом городе есть бабушки, сдающие комнаты приезжим! По крайней мере Нина была свято в этом уверена. У Рика история тоже особых сомнений не вызвала.

— Да, с безымянной бабушкой связаться сложновато, — вздохнул он.

— Не надо связываться. Еще пару минут — и я сама уеду, честное слово! Только голова кружиться перестанет...

— Да куда ты поедешь, у тебя все колесо всмятку. Зачем только насос туда-сюда таскал, — присоединился к разговору усатый. — Лежи уж, страдалица, отдыхай и отсыпайся. Утром смена закончится — сам тебя довезу.

— Спасибо, — искренне поблагодарила Нина. — А вам не попадет за то, что меня приютили?

— Если не станешь отсюда высовываться — то не попадет. Так что хватит болтать. Поспи лучше.

Все-таки хороший мужик попался, заботливый. С трудом верилось, что такой приятный человек работает на преступника. Так может, Ракурн ошибся, и Тивасар не преступник вовсе? Но тогда где сам Ракурн?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, в которой вскрывают замки и принимают решения

Одна из лошадей тряхнула головой, вторая поддержала ее тихим ржанием — видимо, устали стоять на одном месте. Распрягать их не стали, потому что в любой момент могла возникнуть необходимость двигаться дальше. Но время шло, а повозка так и стояла неподалеку от дороги: глубже в лес ее загонять поостереглись.

— Что, так и будем сидеть? — не выдержал Истер.

— Можешь лечь спать, — огрызнулся Коба.

— Я и лежу. Даже глаза закрыл, чтобы твою мерзкую рожу не видеть.

Он действительно лежал: по обыкновению — на крыше, благо дождем в этот раз не пахло. Теплый ветерок приятно обдувал лицо и доносил запахи костра и остатков каши, размазанных по стенкам котла. Мог бы, конечно, помыть сразу, чтобы не присохло, но в этот раз была очередь Кобы, а тот уже полчаса пялился в пространство и думал.

Не стоило даже спрашивать, о чем именно, и так понятно.

Истер тоже пытался подумать, но быстро понял, что примет любое решение главаря, потому что самому выбирать между бесчеловечным и самоубийственным что-то не хотелось.

Грызь муками выбора себя не утруждал: он сосредоточенно плел при свете костра венки из полевых ромашек.

А Гмади спал. По крайней мере лежал в повозке с закрытыми глазами и не встревал в разговоры. То есть вел себя как обычно, но Истеру все равно казалось, что спал.

— Почему мы вообще должны их вытаскивать? — озвучил, наконец, общую проблему Коба. — Хоть одну причину мне назовите!

— Деньги, — буркнул Гмади. Все-таки не спал.

— Баба! — выдал Грызь.

— Да какая из нее баба, — отмахнулся Истер. — Ноги, конечно, шикарные, но в остальном дитя же. Наивный иномирский ребенок.

— Не, там вон баба! — Грызь указал на дорогу.

По ней не в первый раз кто-то проезжал: и машины туда-сюда порой сновали, и лисапеды, и даже пешеходы изредка появлялись. Первое время бандиты еще посматривали в ту сторону, опасаясь погони, но вскоре совсем перестали обращать внимание на посторонних.

Но на эту бабу посмотреть действительно стоило.

— Это же та белобрысяя девка, которая с полосатым ехала! — опознал Истер.

— Да ладно? — Коба привстал, вглядываясь в темноту.

Девка была красивая, фигуристая, а вот лисапед, на котором она ехала, — старый и обшарпанный, скрипящий на все лады. Поравнявшись с повозкой, лисапед душещипательно взвизгнул тормозами и остановился. Наездница присмотрелась к мужчинам и махнула рукой, привлекая к себе внимание.

— Узнала? Нет? — шепотом пробормотал Истер.

Костер, горевший за спинами бандитов, должен был помешать разглядеть их лица с дороги, но кто знает, насколько острое у блондинки зрение.

— Извините, а не подскажите... — осторожно начала девица, благоразумно не слезая с седла и готовясь в любой момент рвануть вперед.

— Чего тебе? — откликнулся Коба.

— Я ищу дом Герберта Тивасара. Не знаете, далеко до него?

Бандиты задумчиво переглянулись. Этой-то что в особняке понадобилось?

— Зачем он тебе, детка?

— Не ваше дело! — поджала губы девица и потеревила тонкую цепочку на запястье. — Не хотите говорить — и не надо, сама найду!

— Да скажем, скажем, угомонись, — решил Коба. — Просто интересно, что такая красивая девушка забыла в этом гиблом месте посреди ночи?

— А оно гиблое?

— Я бы без веской причины не совался, — сообщил Истер, спрыгивая с повозки.

— Ой... А я же вас вчера видела, — сообразила блондинка. — Вас и вот его!

Грызть напялил доплетенный венок, скалзубо улыбнулся и задал наконец интересующий всех четверых вопрос:

— Где мужика-то своего потеряла?

— Там и потеряла, — созналась девица. Увидев знакомые лица, хоть и виденные накануне лишь мельком, она стала заметно сговорчивее. — Он к этому Тивасару пошел.

Четверка снова переглянулась. Магоса они на дороге не видели, но это ничего не значило, могли ведь и просто не заметить. Но если он подался в особняк за девчонкой и сгинул там так же безвозвратно, как она и Долан...

Медом им там намазано, что ли, у этого Тивасара?!

— И что ты хочешь? — продолжал допытываться Коба. — Постучаться в калиточку и спросить: «Извините, здесь один дурной магос не пробегал?» Знаешь, есть более легкие способы самоубийства.

Девушка задумалась. Все ее планы явно оканчивались пунктом «добраться до особняка», на дальнейшие действия фантазии не хватило.

— Перестаньте задавать глупые вопросы, — выдала она в итоге. — Просто скажите, куда ехать, а дальше я сама справлюсь. Чего вы вообще ко мне пристали?

— Красивая, — вздохнул Грызъ. — Если помрешь — обидно будет.

— А если помрешь ради того, чтобы вытащить своего мужика из переделки — то вдвойне обидно, — добавил Истер. — Обычно-то наоборот, кавалеры девиц спасают. За поцелуй.

— Да даром мне его поцелуй не нужен! — фыркнула блондинка.

— А что тогда нужно?

— Так ведь если его там прибьют, со мной больше никто возиться не станет — отправят обратно в деревню, глазом моргнуть не успею. А то и просто выкинут из дома, а у меня же с собой ни денег, ни вещей... один лисапед, и тот старый. И куда мне тогда деваться? В содержанки идти? Или сразу на улицу, под фонарем голыми ногами сверкать?

— Работать не пробовала? — из повозки вылез Гмади, задумчиво обозрел всех собравшихся и отхлебнул из фляжки. — Поехали, чего время терять.

Коба недовольно зыркнул на темнокожего громилу, отобравшего у него право принимать решения, но злости хватило на пару секунд, не больше. В конце концов, Гмади все верно сказал, и так слишком долго на одном месте просидели.

— Чего застыла? — прикрикнул главарь на девушку. — Грузи свое ржавое старье в повозку и лезь туда же. Подбросим до Тивасара.

— Вы же сами сказали, что к нему лучше не соваться.

— А тебе и не придется соваться. Постучишься, отвлечешь охрану — дальше мы сами.

— Но... зачем вы мне помогаете? — Блондинка все еще не осознавала своего счастья и старательно искала подвох. Правильно делала, конечно, но об этом ей знать было вовсе не обязательно.

Поэтому вместо ответа Грызъ надел на нее веночек и отобрал лисапед. Возмущаться девушка не рискнула.

Стук в ворота звучал робко, вкрадчиво, но довольно громко. Усатый охранник, почти задремавший на стуле, сразу встрепенулся, потер ладонью лицо и направился к калитке. Рик лениво посмотрел ему вслед.

— Что-то сегодня людно, — вполголоса пробормотал он не то сам себе, не то приоткрывшей глаза Нине. Она согласно кивнула.

Надежды, что охрана уснет и оставит ее без присмотра, таяли с каждой минутой. Скорее

уснула бы сама Нина — организм наконец-то дал сбой, вспомнив, что ночью она спала всего несколько часов, а живительное действие кофе давно прошло.

Снаружи усатый с кем-то разговаривал: слышались его недовольное бормотание и еще один голос, вроде бы женский. А потом вдалеке залаяли собаки. Они и до этого изредка подавали голос, но сейчас лай звучал совсем по-другому — резче и злее, в нем явственно слышалось рычание. Рик тоже уловил разницу, мигом вскочил и потянулся за оружием.

— Что там? Опять кошка забрела? — крикнул от калитки усатый.

— Не знаю. Сейчас посмотрю. — Второй охранник напряженно оглянулся на Нину, но та в этот момент так искренне зевнула, что подозревать ее в чем-то показалось святотатством. И сгонять с дивана тоже.

Но не успел охранник скрыться в саду, как лай повторился, уже с другой стороны двора.

Бормотание усатого сменило тональность, стало еще более торопливым и раздраженным. Нина четко расслышала: «Да отстаньте вы с вашими приворотами!» — после чего калитка с лязгом захлопнулась, и мужчина, недовольно фыркнув, тоже пошел проверять собак.

Сон как рукой сняло.

Нина выждала, пока охранники отойдут подальше от ворот и друг от друга, и выглянула из сторожки. Путь к особняку был свободен. Правда, центральная аллея, освещенная фонарями, просматривалась со всех сторон, и заметить бегущую женщину могли в любой момент, но других вариантов все равно в голову не приходило. Пришлось рискнуть.

Интересно, принято ли в пафосных особняках вроде этого запирают на ночь двери и караулят возле них неожиданных гостей?

Удача Нине явно благоволила: никто не перехватил по пути, и дверь приоткрылась совершенно бесшумно, а в холле было безлюдно и темно. Но не успела лазутчица порадоваться этому факту, как из-под высокого потолка к ней, разгораясь на глазах, спикировал шарик-светлячок.

— Кыш, — шикнула Нина, пытаясь отмахнуться от назойливой магической лампочки, но та только яростнее заметалась у нее над головой, отражаясь в многочисленных стеклах и зеркалах.

— Кто здесь? — сонно прозвучало сбоку, и за ближайшей дверью раздалось неторопливое шарканье.

Нина едва удержалась, чтобы не ответить: «Нет здесь никого, спите дальше!» — и оглянулась в поисках укрытия. Ломиться в многочисленные двери показалось не самой лучшей идеей (кто знает, что за ними находится), бежать на второй этаж она тоже не рискнула, поэтому нырнула под лестницу — там как раз виднелась небольшая темная ниша.

Но стоило в нее втиснуться, как она сразу же перестала быть темной — фонарик продолжал виться над головой. Прятаться с таким маяком было бессмысленно, но зато при свете стала заметна спрятанная в нише небольшая дверца.

По мнению Нины, помещение под лестницей могло оказаться только кладовкой, поэтому она без колебаний рванула дверь на себя и проскользнула внутрь, пытаясь не наделать шума, свалив какую-нибудь швабру. К счастью, швабр и ведер под ноги не попало, да и вообще

комнатка оказалось неожиданно просторной.

Снаружи все еще шаркали и изредка кряхтели, но особого усердия в поисках не проявляли. Видимо, неизвестный блюститель порядка решил, что ему показалось. Но свет волшебного шарика могли заметить сквозь щель под дверью, поэтому Нина отошла от нее как можно дальше, к задней стенке. Вернее, попыталась отойти, но очень быстро поняла, что стенки-то и нет. Помещение заканчивалось узкой лесенкой, ведущей в подвал.

Фонарик шмыгнул вперед, освещая путь, и Нина осторожно двинулась следом. Она все равно понятия не имела, где искать Ракуна, так почему бы не начать с подземелья?

Это был не винный погреб.

Ракун еще сам не понял, радуется ему это открытие или огорчает, поэтому просто принял информацию к сведению и продолжил осмотр. Точнее, «ощуп», потому что темнота вокруг царила кромешная.

А вот то, что у него имелась возможность передвигаться и шупать, несомненно, радовало: руки не связали, ноги не сломали, ни к какому крюку под потолком не подвесили. Возможно, все это ожидало его в будущем, но пока жизнь представлялась не такой уж плохой штукой. Только непроходящая горечь во рту упрямо напоминала о коварной Тине.

Это же надо додуматься — встраивать заклинания в помаду!

Но хороша, чертовка! Сделала его, как мальчишку. А ведь он до последнего надеялся, что она ни при чем, что все это просто дурацкое совпадение.

Ал... Альбертина... Он ее и полным именем-то почти никогда не называл.

А она... Это с самого начала была она!

Кусочки мозаики в голове медленно вставали на места.

Именно Тина позвала его в тот день к себе в особняк, сославшись на то, что муж уедет.

Именно Тина настояла, чтобы любовник пришел в его облике. И в этой просьбе не просматривалось ничего необычного — они уже несколько раз проворачивали такой фокус, иначе слуги начали бы коситься на зачастившего в дом постороннего мужчину.

Сначала Ракун недоумевал: неужели сам Тивасар до сих пор не в курсе, что кто-то в наглую использует его внешность и даже один из его костюмов (который, конечно, тоже раздобыла Тина). Потом, когда все закончилось, магос думал, что именно так его и вычислили.

И только сейчас стало понятно: никто его не вычислял, нужды не имелось — рогатый муж с самого начала был в курсе походов своей жены. А один полосатый дурак, изображавший Тивасара перед слугами, просто обеспечивал ему идеальное алиби. Сам же магнат в это время мог находиться где угодно.

Например, в Истоке.

Например, в лабораториях фонда.

Например, подстраивая несчастный случай.

Ракун со стоном сполз на пол и прислонился спиной к прохладной каменной стене. Хотелось побиться о нее затылком или отбить все кулаки, вымещая злость... Но он пообещал себе не быть идиотом. И так уже столько глупостей наворотил.

Теперь главное, чтобы Нина не заразилась от него дурацким авантюризмом и сделала все как надо: просто позвала на помощь и смылась. Еще вчера утром он полагал, что она так и поступит. Сегодня — уже нет, особенно после ее попыток подслушать разговор под дверью кабинета.

Безумная женщина!

Как можно совмещать в себе такой ум и такое безрассудство?

Магос усмехнулся и потеревил сережку. Как ни странно, она болталась на своем законном месте — дырка в ухе вернулась вместе с родной внешностью. Момента обратного превращения Ракун не помнил, наверное, Тина сделала все сама, пока он находился без сознания. Ну хоть от боли корчиться не пришлось.

А вот все остальные арфактумы хозяйка дома забрала, вполне логично решив, что без них ее бывший любовник ничего не сделает даже с камнем.

И он действительно сидел — и ничего не делал. Мог, конечно, но...

Он находился в крохотной комнатухе с каменными стенами и единственной металлической дверью. Ни окошка, ни замочной скважины, ни щеколды снаружи — только гладкая пластина магического замка, который не послушается чужого.

Конечно, Ракун мог снять сережку, вызвать ту, другую силу и снести дверь вместе со стеной к чертовой матери... чтобы следующие несколько часов после отката провести в бессознательном состоянии... Или, что вполне вероятно, вообще не очнуться.

Не слишком приятная перспектива, как ни крути.

Особенно если знаешь, что сигналка сработала (должна была сработать!), и можно просто ждать помощи.

Интересно, сколько времени прошло с момента его прощания с Ниной? Час? Два? Больше? И если больше, то где эту долбаную помощь носит? Хотя людям ведь еще проснуться надо и от Викены добраться...

От размышлений магоса отвлекли шаги за дверью. Очень тихие, словно кто-то крался по коридору, изо всех сил стараясь не наделать лишнего шума. В щели под дверью мелькнул свет от фонаря, и Ракун невольно затаил дыхание: за ним или нет? И если за ним, то бить будут или разговаривать?

Ни одно из опасений не сбылось, незнакомец у камеры даже не остановился, прошел дальше, неразборчиво пытаясь втолковать что-то светлячку.

Ракун нервно заржал раньше, чем разобрал голос. Только один человек мог общаться с магическим светильником так, будто тот действительно способен его понять. Да что там светильник... Эта выхухоль, небось, и со старым лисапедом разговаривала, убеждая не

развалиться на ходу.

— Тук-тук, — пробормотал магос, стуча в дверь изнутри.

Шаги затихли, а затем начали быстро-быстро приближаться.

— Кто там? — осторожно прошептала Нина, и магос снова чуть не расхохотался, представив ее лицо в этот момент: удивленное, испуганное, но одновременно с тем решительное.

— А кого ты пытаешься тут найти? Принцессу, заколдованную Темным властелином?

— Можно и принцессу, — легко согласились с той стороны. — Но лично я предпочла бы Алинку. Она не с тобой?

— Нет. Но наверняка где-то в особняке. Выпусти меня, раз уж пришла!

Дверь осторожно поскребли, толкнули, затем потянули на себя, но она ожидаемо не сдвинулась с места.

— Как открыть-то? — нервно спросила Нина. — Тут ни щеколды, ни замка!

— Есть замок, просто он магический.

— И что, я должна ткнуть в него волшебной палочкой и сказать «алохомора»? Извини, не тот случай. А ты не можешь его как-нибудь взломать?

— Каким образом? Я же не этот... как ты их называла? Хакер?

— Ты-то уж точно не хакер, — задумчиво пробормотали из-за двери. — Так, ладно, взломать не можешь, но само строение заклинания на замке видишь? Схему?

Ракун осторожно прикоснулся рукой к панели, надеясь, что та не шарахнет в ответ молнией. Обошлось, только пальцы слегка кольнуло, но так ощущались почти все активные арфактумы.

Структура заклинания считывалась легко, но закручена была так, что магос не мог даже понять, где в этом хаотичном сплетении потоков начало, а где конец.

— Вижу, но толку от этого никакого. Замок настроен на конкретные камни.

— Двоечник, — вздохнула Нина и чем-то зашуршала.

Ракун обреченно прислушивался к странным звукам и пытался представить, куда эта безумная женщина его пошлет, если он прямо сейчас велит ей убираться из особняка. Как она вообще сюда пролезла?

Магос почти решился на категоричное: «Вали отсюда немедленно!» — но тут под дверь просунули лист бумаги. Следом с трудом втиснулся карандаш.

— Рисуи, что видишь, — велела Нина. — Всю схему не надо, только тот кусок, который отвечает за идентификацию. Я там сбоку подписала, какие ключи искать.

— Откуда ты вообще это взяла? — удивился Ракун, с трудом разглядывая карандашные закорючки в слабом свете, пробивающемся из-под двери. Вспомнить бы еще, что они означают...

— Ты же сам послал меня в библиотеку. Там много полезного, знаешь ли.

Зарисовать схему оказалось проще, чем спорить, доказывая бредовость затеи. Если разбирать каждый фрагмент в отдельности, то заклинание, возможно, окажется совсем не таким запутанным, каким видится на первый взгляд. Но самостоятельно магос все равно с ним не справился бы.

— Так я и думала! — донесся из-за двери радостный шепот, как только Нина получила листок обратно. — Никакой защиты, обычный запрос на право доступа. Сейчас мы его обойдем аккуратненько и... Ой, кто-то идет! Значит так, быстро сделай вот что...

Ракун с трудом подавил почти вырвавшееся: «Прячься, дура!» — и заставил себя слушать и выполнять указания. Благо диктовала Нина четко и понятно, сразу видно, что училка. Под ее руководством схема менялась на глазах, магос и сам не верил, что все настолько просто. Наверное, надо было меньше прогуливать лекции.

Или взлом чужих заклинаний не входил в стандартную программу обучения?

Несмотря на кажущуюся легкость работы, у Ракуна создалось впечатление, что возится он целую вечность. К счастью, тот, кто приближался к камере снаружи, передвигался с совершенно черепашьей скоростью — когда замок наконец щелкнул и дверь приоткрылась, в коридоре никого, кроме Нины, не было, хотя шаги вдалеке звучали весьма явственно.

А вот бежать оказалось некуда: в другом конце коридора магос успел заметить еще две двери, и обе заперты не на заклинания, а на обычные навесные замки. И все, тупик!

По стенам уже плясали отсветы чужого светлячка, и Ракуну ничего не оставалось, кроме как втащить растерявшуюся Нину в камеру и закрыть дверь изнутри. Может, это вообще не за ним идут? Мало ли...

Шаги приближались, теперь удалось разобрать, что неизвестных несколько. Трое? Четверо? В любом случае многовато, голыми руками не справиться, особенно если одна непоседливая выхухоль начнет путаться под ногами. А в том, что именно так она и поступит, у магоса сомнений не возникало. Нина даже сейчас, вместо того чтобы отойти подальше от двери, вжалась в нее ухом, пытаясь лучше расслышать, что происходит снаружи.

А снаружи все еще шли. Прогрохотали тяжелыми сапогами по каменному полу, потоптались прямо напротив камеры, но затем свернули к соседней двери. В замке заворочался ключ, натужно скрипнули петли...

От этого пронзительного звука Ракуна передернуло. Пожалуй, это была единственная дверь в мире, которую он мог опознать по скрипу, даже несмотря на то, что слышал его всего раз в жизни. И еще множество раз — во сне.

Вот ты где, злополучный винный погреб!

— Простите за задержку, — холодно произнес Тивасар, появляясь в дверях.

— Да ничего, мы не в обиде. Могли бы и еще подождать, — пробурчала Алина прежде, чем Долан дернул ее за рукав, призывая молчать.

Тивасар смерил их обоих презрительным взглядом и повернулся к мужикам, высившимся за его спиной. А они именно высились — создавалось впечатление, что слуг магнат выбирал себе по принципу «чтобы были не ниже хозяина».

Хотя на обычных слуг они не походили. Даже на охранников не слишком тянули: те, которых Алина успела увидеть во дворе особняка, воспринимались скорее приятными мужичками в форме, а эти больше напоминали квалифицированных наемников из низкобюджетного боевика — два амбала гренадерского телосложения с лицами, не обремененными интеллектом.

Повинуясь приказу, наемники подошли к пленникам, вздернули их на ноги и вывели в коридор. Алина ожидала, что сейчас их потащат куда-то еще, но Тивасар просто распахнул ближайшую дверь — оказалось, она вела в ту самую восьмиугольную комнату, в которой состоялась их предыдущая беседа. Только противоположный выход теперь выглядел как темный прогал в стене, частично заваленный камнями. Сорванная с петель дверь валялась рядом.

При виде завала Долан машинально потянулся к разбитой голове, но его тут же остановили, бесцеремонно заломили руки за спину и связали в запястьях. Милит скривился от боли, на повязках снова выступила кровь.

С профессором обошлись чуть бережнее: руки тоже связали, но спереди. А Алину вообще не трогали, просто следили, чтобы она шла в нужном направлении. В итоге девушка оказалась на уже почти привычном месте за столом, а остальных усадили прямо на пол, неподалеку от входа. После этого мужчинам еще и ноги связали, явно в ближайшее время больше никуда вести не собирались.

Это оказалось очень некстати. Весь шаткий план был рассчитан на то, что Алина просто отдаст Тивасару камень, а обряд он проведет в полном одиночестве. Но магнату, видимо, захотелось покрасоваться перед окружающими, вот и пригласил всех полюбоваться моментом собственного величия.

Пока, впрочем, о величии речи не шло. Тивасар опустил на стул, положил перед собой лист бумаги, заполненный формулами и схемами, придавил его резной шкатулкой и спокойно произнес:

— Ну что ж, госпожа Алина, продолжим нашу беседу. Судя по вашей неудачной попытке сбежать, вариант с добровольным отречением вы не рассматриваете?

— Почему? В конце концов, девушка имеет право передумать. — Алина нахально улыбнулась и слизнула капельку крови с разбитой губы. Все равно от ее поведения ничего уже не зависело, так чего стесняться.

Магнат недоверчиво сощурился:

— И что же заставило вас изменить решение?

— Жить хочу, — ответила девушка, стараясь, чтобы слова прозвучали как можно искреннее.

Это было нетрудно: несмотря на собственные недавние мысли о жертвенности, умирать совсем не хотелось. Как-то неправильно казалось умирать, когда тебе только-только исполнилось восемнадцать и серая однообразная жизнь вдруг превратилась в круговерть из других миров, магии и приключений.

Тивасара объяснение вполне удовлетворило. Тем более что он явно торопился, поэтому

предпочитал говорить о деле:

— Тогда предлагаю немного дополнить наш договор. Вы мне камень и прослушку, а я вам жизнь.

— Неа, — мотнула головой Алина. — Я вам камень, вы мне жизнь. А булавка останется у меня как залог безопасности.

— Хорошо, — легко согласился Тивасар.

Слишком легко, слишком просто!

Со своего места девушка видела, как изменилось при словах магната лицо Долана, но и без его красноречивых гримас было понятно, что живыми из особняка никого не выпустят, хоть с булавкой, хоть без нее. Тивасар просто хотел получить камень как можно скорее, поэтому и принимал любые условия, практически не торгуясь.

Как ни странно, сейчас Алина хотела того же самого: побыстрее сбавить камень.

И пусть все закончится.

Просто закончится. Хоть чем-нибудь.

Ракун отлип от двери и осторожно выдохнул.

То, что их до сих пор не заметили и не схватили, могло считаться настоящим чудом. Рассчитывать на еще один подарок судьбы не приходилось, поэтому магос мысленно готовился к худшему. По крайней мере к худшему из того, что он смог придумать.

Идея ворваться сейчас в зал была безумием. Практически самоубийством. А самоубийство — занятие личное, можно сказать, интимное. Поэтому одна умная, но непутевая выхухоль, путающаяся под ногами, могла очень помешать.

— Что мне сделать, чтобы ты ушла? — спросил Ракун.

— Просто попросить? — нерешительно предположила Нина.

— Тогда прошу. Пожалуйста, уходи. Не геройствуй, выбирайся из особняка и отправляйся в город. Если встретишь по дороге долбаную помощь, скажи им, что... ну... пусть поторопятся, короче. Вдруг успеют.

— А ты что в это время будешь делать?

— Убивать Тивасара, спасти Алинку. Ну и еще кое-что по мелочи, если получится.

Нина вздохнула и посмотрела на магоса долгим печальным взглядом:

— Сделай, что сможешь, и возвращайся живым.

— Постараюсь.

— Не старайся. Просто сделай. Тем более что ты мне еще вот это не объяснил. — Нина вытащила из кармана уменьшенный чемоданчик. Якобы потерянный.

Ракун задумчиво повертел его в руках, хмыкнул. Не оружие, конечно, но кто знает, может и пригодиться. Хотя два здоровенных наемника и один обвешанный арфактумами Тивасар в качестве противников, мягко говоря, не радовали.

— Уходи, прошу тебя.

Нина кивнула — и осталась стоять.

Ракун подозревал, что стоять она так может очень долго. А время бежало стремительно, с каждой секундой наращивая скорость. Пока за дверью было тихо, но надолго ли? Что там вообще происходит?

И как заставить эту упрямую женщину все-таки свалить и не мешаться? Поцеловать ее на прощанье, что ли?

Магос улыбнулся собственным мыслям, осторожно привлек к себе Нину, наклонился — и неожиданно лизнул ее в шею.

— Идиот! — буркнула она, отстраняясь. Но хотя бы ожила немножко.

— Вали отсюда, женщина. Давай, я открываю дверь, и сразу: мальчики — налево, девочки — направо. И не вздумай перепутать.

Алина стянула с шеи кулон и демонстративно потрясла им в воздухе.

— Давайте, диктуйте. Что там надо говорить?

— Молчи! — донеслось от двери раньше, чем Тивасар успел открыть рот.

Но Алина знала, что приказ относится к ней, потому что на пороге стоял иномирский дядюшка: пыльный, взъерошенный, но настроенный весьма решительно.

— Кого я вижу! — будто бы даже обрадовался магнат, вставая со стула. — Господин Эллерт! А мне, представьте, доложили, что вы умерли.

— Соврали, — лаконично ответил магос, краем глаза наблюдая, как сбоку к нему медленно приближаются наемники. — А это вам подарочек!

Движение руки было почти незаметным. Миг — и в Тивасара уже летел округлый серебристый предмет. Алина отстраненно подумала, что если это граната, то лучше забиться под стол и не отсвечивать, но с места не сдвинулась. Просто не успела.

У наемников реакция оказалась получше: один из них бросился к магосу, повалил того на пол, а второй зачем-то рванул к своему хозяину. Защитить его пытался, что ли?

Но тот в защите особо не нуждался: вскинул руки, и между ними замерцала тонкая прозрачная пленка. Не требовалось большой фантазии, чтобы понять, что это какой-то магический щит, способный отразить удар чужого оружия.

Тивасар не учел одного: летящий в него предмет не был оружием. Трансформация началась еще в полете, и непонятный метательный снаряд прямо на глазах превратился в большой зеленый чемадан.

От удара о щит чемодан распахнулся, наружу посыпались вещи, среди которых Алина с удивлением обнаружила Нинину одежду, почему-то мокрую, и — совсем уж внезапно — толстенную зеленовато-бурую лиану.

Изогнувшись в полете, как змея, лиана нырнула под щит, извиваясь, проползла по полу и обвила ногу Тивасара. К такому магнат готов не был, поэтому повел себя как любой нормальный человек: завопил и затряс конечностью, пытаясь стряхнуть с нее растение.

Хотя Алина уже совсем не была уверена, что это растение. Какое-то оно оказалось слишком разумное.

— Убери это, идиот! — выдавил наконец что-то членораздельное Тивасар.

Но вместо того, чтобы немедленно броситься на помощь, ближайший охранник вдруг начал стягивать с себя рубашку. Как выяснилось, для того, чтобы схватить змею-лиану ею, а не голыми руками. Но хитрое растение не поддавалось. Более того, ухитрилось прогрызть в штанине магната дыру и начало медленно втягиваться через нее внутрь.

Второй охранник тем временем боролся с магосом, но разобрать, кто там побеждает, было сложно: со стороны все выглядело так, словно мужчины просто катаются по полу в обнимку, пыхтя, рыча и матерясь.

Наверное, требовалось помочь дядюшке, огрев его противника стулом по голове, но в тот момент Алина слишком обрадовалась тому, что все отвлеклись от нее и даже не подумали вызвать подмогу. Или, возможно, просто не могли этого сделать. Интересно, есть ли здесь рации?

Долан что-то быстро втолковывал профессору, тот пытался развязать милиту руки, но дело явно застопорилось, и Алина рванула им на помощь. Задача оказалась сложной: веревка была слишком толстой для того, чтобы ее перегрызть или разорвать, а узлы охранники затянули намертво. Вообще развязывать не собирались, что ли?

С другой стороны — хорошо, что это веревка, а не какие-нибудь наручники.

Девушка ободрала себе все пальцы, прежде чем путы на ногах Гатига наконец-то ослабли, и профессор смог с кряхтением подняться.

— Идите, мы догоним, — велел ему Долан.

Старик не стал корчить из себя великого героя и бодро засеменил к выходу, а Алина принялась за милита.

— И ты тоже беги, — попытался командовать он, но девушка только отмахнулась. Очередной узел уже почти поддался, а в комнате царила такая суматоха, что становилось понятно — на них еще долго не обратят внимания.

По крайней мере Алина в это свято верила. Ровно до того момента, пока над ней не пролетел ее дядюшка. Пролетел, к сожалению, не по собственной воле: охранник закончил борьбу весьма эффектным образом — швырнул магоса в стенку. А потом достал свой смешной несуразный пистолет и хрипло крикнул:

— Всем стоять!

Вставать, конечно, никто не стал, но замерли все: и Алина, и все еще связанный Долан, и даже Тивасар, от которого наконец-то отодрали верткую лиану, попутно распоров кусок штанины. Теперь в дырке просвечивало худое костлявое колено, а злобное растение, закутанное в рубашку, отбросили подальше в угол. Оно извивалось, урчало, но выбраться вроде не пыталось.

— Твою водоросль... — пробормотал магос, ошалело трясая головой и ощупывая рассеченную губу.

Алина мельком подумала, что теперь они похожи еще больше — даже ссадины на одном и том же месте. Правда, в случае с дядюшкой лицом дело не ограничилось, синяков было явно больше, просто остальные скрывались под одеждой.

— Жива? — мимоходом спросил племянницу магос, пытаясь подняться. Получилось плохо.

— Типа того. — Девушка снова потянулась к веревкам, искренне думая, что делает это незаметно, но охранник нервно дернул пистолетом:

— Стоять, я сказал!

Пришлось срочно отдергивать руку.

— И что это было? — высокомерно спросил Тивасар. С рваной штаниной высокомерность сочеталась плохо, но перевес сил явно находился на стороне магната, поэтому пленники дружно простили ему несуразный вид. — Согласен, попытка неплохая, но... водоросль? Seriously? Я считал, ты умнее.

— Беру пример с твоего подручного. — Ракурн кивнул на милита. — Это его подарочек.

— С господином Доланом мы, к сожалению, больше не работаем. Не сошлись характерами. — Магнат пригладил мерзкие усики и вернулся за стол, кивком приглашая Алину присоединиться к нему. — Что ж, предлагаю продолжить с места, на котором нас так невежливо прервали. Напомню: речь шла об отречении.

— Не вздумай! — крикнул магос, но на него сразу же направили пистолет.

— На всякий случай озвучиваю правила поведения, — слегка повысил голос Тивасар. — Любой, кто двинется с места или проронит хоть слово без моего разрешения, будет немедленно убит. К вам, клисса, это тоже относится, но с одним исключением: выстрелят в ваших друзей. Это понятно?

Алина кивнула.

— И еще один момент... Ты! — Магнат указал на второго наемника. — Сбегай наверх, посмотри, что там с возней у забора. Если разобрались, то пусть остальные заканчивают маяться дурью и идут сюда. И проследи, чтобы профессор по участку не бегал. Он старый, ему вредно напрягаться, так что запрети где-нибудь. Или прибеги, если так быстрее. Да, и попроси Оливера, пусть принесет мне кофе. Все, свободен.

Бугай умчался, и теперь за пленниками следил только один человек. Наверное, Тивасару показалось, что этого вполне достаточно, чтобы присмотреть за двумя мужчинами, один из которых ранен и связан, а второй только что пролетел несколько метров, вписался в стену и даже сидеть толком не мог.

Хотя любой понял бы, что долго магос отлеживаться не станет. Даже избитый и безоружный, он все равно прожигал Тивасара злобным взглядом, выжидая момент, чтобы напасть снова.

Значит, требовалось закончить как можно быстрее. Успеть до того момента, когда дядюшка выкинет какую-нибудь глупость и поплатится за это жизнью.

— Приступим, — начал Тивасар. — Во-первых, берете камень голой рукой...

Алина послушно сжала в ладони подвеску, краем глаза отметив, как магос упрямо тряхнул головой, потянулся к сережке, вскочил...

Грохнул выстрел.

— Он пошевелился, — сообщил охранник, равнодушно наблюдая, как Ракур заваливается назад. По рубашке расплывалось красное пятно.

Долан беззвучно выругался. Алина застыла, вцепившись одной рукой в камень, а второй в стол. Все произошло слишком быстро и при этом настолько буднично, что даже не верилось.

Ведь не могло же так случиться, что человек просто взял — и умер. Так не бывает.

Он должен выжить. Обязательно должен выжить!

Почему он не шевелится? Почему?

— Молодец, — похвалил наемника Тивасар. Во время выстрела он даже не вздрогнул и выражения лица не изменил. — Итак, формула отречения... Вы меня слышите, клисса? Пожалуйста, не отвлекайтесь, у меня не так много времени. А у вас не так много защитников, чтобы в них можно было стрелять бесконечно.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, в которой Нина поступает нелогично

Ракур был жив.

Чувствовать себя живым было странно и почти не больно. Только вот очень холодно.

Тело словно вросло в каменный пол и ощущалось так же — тяжелым, каменным и холодным. А местами не ощущалось вообще. Наверное, если пролежать так еще несколько минут, можно и самому превратиться в камень.

А что? Камнем быть не так уж и плохо. Лежишь себе, ничего не делаешь, никто тебя не трогает. Тишина, покой, идиллия...

Что-то постороннее — теплое — царапнуло щеку. И еще раз. Магос попытался отмахнуться от помехи, но рука не двинулась с места. Или двинулась? Честно говоря, Ракур не контролировал до конца собственных действий, потому что вообще не чувствовал, есть ли у него рука. Но должна была быть, в нее же не стреляли. Да и в любом случае, их же две. Ведь две же?

Подивившись путаности собственных мыслей, магос рискнул открыть глаза, и вот тут его ждал успех. И веки поднялись, и зрение оказалось в порядке, и сразу стало понятно, что царапал его милит: падая, Ракур оказался у него за спиной, головой прямо возле связанных рук. И сейчас Долан старательно ощупывал его лицо. То ли пытался определить, жив ли раненый, то ли хотел добить, чтобы не мучился.

Вдалеке, почти на границе сознания, слышались голоса. Неразборчиво бубнил Тивасар, ему тихо вторила Алина. Все-таки не смог помешать, не успел.

Хотя, кто сказал, что не успел? Ритуал еще не закончен!

Магос осторожно, чтобы не было заметно со стороны, повернул голову. Теперь под пальцами милита оказалась не щека, а ухо с сережкой. Уже хорошо. А дальше как? Надо бы что-нибудь такое сделать, чтобы Долан понял, что от него требуется.

Говорить вслух представлялось опасным, могли услышать. А еще Ракун не знал, сможет ли произнести что-то внятное, не раскашлявшись. В горле першило и клокотало, и ощущения наконец-то проснулись — в груди потихоньку разгорался огонь. И это было очень неприятно.

Долан нащупал сережку, машинально ухватился за нее.

— Держи крепко, — все же рискнул шепнуть магос. И рванулся в сторону, стараясь не думать о том, что будет, если у него не получится. Если не хватит сил. Если милит разожмет пальцы. Если он просто не расслышал просьбу... И еще множество всяких разных «если».

Получилось!

Почему-то порванное ухо откликнулось болью даже сильнее, чем простреленная грудь. Но Ракун наплевал на боль, он призвал силу быстрее, чем кто-либо в комнате вообще понял, что произошло.

Время остановилось.

На самом деле, конечно, нет. Просто все вокруг вдруг стало медленным и тягучим, зато сам магос начал двигаться легко и быстро. Дырка в груди, конечно, никуда не делась, но на некоторое время раны перестали иметь значение. А потом...

Ракун запретил себе думать о том, что будет потом. Наверное, он умрет. Скорее всего, умрет. Но сначала разберется со свежими делами и старыми долгами.

Наемника с пистолетом снесло в стену, впечатало в камни так, что некоторые из них треснули и раскрошились. Тивасар среагировал на удивление быстро: успел активировать щит, поэтому на ногах устоял, хоть и отступил на пару шагов назад. А потом достал кнут и начал довольно бодро хлестать им, целясь в магоса. Не коснулся ни разу: Ракун, окруженный невидимой стеной из силы, шаг за шагом приближался к врагу и плевать хотел на все его атаки.

— Я говорил, что запихну эту штуку тебе в глотку? — прохрипел магос, перехватывая сверкающую плеть и дергая оружие на себя.

Ладонь жгло, магия и хитрый яд какой-то там медузы разъедали кожу, но Ракун все-таки выдрал из рук Тивасара кнут... и тот немедленно растворился в воздухе. Без активирующего арфактума он работать не желал, а сам арфактум остался у владельца.

Это показалось обидным. Двадцать лет представлять месть именно в таком виде, и вдруг такой облом. Пришлось по-простому бить магната в морду.

Тот еще трепыхался, пытался уклониться, сыпал какими-то заклинаниями, но Ракун обращал на них не больше внимания, чем на дождик в летний день. Пожалуй, он мог бы убить Тивасара одним ударом или просто швырнуть через всю комнату, как того же наемника, но сила внутри

искрилась, щекотала, требовала продлить удовольствие. Поэтому магос просто играл с ним, как кошка с мышкой, пока за спиной вдруг не прозвучало решительное:

— Стоять! Одно движение — и я убью твою женщину.

Нину поймали?!

Ракун замер быстрее, чем осознал, что голос принадлежит Тине. Вот дернуло же ее спуститься в подвал!

— Подними руки так, чтобы я их видела, и медленно повернись. — Бывшая любовница была настроена решительно. Только одного не учла: это для использования арфактумов нужны руки. А когда ты сам — чистая энергия, для того, чтобы уничтожить человека, не требуется ничего, кроме воли.

Но вот именно воли магосу и не хватало. Тина, конечно, оказалась первосортной стервой, но как же все-таки сложно убить женщину, с которой когда-то спал.

Ракун осторожно обернулся и мысленно выругался. В дверном проеме стояли двое: Тина с кофейной чашкой в руках, а рядом с ней послушная, как кукла, опутанная заклинаниями Марлена. Не Нина!

Ну конечно! Он же обнимался с трактирщицей возле ювелирной лавки, и Тина решила, что они... Стоп, откуда здесь вообще взялась трактирщица?

Впрочем, об этом можно было подумать позже. А сейчас Ракун особенно нагло ухмыльнулся и сообщил:

— Ошибочка вышла! Это не моя женщина.

И сразу же понял, что слова — лишние. И пауза — лишняя. Требовалось действовать, а не стоять столбом. Драгоценное время, подаренное колдовской силой, закончилось, концентрация разлетелась клочьями, перед глазами поплыло.

Только не потерять сознание, только не потерять...

Мир качался все сильнее.

Где-то далеко, словно в другой реальности, тихонько всхлипнула Алина. И это было последнее, что Ракун услышал перед тем, как рухнул в темноту.

— Между прочим, я принесла кофе, — проворковала Тина, опуская чашку на столик. — Оливер уже слишком стар, чтобы прыгать с больной ногой по ступенькам.

— Ты умница, — откликнулся Тивасар, осторожно ощупывая лицо. Ракун неплохо прошелся по нему кулаками, но, как ни странно, ни одной действительно серьезной травмы не нанес. — А это что за девица?

— Пыталась пролезть в дом с бандой головорезов. Очень кстати появилась. Ты закончил с девчонкой?

— Да, камень официально чист, можно начинать ритуал.

— Это полное описание? Со всеми данными? — Тина кивнула на лист с формулами. — Ох, дорогой, поверить не могу, что совсем скоро ты станешь самым могущественным человеком в мире. Думаю, ты заслужил поцелуй!

— Может, чуть позже? — нахмурился магнат.

— Нет, сейчас! Считаю это торжественным завершением нашей прошлой жизни!

Долан слушал это романтическое курлыканье и сосредоточенно пытался перетереть веревку острым штырьком сережки. Получалось плохо: пальцы еле слушались, а сережка была в крови и больше скользила, чем терла. Но других способов освободиться милит не видел, а не делать совсем ничего он попросту не мог.

С Алиной все обстояло с точностью до наоборот: она чувствовала себя как робот, в котором сдохла батарейка. Просто сидела на стуле, сжимая в руке уже не принадлежащий ей камень, и не отводила взгляда от тела на полу. Со своего места она не могла разобрать, жив магос или мертв, но в благополучный исход верилось слабо. Одно чудо только что произошло, а второе вряд ли случится.

Хотя чудо ли?

Да, дядюшка вместо того, чтобы истекать кровью, вполне бодро бегал по залу и колдовал без камня, но ведь она, Алина, тоже так могла. Точнее, сейчас почему-то не могла, но раньше же получалось!

Алина попыталась сосредоточиться, вспомнить то самое ощущение всемогущества, но ничего не менялось, она оставалась все той же испуганной девчонкой, которую все вокруг использовали в своих целях. Сначала Долан, чтобы втереться в доверие к Тивасару, потом сам Тивасар, чтобы заполучить камень...

Сейчас магнат на пленницу даже не смотрел, он самозабвенно целовался с женой. По крайней мере поначалу. Потом вдруг отстранился и удивленно пробормотал:

— Тина, зачем ты?

— Зачем я — что? — усмехнулась женщина, касаясь алого камня, висящего на груди. Тот коротко мигнул, и в тот же миг Тивасар обмяк и повалился на пол, едва не свалив со стола чашку.

Алина даже не удивилась. Устала уже удивляться.

— А затем, дорогой мой, — продолжила Тина, нисколько не смущаясь тем, что муж ее не слышит. — Я не настолько альтруистична, как тебе казалось. Всю жизнь свою вложила в этот план и теперь имею право на дивиденды. Так, что там с формулами? Ох, ненавижу формулы!

Женщина распахнула шкатулку: внутри лежали камни, шесть штук, все разных цветов.

Седьмой магисса выдернула из рук безучастной Алины и начала раскладывать арфактумы по столу в соответствии с изображенной на листке схемой. Замерла на мгновение, рассматривая дело своих рук, — и коснулась висящего на шее рубина.

Не было никаких заклинаний, никаких магических пассов и прочих театральных эффектов.

Просто разноцветные камни один за другим начинали тихонечко светиться: по порядку, как в радуге.

Каждый охотник желает...

Желтая подвеска сияла, как маленькое солнышко, и одновременно с этим сиянием все ярче и ярче разгорался алый кулон Тины, как будто в него перетекала сила остальных камней. Он и алым-то уже не был, на глазах светлел, наливаясь силой.

...знать, где сидит фазан.

Лежащие на столе камни разом погасли, а кулон остался сиять. Источаемая им энергия оказалась такой мощной, что даже на расстоянии чувствовалось, как воздух вокруг него потеплел и словно бы стал гуще, насыщеннее.

Тина замерла, прислушиваясь к ощущениям, удовлетворенно улыбнулась и залпом допила остатки кофе.

Вот и все.

Алина украдкой вздохнула. Ритуал завершен. Ничего у них не вышло. Все было зря. Все — зря! Все...

Желтая подвеска мигнула. И еще раз. И снова.

Тина недоверчиво коснулась своего кулона: внешне он не изменился, но теперь сила ощущалась не как яркий поток, а как ледяной ветер. В воздухе запахло грозой. Не фигурально выражаясь, а настоящей грозой, весенней, с громом и молниями.

Магисса вздрогнула всем телом, с визгом сорвала с себя кулон, отбросила в сторону, как бомбу, готовую в любой момент взорваться. Впрочем, почему — как? Кулон и был бомбой. Любое, даже самое мелкое нарушение в ходе ритуала могло спровоцировать взрыв. А изменение характеристик одного из камней — нарушение отнюдь не мелкое.

«Формула отречения в вашем случае состоит из двух независимых частей, — объяснял Алине профессор. — Сначала вы вступаете в наследство, объявляете себя полноправной хозяйкой камня и ждете, пока он примет вас. И только затем наступает черед непосредственно отречения.

Один нюанс: с того момента, как камень официально становится вашим, право на наследование получают все ваши кровные родственники, даже не имеющие родственной связи с предыдущим владельцем камня. Таким образом, как только вы отречетесь от камня, следующей его клисой станет ваша тетя.

Камень перестанет быть чистым. Он уже настроен на следующего наследника, и его нельзя использовать в ритуале. В случае несоответствия компонентов ритуала заявленной формуле неминуемо последует взрыв. Постарайтесь в этот момент находиться подальше от эпицентра».

До эпицентра оставалось метра три. Ну, может, четыре.

Требовалось немедленно бежать из подвала, а то и вовсе из особняка, но вместо этого Алина как зачарованная смотрела на искрящийся, фонтанирующий энергией кулон. Это было даже красиво.

Зато камни, лежавшие на столе, выглядели тускло и безжизненно, словно они потеряли часть своего цвета. Все, кроме желтой подвески. Она уже не мигала, вернулась к своему обычному виду, но все равно смотрелась ярче остальных. Алина осторожно взяла ее в руку и ощутила знакомое покалывание. Работает!

А потом Долан, наконец-то справившийся со своими веревками, сдернул девушку со стула и поволок к выходу.

Тина им не препятствовала, наоборот, вылетела в коридор первой. Сразу за ней рванула очухавшаяся Марлена. И чуть не столкнулась в дверях с бегущей ей навстречу Ниной.

Сначала Алина ничего не поняла. Просто заметила краем глаза растрепанную девушку и услышала, как Долан крикнул ей: «Назад, сейчас рванет!» Девушка выглядела странно знакомой, но вглядываться в нее было некогда, готовый взорваться кулон притягивал взгляд гораздо сильнее.

Опасно — но как красиво!

— А где этот... — начала знакомая незнакомка, но резко оборвала фразу, заметив на полу Ракуна. И бросилась к нему, рухнула рядом на колени, робко коснулась...

— Нина, назад! — рявкнул милит, и тут до Алины наконец-то дошло.

— Нина? — удивленно пробормотала она, но Долан, не давая ничего рассмотреть, упрямо тащил девушку к выходу. И, похоже, не собирался ждать отстающих.

А у Алины все окончательно перемешалось в голове. Это ведь никак не могла быть Нина! Просто... ну, просто потому, что она никак не могла находиться здесь!

Нину несколько не волновало, где именно она должна была сейчас находиться, по мнению племянницы. И на возможный взрыв она так же наплевала. Единственное, что имело значение, — бледный окровавленный мужчина, лежащий на полу. Он еще был жив — глаза упрямо светились зеленым даже сквозь опущенные веки.

Опять зеленым?! Да что же это такое? Стоило только без присмотра оставить!

— Где его камень? — охрипшим голосом спросила Нина.

Вместо ответа Долан швырнул в нее сережку и предпринял последнюю попытку воззвать к разуму:

— Пожалуйста, уходи отсюда!

— Один раз уже ушла — и вот чем закончилось.

Нина попыталась вернуть на законное место магический камень, обнаружила, что мочка уха разорвана напрочь, и, недолго думая, пробила рядом новую дырку. Прямо сережкой. Когда вокруг столько крови, уже не до церемоний.

Зеленое свечение в глазах Ракуна прекратилось, но в себя он так и не пришел. Он и дышал-то еле-еле. Но ведь дышал! Истекал кровью, но дышал! Даже тихо застонал, когда Нина попыталась сдвинуть его с места.

Она кое-как проволокла мужчину несколько шагов, а потом вспомнила о крутой лестнице

наверх... Сколько там ступенек? Штук тридцать?

Бесполезно... Все бесполезно...

— Тут все сейчас взорвется! — доказывал Долан. — Себя пожалей, дура! Его мы все равно вытащить не успеем!

Нина понимала. Прекрасно понимала. Милит вообще был не в том состоянии, чтобы кого-то тащить, он сам-то едва на ногах стоял. То, что ему при этом удавалось удерживать Алинку, уже само по себе являлось чудом.

— Уходите!

— А ты? — растерялась Алина, переводя взгляд на кулон Тины. Его свет стал таким ослепительно-белым, что резал глаза. До взрыва оставались секунды. Даже бежать бесполезно... Если бы она могла колдовать без камня, то, может, и попыталась бы что-то сделать, но...

И тут девушку осенило.

Ведь все просто, очень просто!

Что нужно сделать, чтобы колдовать без камня? Очевидно, избавиться от камня!

Алина стянула с пальца материнское кольцо и запихала его в карман вместе с подвеской.

Ну, давай, сила! Приходи!

И она пришла, одновременно со взрывом. Может, самую чуточку раньше. Думать времени уже не было, оставалось только действовать. И Алина сделала единственное, что пришло в голову, — окружила кулон плотной сияющей сферой, сжала в руке, не давая разлететься на осколки.

Не отменила взрыв, просто задержала. Надолго ли?

— Я держу! Держу его! — пробормотала Алина. — Мы успеем, все успеем... Нина, пошли!

Она кричала, но сама не слышала своего голоса. Ноги подогнулись, в глазах потемнело, весь мир съезжился до раскаленного камня, зажатого в кулаке. Точнее, до ощущения этого камня — сам он по-прежнему лежал на полу и светился, светился...

— Уходите! — рявкнула Нина, отворачиваясь от дверей.

Не хотела видеть, как Долан хватает девчонку в охапку и тащит ее в коридор.

Не хотела думать, что она последний раз видит племянницу.

Надо было встать и бежать за ними, пока не поздно. Надо было бежать одной. Но как можно бросить человека, пусть даже умирающего? Вдруг его еще можно вылечить? Хотя вряд ли от смертельных ран существует лекарство даже в магическом мире.

Или нет?

Мысленно обозвав себя полной дурой, Нина вытащила из кармана таблетки и бутылочку.

Точно, Ракурн же говорил, что в первую очередь это лечебное средство, а уже потом идут побочные эффекты в виде омоложения.

Жидкости в бутылке осталось совсем на доньшке, поэтому женщина бросила таблетку прямо туда, взболтала. Что-то еще... Да, точно, немного крови. Ну, этого вокруг было в избытке.

Зелье зашипело, позеленело, и Нина аккуратно, стараясь не расплескать драгоценные капли, влила его в приоткрытый рот мага.

— Глотай же, ну... глотай! Пожалуйста!

Ракурн дернулся, захрипел, судорожно вдохнул — и вообще перестал дышать.

— Не-е-ет, — беззвучно протянула Нина. — Нет, пожалуйста, не вздумай умирать. Только не сейчас...

В голове хаотичным круговоротом всплывали совершенно бесполезные знания. Что там надо делать, если человек не дышит? Искусственное дыхание? Массаж сердца? Можно ли делать массаж сердца, когда рядом здоровенная дыра?

Но Нина все равно рванула на Ракурне рубашку, нерешительно провела рукой по груди, стирая (скорее, размазывая) кровь — и на какой-то миг сама перестала дышать.

Потому что рана быстро затягивалась, зарастала свежей кожей. Через несколько секунд от нее не осталось даже следа, хотя полосы старых шрамов никуда не делись. Неубираемые они были, эти шрамы. Но задуматься об этом Нина не успела, потому что под ее ладонью резко и мощно забилось сердце.

Подействовало! Все-таки подействовало!

Магос вздрогнул, раскашлялся и наконец-то открыл мутные глаза. И устало протянул:

— Вот же выхухоль! Ты что тут забыла?

Объяснять времени не было, вообще ни на что времени не было, поэтому Нина просто коротко сообщила:

— Там бомба. Там выход. Пошли.

Ракурн с трудом перевел взгляд с одного на другое, неопределенно хмыкнул, но встать даже не попытался. На самом деле Нина всерьез сомневалась, что он в состоянии двигаться. Сама она после зелья полчаса приходила в себя, а ему сейчас, наверное, еще хуже. Особенно если опять колдовал без камня.

Но выбираться требовалось в любом случае, поэтому Нина упрямо вцепилась в мага и, сцепив зубы, поволокла его к выходу. Ничего, она сильная, она справится.

— Стой... Да стой ты, — буркнул Ракурн, слабо дернувшись в противоположном направлении, к завалу. — Там ближе. И я встану. Сейчас, погоди. Встану.

И действительно встал.

Сдерживать взрыв становилось все труднее. Ладонь жгло, прожигало до костей, словно в ней был зажат кусок раскаленного металла. Алина точно знала, что это лишь ощущение, что стоит разжать пальцы — и все прекратится, сразу станет легко и совсем не больно. Но только крепче сжимала кулак.

Хватило ее на весь коридор, и лестницу, и холл, и даже кусочек аллеи. Она видела, как из особняка выбегают слуги и еще какие-то люди. Откуда они узнали, что надо бежать? Наверное, Долан им крикнул. Но девушка не слышала этого, она вообще ничего не слышала.

Она держалась изо всех сил в надежде, что Нина вот-вот выбежит следом, покажется на крыльце.

Она пообещала себе, что будет ждать столько, сколько потребуется, что не разожмет пальцы до этого момента.

Они разжались сами. Руку до плеча прострелило болью, из глаз брызнули слезы.

Внутри особняка гроыхнуло так, что заложило уши.

Земля под ногами вздрогнула, в ночное небо взметнулись огненные всполохи, вокруг застучали разлетающиеся камни, закричали люди. В саду хором взвыли рогатые собаки.

Долан выдал длинную матерную тираду, подслушанную у Кобы.

Алина всхлипнула, из последних сил натянула кольцо обратно на палец и отключилась.

Видеть над собой крышу фургона казалось настолько привычным, что некоторое время девушка просто пялилась в потолок, не особо понимая, что не так. Но что-то совершенно точно было не так. Что-то в обстановке, в ощущениях, в запахе...

Точно, в запахе!

Повозка бандитов пахла лошаадьми, а эта — машинным маслом. И пол оказался металлическим, а не деревянным. Хорошо хоть, у кого-то хватило ума уложить ее не прямо на металл, а на заботливо подстеленное одеяло.

Алина села, осторожно потянулась. На душе было пусто, как будто что-то важное с корнем выдрали, но физически она чувствовала себя вполне живой, только кружилась голова и безумно хотелось пить. Но никакой фляжки с водой рядом не было, да и вообще ничего не было. А вот снаружи доносился гомон множества голосов, и девушка рискнула выбраться из повозки.

И почти сразу же поняла, что никакая это не повозка, а грузовик. Детище местного автопрома отличалось веселенькой ярко-зеленой расцветкой. На двери кабины красовалась стилизованная корова, а для особо непонятливых кузов украсили орнаментом из ромашек, чашек и молочных бутылок.

На ночной дороге, освещенной отблесками пожара, этот молочно-ромашковый позитив выглядел очень странно и даже слегка сюрреалистично. Особенно учитывая, что вокруг деловито сновали крепкие ребята в камуфляже, бронежилетах, масках и с оружием. Алину эти спецназовцы явно заметили, но никак на ее появление не среагировали. Значит, она в кои-то веки не пленница и может передвигаться свободно?

Она и двинулась, придерживаясь рукой за кузов, чтобы не упасть.

Возле кабины виднелась высокая фигура Долана. Бледный и мрачный милит что-то объяснял хмурому светловолосому пареньку, сидящему прямо на капоте. Тот слушал вполуха, больше внимания уделяя догорающему особняку, чем собеседнику. И наконец не выдержал:

— Идите к врачам, Долан. Вы же на ногах не стоите.

— Я в порядке, — упрямо ответил милит. — Если кому и нужна помощь, так это девочке.

— Поверьте мне на слово, этой достойной наследнице долбанутого дядюшки просто надо отоспаться. В отличие от некоторых. К врачам, я сказал!

Долан попытался еще что-то возразить, но тут подоспел крупный рыжеволосый мужчина и мягко, но непреклонно подхватил упирающегося милита под руку:

— Пойдемте, я вас провожу. Вот туда, смотрите.

Алина тоже посмотрела. Чуть поодаль стояли несколько одинаковых белых фургончиков, которые могли быть только «скорой помощью». Вид у них был такой, своеобразно-медицинский.

— Я прекрасно вижу, куда идти, — недовольно буркнул Долан, но тут же оступися и непременно упал бы без поддержки рыжего.

Тот никак это не прокомментировал, но потащил милита к врачам вдвое быстрее.

— Долан, когда вас уволят, свяжитесь с моим секретарем, — крикнул вслед паренек.

— А его уволят? — машинально спросила Алина.

— После такого — непременно. — Незнакомец, кажется, вообще не удивился ее присутствию. Только понятливо спросил: — Пить?

Алина кивнула и тут же получила в руки большую кружку со сладким чаем. Все выглядело так, словно этот странный парень точно знал, что ей понадобится после пробуждения в первую очередь.

Девушка с любопытством посмотрела на незнакомца, но тот уже потерял к ней всякий интерес и стал вглядываться вдаль. Оттуда, со стороны особняка, мчался одинокий спецназовец. Затормозил возле грузовика и, не успев даже отдышаться, коротко доложил:

— Нашли. Живых.

В глазах парнишки мелькнуло такое облегчение, что Алина наконец-то задумалась, кто этот человек и почему он так радуется тому, что... что...

И тут до нее тоже дошло. Не Тивасару же с женой радоваться, в самом деле!

Нет, всякое бывает. Может, у этого пацана родственники в особняке работали или знакомые. Или кто-то из местного спецназа пропал во время взрыва.

Перебирать варианты можно было до бесконечности, но в этом не имелось никакого смысла, потому что ответ стал очевиден: от развалин уже шли, поддерживая друг друга, темноволосый

мужчина и девушка, похожая на Нину со старых фотографий. Оба мокрые, потрепанные, но вполне счастливые.

— Где их носило? — поинтересовался парень.

— В пруду целовались, — со смешком ответил спецназовец. — Шеф, я пойду? Там еще дел полно.

Блондинчик кивнул, отпуская подчиненного, и хмуро воззрился на подошедшую парочку.

— Мы не целовались, — торопливо пробормотала Нина, опуская глаза. Но выглядела она при этом такой счастливой, что светилась круче камня перед взрывом.

Алина не выдержала и с радостным визгом повисла у тети на шее. И плевать, что тетя каким-то образом стала одного с ней возраста. На фоне всего случившегося за последнее время это показалось не самой большой странностью.

— Отпусти, ребенок! Задушишь же, — мягко улыбнулась Нина.

— Ну и пусть, — фыркнула Алина. — Я тебя мысленно уже похоронила и оплакала, так что теперь с чистой совестью могу и задушить. Как ты вообще могла так поступить?

— Да как-то так получилось. — Нина многозначительно пожала плечами.

— Полосатый, ты неисправим! — тем временем отчитывал Ракуна парнишка. — Его все ищут, а он с бабой где-то уединился. Это вообще нормально?

— Да правда не целовались. Вот. — Магос продемонстрировал на ладони крупную рыбку чешуйку. — Одна осталась, последняя. Нас взрывом в пруд снесло. Сверху какие-то балки горящие падали, всплывать опасно было. Ну, мы решили под водой переждать, пока не утихнет, а дышать-то надо. Ты когда-нибудь пытался дышать вдвоем через одну чешуйку? То еще извращение!

— Как вы вообще в этот пруд попали? Он же с другой стороны дома!

— Через черный ход.

Алина вспомнила о втором выходе из ритуального зала. Да, тот путь был намного короче, но...

— А если бы он оказался совсем завален? Или дверь была бы заперта?

— Да ладно, нормально же все получилось, — легкомысленно махнул рукой магос.

— Живучая скотина! — озвучил общую мысль рыжий, вернувшийся от медицинских машин и успевший услышать окончание разговора. — Только зачем женщину в свои подвиги впутывать?

Вместо ответа Ракун побледнел и, потеряв равновесие, шатнулся вперед. Тяжело оперся о капот, постоял так немного, подумал, сполз ниже и уселся прямо на землю.

— Скопище инвалидов, — прокомментировал пацан. — Я на вашем фоне себя самым здоровым чувствую.

— Это можно исправить. Хочешь, ногу сломаю? — ехидно предложил магос, но почти сразу же

сменил тон на жалобный: — Пить есть?

В руки ему немедленно впили вторую кружку. Ракурн, не глядя, сделал большой глоток и, закашлявшись, тут же выплюнул половину.

— Силь, ну какого черта? Почему долбаный кофе?

— Потому что, — веско ответил пацан. И под его суровым взглядом магос, давясь и морщась, выпил все, что было.

Некоторое время вокруг стояла тишина. Спокойная, умиротворенная, практически семейная. Так бывает, когда родственники собираются за столом, обмениваются новостями, обсуждают последние события — и вдруг замолкают, не потому, что не о чем говорить, а просто потому, что все прекрасно понимают друг друга без слов.

И то, что в роли стола выступал капот грузовика, а некоторым «родственникам» друг друга даже не представили, ситуации нисколько не мешало.

Пока парень, которого назвали Силем, не решил вслух подвести итоги:

— Итак, что у нас есть... Разрушенный особняк Герберта Тивасара, в недрах которого, предположительно, скрывается труп Герберта Тивасара. Плюс сбежавшая жена Герберта Тивасара. Плюс проводимые ими многочисленные противоправные действия и незаконные операции с чужими камнями, одна из которых повлекла за собой взрыв. И ни одного доказательства виновности, кроме свидетельств очевидцев, большая часть из которых проникла в особняк нелегально. Причем двое из них творили такое, что после первого же официального допроса их выпрут за пятый виток, а то и дальше. И это если в живых оставят.

Алина испуганно заморгала. Это он про нее и дядюшку? Про их способности? Но она же хотела как лучше, людей спасала!

Нина тихонько приобняла племянницу за плечи. Стало легче, но ненадолго.

— Замнут, думаешь? — поморщился рыжий, доставая сигару.

— Почти наверняка. Если внезапно не всплывут какие-нибудь неопровержимые доказательства. Документы там или записи...

— Но ведь есть же булавка! — вспомнила Алина. — Подождите, я сейчас вернусь!

И умчалась раньше, чем кто-то успел ее остановить.

Осталось только вспомнить, где именно она закопала миниатюрную прослушку, и понадеяться, что в это место не рухнул какой-нибудь из обломков взорвавшегося дома.

Нина по привычке хотела рвануть следом, чтобы проследить за неугомонным ребенком, но ограничилась тем, что проводила Алину взглядом до распахнутых ворот особняка. В конце концов, что этому ребенку сделается, если он благополучно пережил похищение и взрыв, чувствовал себя явно лучше окружающих, да и, честно говоря, ребенком-то уже не был.

У одного из стоящих неподалеку белых фургонов с лязгом распахнулась дверь, и наружу выбрался помятый и обильно перебинтованный Долан. Кто-то сердобольный одолжил ему рубашку, но она оказалась милиту явно маловата, даже на груди не сходилась, поэтому не

столько скрывала многочисленные повязки, сколько привлекала к ним внимание.

— Я на минутку! — объявил Ракун, решительно поднялся и направился к раненому.

Подошел, смерил его хмурым взглядом и без предупреждения врезал в челюсть. И раздраженно потер кулак — челюсть у милита была, похоже, стальная.

Нина тут же бросилась туда, готовясь разнимать драчунов, но Долан отвечать на удар не стал. Только потер наливающийся синяк и уныло признал:

— Да, я виноват. Можешь ударить еще раз, я заслужил.

— Подлечись сначала, — хмыкнул Ракун, демонстративно скрещивая руки на груди. — Но если еще раз прикоснешься к моей племяннице — убью.

— Ты даже Тивасара не убил, хотя мог.

— Ладно, его попрошу. — Магос указал на Силья. — Вот он точно убьет и не поморщится.

— Поморщусь, — признал замглавы разведки Истока, спрыгивая с грузовика и подходя ближе. — Жалко без особых причин ценные кадры гробить. Пусть лучше отрабатывает.

— То есть про работу — это вы серьезно говорили? — удивился милит. — Возьмете меня к себе?

— Возьму, — подтвердил Силья. — Вы, Виктор, слишком много знаете. Так что лучше держать вас поближе. И, кстати, госпожа Александра, вас это тоже касается. Пойдете в аналитический отдел?

Нина не сразу поняла, что вопрос относится к ней. Вот дернуло же представиться этой долбаной Александрой, теперь так и будут называть. Но вообще-то...

— Почему бы и нет. Мне же надо будет где-то работать. Осталось придумать, где жить.

— У меня, — спокойно произнес Ракун.

Это не звучало как предложение или намек, он просто поставил всех собравшихся перед фактом, что вот эта конкретная женщина теперь живет у него. Собравшиеся, судя по лицам, даже не удивились. В отличие от самой Нины.

Она ожидала чего угодно: начиная с заявления, что ничего между ними не было и быть не может, и заканчивая ночью бурного секса... после которой ей объяснили бы, что это на самом деле ничего не значит. В глубине души она приготовилась и к тому, и к другому. Но чтобы вот так: раз — и сразу жить вместе... И это на второй день знакомства.

Или на двадцатый год, если посмотреть с другой стороны.

Неловкую паузу прервала вернувшаяся Алина.

— Вот! — Девушка протянула Силью слегка помятую булавку. — Это запись. Как Тивасар мне угрожал. Ну и, может, еще что-то, не знаю точно.

— Много чего еще, — подтвердил Долан.

Алина, обнаружив присутствие милита, обернулась к нему, посмотрела исподлобья и вдруг

резко, без предупреждения, вlepила пощечину. Ровно в то место, куда до этого ударил кулак Ракуна.

— Да, я виноват. Можете ударить еще раз, я заслужил, — привычно пробубнил Долан.

— Вот уж действительно родственники, — взмахнул сигарой Лисар. — А с материнской стороны это милое дитя что-нибудь унаследовало?

«Привычку влюбляться в первых встречных иномирских мужиков», — подумала Нина, но вслух этого говорить не стала. Хотя племянница, видимо, и без слов все поняла, потому что внезапно смутилась и покраснела. А потом стянула с себя длинную серую куртку и протянула милиту:

— Вот. Спасибо за нее. И вообще за все. И, кстати, чуть не забыла... — Алина вытащила из кармана подвеску с желтым камнем и повернулась к тете. — Это тебе.

— Но это же твой... — не поняла Нина.

— Да нет, так получилось, что теперь твой. Я не уверена, что после ритуала он работает как надо, но если не взорвался, то, наверное, должен... Так что вот...

Первым разобрался в ситуации Силь:

— Ну что, госпожа Александра, я вас официально поздравляю с получением наследства. Кажется, аналитический отдел пока обойдется без нового сотрудника.

— То есть он правда мой? — Нина осторожно прикоснулась к камню. Камень был гладкий, прохладный и по форме очень походил на сережку Ракуна, такая же золотистая капелька.

— Поздравляю, — улыбнулся магос. — Носи на здоровье. И, видимо, проблема с жильем тоже отпадает. Ближайшие три года проведешь при школе.

— Ну... да... — пробормотала Нина. Так и знала, что ничего с совместной жизнью не получится. — Но ты же будешь меня навещать?

— Вот еще, — фыркнул Ракун. — Сама придешь! Чего нахмурилась? Нельзя посторонним на территорию школы, что я могу поделаться...

— А куда мы, собственно, едем? — на всякий случай уточнил Истер.

— На север, — озвучил очевидное Коба и подхлестнул лошадей, хотя они и без того бежали довольно резво.

Он и сам не знал, куда именно направляется банда. Видимо, до ближайшего крупного города, где можно подзаработать денег. А дальше как повезет. Главное — они свободны и даже с чистой совестью.

Чистая совесть обошлась наемникам удивительно дешево: побродили вокруг особняка, пошумели, перебудили собак, часть накормили снотворным... Поймали одного из охранников, постреляли в остальных из его пистолета. Так, не всерьез, чтобы побегали. В общем, баловство одно.

Даже в особняк лезть не пришлось.

С одной стороны — плохо, что не пришлось. В богатом доме всегда есть чем поживиться. Вазы, вилки, статуэтки всякие. Богачи пропажу даже не заметят, а нормальные люди на это месяц есть и спать будут.

С другой стороны — хорошо. Потому что Коба видел, как все это богатство взлетело на воздух, и очень не хотел бы оказаться в особняке в тот самый момент. Жить-то еще не надоело.

— А с девчонкой было весело, — ни к кому особо не обращаясь, вздохнул Грызъ. — И хвост она мне так и не показала.

— Да нет у нее никакого хвоста, — хихикнул Истер.

— Она сказала — есть! Я ей верю, она милая.

— У нас теперь еще одна имеется. Тоже милая. Спроси, может, тоже хвост покажет. Или еще что-нибудь.

Грызъ задумчиво посмотрел на прикорнувшую Марлену. Девушка была действительно ничего. Не такая длинноногая, как Алинка, зато с грудью. Может, и в жабу играть умеет. Если да — то вполне себе равноценный обмен получился.

Дорога гладкой лентой ложилась под колеса, повозка неслась вперед, с каждой минутой удаляясь от так и не расплатившегося с наемниками Долана и его юной пленницы. Коба молчал, с удивлением думая о том, что тоже немного скучает по иномирской девчонке. Потом не выдержал и все-таки пробормотал вполголоса:

— Ну, может, еще увидимся.

— Да, — откликнулся из недр повозки Гмади.

О том, откуда он это знает, никто спрашивать не стал.

А на следующее утро Нина самозабвенно ревела.

Ракун поморщился. Когда день начинается с того, что у тебя под боком ревет голая женщина — это не слишком хороший знак.

Некоторое время он молча лежал, надеясь, что она затихнет сама, но поток слез казался бесконечным. Нина тряслась, выла в подушку, комкала одеяло, но никак не могла успокоиться. Пришлось брать дело в свои руки.

В самом прямом смысле: магос обхватил женщину, прижал к себе и тихо спросил:

— Что случилось?

— Ничего, — всхлипнула Нина, зарываясь лицом в подушку. Но хоть не отстранилась — и то хорошо.

— Я что-то не то сделал? Я тебя обидел? — осторожно продолжил Ракун.

— Да отстань ты. — Зареванная выхухоль все-таки оставила подушку в покое и наскоро вытерла глаза. — Все хорошо. Все отлично. Правда.

— Тогда в чем проблема?

— Нет проблем. Никаких проблем. Понимаешь? — Нина повернулась так, чтобы видеть лицо магоса, немножко заспанное, но такое родное. Он почти не изменился после зелья: видимо, действительно относился к тому типу людей, которые с молодости и до пенсии выглядят одинаково. — Все так прекрасно, что даже не верится. Не надо никуда бежать, не надо никого спасать. Тихо, спокойно, ты рядом. Можно просто расслабиться и пореветь в свое удовольствие. Не представляешь, сколько я об этом мечтала!

— О том, чтобы пореветь? — уточнил Ракурн, в очередной раз поражаясь хитрым вывертам женской логики.

Нина едва заметно смутилась, смахнула остатки слез и прижалась покрепче. И тихо пробормотала:

— Ну да, и об этом тоже.

mir-knigi.org